

на боевом посту

ЖУРНАЛ

ВВ

4'90

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

163



**ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЗАКАВКАЗЬЕ
ДИАЛОГ С «ПАМЯТЬЮ»**

«БОЛЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ»

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ





За нашу Советскую Родину!

на боевом посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

4'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
В. А. ШОШИН.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИ-
ЦЕ ОБЛОЖКИ: кавалер ор-
дена "За личное мужество"
ефрейтор В. Незнамов и ка-
питан И. Башкирцев, награж-
денный медалью "За боевые
заслуги".

■ НА СНИМКАХ СЛЕВА:
в Горках Ленинских.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.





Нелегка солдатская наука. Но постичь ее должен каждый, кого Родина призвала в воинский строй. И пусть непреодолимо длинными кажутся поначалу изматывающие километры марш-бросков и не с первой очереди удастся поразить мишень — все придет. Через труд, через умение подчинять себя службе, через верность присяге. Только так можно стать настоящим воином.

На снимках:

■ Рядовые С. Смицкой и О. Афимов на занятии в классе связи.

■ В учебном карауле. На переднем плане рядовой М. Юдин.

■ Приобщение к традициям. Рядовые Н. Дерешев и О. Безруков в комнате истории и боевой славы части.

■ Командир отделения младший сержант В. Игнатов разъясняет подчиненным устройство автомата.

■ Улыбка воину и лицу. Рядовой А. Иванчика [на четвертой странице вклейки] родом из Архангельской области, и потому мороз и снег только прибавляют ему настроения.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.



РЯДОМ С ИЛЬИЧЕМ

И. П. ЗУБАНОВ, ЧАСОВОЙ ПОСТА 27, ВETERАН ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Тернистым был путь, который прошел ветеран ленинской партии Иван Петрович Зубанов. По призыву молодой Республики Советов семнадцатилетним юношей вступил в Красную Армию добровольцем. В годы гражданской войны сражался с врангелевцами и махновцами.

В 1921—1924 годах проходил обучение в 1-й Советской объединенной военной школе имени ВЦИК. В 1922 году стал коммунистом. Эти годы для кремлевского курсанта Зубанова были незабываемыми: он нес службу на посту 27 у кабинета и квартиры В. И. Ленина, много раз с ним встречался и беседовал.

В годы Великой Отечественной войны полковник Зубанов командовал Ленинградским полком войск НКВД.

В послевоенные годы Иван Петрович написал воспоминания о службе на посту 27, которые переданы в Центральный музей внутренних войск МВД СССР.

Никогда не забыть, с какой несказанной радостью я узнал о моем назначении часовым на пост 27. Три года мне посчастливилось видеть Владимира Ильича, беседовать с ним, наблюдать за его кипучей партийной и государственной деятельностью.

Нас, кремлевских курсантов, всегда поражала необыкновенная работоспособность Владимира Ильича. Часто думали: откуда у него берется столько сил? Ведь за день успевал с десятком людей встретиться, отдать множество распоряжений, проверить их исполнение, выступить на заседаниях и митингах.

Меня, как и моих друзей, очень трогало доброжелательное отношение Ильича к нам, курсантам. Самое сильное впечатление в моей жизни оставило одно слово, впервые услышанное от него, — «товарищ».

— Здравствуйте, товарищ курсант! — обратился ко мне Ленин в первый день заступления на пост.

Слово «товарищ» звучало в его устах как-то особенно душевно. При встречах с ним надо было торопиться, чтобы поздороваться, потому что Владимир Ильич сам спешил поприветствовать первым, а к тому же спросить о самочувствии, о родителях.

У нас вначале действовала строгая инструкция: часовой ни с кем не разговари-

вают. Рассказывали, что один из курсантов ни за что не захотел отвечать Ленину на вопросы. Владимир Ильич спрашивает, а тот молчит: не положено, и basta. Последовал его звонок коменданту: в чем дело, почему курсант не отвечает на вопросы Председателя Совнаркома? Комендант ответил, что устав запрещает часовому разговаривать на посту. Но все же вопросы-то задает не кто-нибудь, а Председатель Совнаркома. После этого на все посты передали поправку к инструкции: с Лениным часовому разговаривать разрешено.

Самые строгие блюстители уставного порядка не могли возразить против этого. Да и о каком «порядке» могла идти речь, если глава Советского правительства здоровается с часовым: ведь это не предусмотрено никакими уставами. Ленин видел перед собой не просто часового, а защитника завоеваний Великой Октябрьской со-

циалистической революции, стража молодой Советской республики.

Владимир Ильич очень гордился нами. Характерен такой случай. Во время Первого конгресса Коминтерна делегат из Венгрии остановился возле поста и спросил у Ленина по-русски:

— Это солдат революции?

— Да, — ответил Ильич. — Это — воин Красной Армии. Курсант.

Делегат улыбнулся и подошел к часовому, желая обнять. Ленин с улыбкой, но твердо сказал:

— Часовой — лицо неприкосновенное. Ему надо предъявить мандат.

Владимир Ильич первым предъявил мандат, за ним — товарищ из Венгрии.

В лице нас, кремлевских курсантов, Ленин гордился Красной Армией, героически защищавшей завоевания Великого Октября.



Сотрудники личной охраны В. И. Ленина. В их числе — бывшие бойцы отряда ОСНАЗ войск ВЧК — ОГПУ. Горки, 1923 год, сентябрь.

Фото из фондов Центрального музея внутренних войск.

Мне доводилось нести службу на посту у кабинета Председателя Совнаркома. Случалось, что кто-либо из советских руководителей идет к Ленину по его вызову, а пропуск забывает. Пускать нельзя — такова инструкция. У дверей начинался нервный разговор. Владимир Ильич, конечно, в кабинете все слышал, но никогда не упрекал часового. Наоборот, считал его действия законными. И не только в тех случаях, когда это касалось других. Он был столь же строг и к себе. К требованиям часового Ильич относился очень серьезно. Это помогало в Военной школе имени ВЦИК воспитывать у курсантов чувство ответственности за порученное государственное дело.

Ленин не был ни социальным пророком, ни прожектором. Сила его была в умении познать потребности рабочего класса, всех трудящихся и выразить их в стратегии и тактике партии.

Из постановления Политбюро ЦК КПСС к 120-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Обстановка в стране, в Москве требовала всеми силами укреплять дисциплину. Мятежи, восстания, заговоры, убийства. Покушение на Ленина. Партийный коллектив школы был полон стремления обеспечить в карауле строжайшую дисциплину, безупречное выполнение часовыми своих обязанностей.

Нас встревожило чрезвычайное происшествие: один из курсантов заснул на посту. Мы судили его со всей строгостью революционного закона, и по приговору товарищеского суда командование отчислило его из Военной школы имени ВЦИК.

Это было единственное ЧП на кремлевских постах. Часовые несли службу с удвоенной бдительностью, поистине по-революционному. Каждый выполнял уставные обязанности под девизом: «Зорче взгляд, острее слух, строже дисциплина!».

166
167

Мы помнили ленинские слова о том, что малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся.

За годы несения службы в Кремле у меня было много встреч с Лениным. Подробно расскажу об одной из них, которая носила комический характер.

В ночные часы я стоял на посту 27. Тихо было кругом, в квартире Ленина спали. Медленно шло время моей вахты. Ночью, если не заседал Совет Народных Комиссаров, никто в коридоре не появлялся. А если шла смена, то стук кованых каблуков курсантов доносился еще с нижнего этажа.

Я увидел Владимира Ильича, когда он подошел почти вплотную, совсем не с той стороны, с которой мог его ожидать.

Это было так внезапно, что я испугался. Главное же, меня поразил его необычный вид: голова обвязана платком, длинные концы которого, завязанные узлом, торчали наверху, лицо страдальческое, как у человека с острой зубной болью. Я задрожал и крикнул:

— Стой!

Ильич, обыкновенно послушный нашим воинским порядкам, сразу остановился и мягко спросил, чуть склонив набок голову:

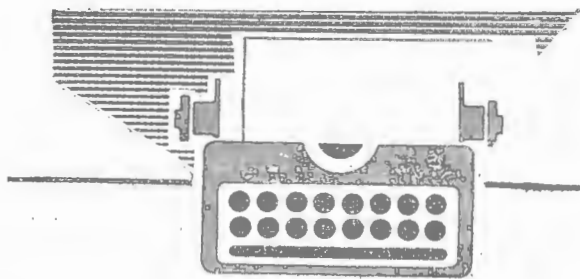
— Вы, товарищ курсант, разве не узнаете меня?

Страх тотчас пропал. С чувством вины в каком-то непоправимом проступке я произнес:

— Владимир Ильич, извините меня. Я не узнал вас и испугался.

Он засмеялся и, как мне показалось, иронически взглянул на мою винтовку. Комичность положения, вероятно, отвлекла его на минуту от зубной боли. Он объяснил, что вышел из квартиры черным ходом — там был 19-й пост, — обошел здание вокруг и вот прошел сюда. Вид его, очевидно, необычен, у него страшно разболелись зубы, ничто не помогает, и вот, в конце концов, он решил немного пройтись...

Публикацию подготовил подполковник в отставке В. АДОРИНСКИЙ, заслуженный работник культуры РСФСР.



ЗАЩИЩАТЬ ИДЕИ ЛЕНИНИЗМА

Бурным и сложным в истории нашего общества было начало 1990 года. Резкое обострение межнационального конфликта между Арменией и Азербайджаном, следствием которого явились драматичные события 19 января в Баку, когда под угрозой оказались Советская власть, социалистический строй в республике. В результате националистических амбиций экстремистов пролилась кровь. А в феврале — резкое осложнение положения в Душанбе, где массовые беспорядки с погромами, поджогами и грабежами вынудили ввести комендантский час.

Мартовский Пленум ЦК КПСС, работа внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР показали, что настала пора решительных действий. Ибо в обществе идет активная борьба за политическую власть, в которой участвуют разные фронты, движения, многочисленные неформальные организации. Многие из лидеров этих объединений дают себе отчет в том, что им не победить в этой борьбе, если не развенчать партию, не развенчать ленинизм.

Антивную позицию в объединении этих сил на антиленинской идее заняли сегодня отдельные лидеры неформальных общественных организаций. Один из них народный депутат СССР профессор Ю. Афанасьев прямо заявил: «Существующая партия (КПСС) не имеет будущего, потому что это — ленинская партия. Она построена на порочной ленинской модели насаждения социализма сверху. Верность ленинской традиции — важный фактор легитимации современного режима, его последний бастион, потому и необходимо отвергнуть все черты партии, идущей от Ленина».

Вот так, ни много ни мало — нет будущего только потому, что партия свято чтит ленинские традиции. Подобные капитулянты своим двурушничеством давно порвали все связи с социализмом, готовы по частям продать наше национальное достояние, территории, растоптать нравственные ценности, доставшиеся нам от старших поколений, которых не сломила ни сталинская машина, ни команда брежневского застоя.

Перестройка со всей остротой поставила проблему подлинно творческого осмысления ленинского наследия. Сегодня некоторые говорят, что Ленин, ленинизм не нуждаются в защите. А практика, наша жизнь свидетельствуют об ином. И осмысливать заветы Ильича, и защищать провозглашенные идеалы мы тоже должны.

Крайне опасно отбрасывание Ленина и всего его учения. А оно идет активно и наступательно. Противники перестройки рядятся в разные одежды, но лик их один — неприятие социализма, отрицание ленинского учения о нем. Но не помогут им в этом ни Солженицын со своим тенденциозным и враждебным отношением к Ленину, Октябрю, ни злопыхательские выпады новоявленных радикалов, социал-демократов и анархистов со страниц ряда газет и журналов.

Лучшая защита Ленина и ленинизма — это продвижение вперед перестройки. Ее мы с вами защищали в Фергане, Закавказье, Душанбе. Всегда будем помнить, что миссия внутренних войск — спасительная.

120-летие В. И. Ленина — это не лубочный юбилей, а время собирания сил, их консолидации во имя защиты идей ленинизма.

167
168

ЕСТЬ ТОЧКА ОПОРЫ!

**ПОЛКОВНИК И. ШЕВЧУК
КОМАНДУЕТ ЧАСТЬЮ,
КОТОРАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ
УПРАВЛЕНИИ ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК В 1989 ГОДУ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СЛУЖЕБНО-
БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЗАНЯЛА ПЕРВОЕ МЕСТО.
ЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ
О СОРЕВНОВАНИИ И РОЛИ
В НЕМ КОММУНИСТОВ
ПРЕДЛАГАЮТСЯ ВНИМАНИЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ.**

В ПОСЛЕДНИЕ годы модным стало критиковать все и вся, как будто бы раньше люди жили и творили, не ведая что. Готовил недавно к дню части доклад, подлистал страницы исторического формуляра и нашел там записи об ударничестве, о социалистическом соревновании. Они тогда занимали достойное место в жизни коллектива, считались мощным средством достижения высоких результатов в боевой учебе. А сейчас вдруг слышу, что уже и сам термин «соцсоревнование» устарел.

Над термином можно и поразмыслить. Если надо, изменить его. Можно по-другому осуществлять подсчеты конечных результатов боевой подготовки. Только вот дух состязательности, который присущ человеку изначально, уверен, не выхолостить ничем. Он был в нем и останется, а потому соревнование нельзя игнорировать, нельзя принижать его роль и значение, можно и нужно развивать, совершенствовать, модернизировать, что ли. А для этого требуется иметь хорошую почву в виде возрожденного былого культа боевой подготовки и высококлассных профессионалов-офицеров. И тогда известные формы социалистического соревнования, такие, как смотры, первенства, конкурсы и состязания, засверкают новыми гранями. Они и сегодня, если умело проводятся, привлекают участников остротой борьбы, «осязаемостью» стимулов. В прошлом году, например, был объявлен смотр спортивно-массовой работы во внутренних войсках. Командиры подразделений, политработни-

ки, партийные и комсомольские активисты, спорторганизаторы части довели до каждого солдата и сержанта его условия, цели, определили конкретные задачи, рассказали, что ждет победителей этапов соревнования, тех, кто сумел создать отличную спортивную базу. Надо отдать должное начальнику физической подготовки и спорта части коммунисту старшему лейтенанту И. Высоколову: он был в самой гуще острого соперничества между ротами, оборудовал стенд, где выставлял различные данные, организовал сдачу нормативов, сам разработал в помощь руководителям занятий и спорторганизаторам иллюстрированное пособие по теме «Приемы рукопашного боя». Общими усилиями командования и общественных организаций добились, что физподготовкой в части занимаются все без исключения, все участвуют в проводимых состязаниях. Не трудно догадаться, что итог такой работы оказался хорошим: первое место во внутренних войсках и соответствующая награда.

Связисты части с удовольствием участвовали в своем конкурсе. Их усилия направлял начальник связи, коммунист, член партийного бюро управленческой парторганизации майор С. Арутюнян. Это опытный офицер, большой знаток своего дела. Он конкретизировал условия конкурса применительно к разным категориям специалистов, сделал их достоянием каждого заинтересованного лица. Затем организовал надлежащую учебу людей, тренировок в составе экипажей, обязательно с выполнением нормативов на время, помогал военнослужащим готовиться к сдаче зачетов на повышение классности.

А возьмите, например, наш оркестр. Он постоянный и активный участник смотров-конкурсов оркестров войск. В прошлом году дружный коллектив вышел на одно из первых мест в войсках. Лауреат премии обкома ВЛКСМ. Военный дирижер майор В. Бабенков—секретарь партийной организации управления части. Сам факт говорит о многом: согласитесь, не везде к специалистам данной профессии относятся с уважением и пониманием. У нас дирижер—офицер достойный, обладающий знаниями, навыками, музыкальной культурой и организаторскими способностями. Сам в кипении дел, и подчиненные не сидят сложа руки: растут творчески, добиваются стройности звучания оркестра, оттачивают строевую выучку. Увлечены идеей пропаганды классической музыки в ротах.

Читатель уже заметил, наверное, что всякий раз, когда речь заходит об участии военнослужащих в смотрах, конкурсах и состязаниях, то обязательно называется фамилия коммуниста-офицера, усилия которого во многом предопределили удачный их финиш. Это не случайность: у нас организовано соревнование среди них. Особенно остро оно проходит среди офицеров управления части. Ежемесячно на совещании подводятся его итоги, объявляются оценки. Слагаемыми оценок являются

ся: профессиональная подготовка, состояние дел на порученном участке, личная дисциплинированность. Сегодня большинство офицеров штаба и политотдела способны исполнять обязанности на ступень выше занимаемой должности. В 1989 году получили повышение по службе заместитель командира и начальник политотдела части, ряд офицеров ротного звена. Вот что такое соревнование, вот, что такое стимулы в нем. Ведь победитель уверен, и не без основания, что стал кандидатом на выдвижение по службе, вырастет в звании, будет отмечен наградой. Мы не скупимся на поощрение усердия военнослужащих, а по итогам соревнования тем более. Таков принцип командиров, партийных и комсомольских организаций: каждый в части должен знать, что он на виду коллектива, его старание будет отмечено. Это не фраза: орденом удостоились подполковник А. Варгин, майор Е. Мельников, медалей—восемь офицеров и четыре прапорщика. Сотни военнослужащих—грамот, ценных подарков, денежных премий, знаков и благодарностей. И вот еще интересный факт: моральные и материальные стимулы продолжают действовать там, где соревнование как таковое отменено,—на боевой службе. Командиры ведут накопительные ведомости отличных оценок, отмечают солдат и сержантов, выполнивших 100, 150, 200 задач в карауле с высшим баллом. Думается, данный феномен нет необходимости возводить в степень посягательства на приказ.

Высокий профессионализм офицеров части, к которому мы очень стремимся и считаем заглавным в работе, помогает нам мобилизовать личный состав на успешное выполнение обязательств или условий конкурсов и смотров не столько призывами (их наслушались достаточно), сколько живым примером. Показать последний, как мы убедились выше, есть кому: имею в виду коммунистов. Все они—профессионалы в своем деле, люди ответственные, костяк коллектива и опора командиров. Профессионал не позволит себе и другим кое-как провести занятие: честь его дорога.

Не хочу, чтобы создалось впечатление, мол, командир все видит в розовых тонах. Ответственность подчиненных за исполнение обязанностей не всегда приходится поднимать задушевными беседами. Тогда на помощь приходит партийная организация. Заслушивания отчетов коммунистов отличаются принципиальностью подходов к ним членов партбюро, глубиной изучения вопроса. Это подтягивает людей.

Надо сказать, что и матбаз не во всем соответствует современным требованиям, а смотры и конкурсы не очень-то помогают сдвинуть проблему с мертвой точки: классов не хватает. Немало издержек при организации огневых уроков. В некоторых командах еще сидит заскорузлая привычка «натаскивать солдат боевым патроном». Стереотипы ломаем. И тут роль партийной организации трудно переоценить. Это опора и помощь. Отсюда наш оптимизм и вера в то, что XXVIII съезд КПСС часть встретит достойно.

С коллегии МВД СССР

На состоявшемся 10 февраля с. г. расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел СССР рассмотрены итоги оперативно-служебной деятельности за 1989 год и задачи на текущий год. С докладом выступил Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин.

С большой озабоченностью выступавшие на коллегии говорили о том, что оперативная обстановка в минувшем году была крайне напряженной и сложной. Рост преступности, начавшийся полтора года назад, не снижается. Мало того, усилилась корыстная направленность преступности, ее жестокость. Расширились масштабы правонарушений среди молодежи. Серьезной социально-экономической проблемой становится организованная преступность.

В ходе заседания отмечалось, что повышенная требовательность партийных, советских органов, населения к вопросам правопорядка сегодня со всей остротой ставит вопрос о создании необходимых условий для более эффективного выполнения оперативно-служебных задач. Был обсужден ряд мер, которые должны помочь вернуть уважение к закону, обеспечить неуносительное его соблюдение.

Поставлена задача отладить рабочее взаимодействие и сотрудничество с другими правоохранительными органами и общественными организациями, добиваться, чтобы такое сотрудничество поддерживалось на всех уровнях — от отделения милиции до служб и центрального аппарата. Всем руководителям необходимо взять под личный контроль практику реагирования на возникающие межкациональные конфликты, принимать решительные, основанные на законе меры по их локализации и прекращению, выявлению и привлечению к ответственности лиц, разжигających межнациональную рознь, призывающих к погромам и расправам над людьми иной национальности.

В работе коллегии приняли участие заведующий Государственно-правовым отделом ЦК КПСС А. С. Павлов, Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев, руководители законодательных и правоохранительных органов страны.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

118
169



ОСТОРОЖНО: РАВНОДУШИЕ!

НЕ В ДЕНЬГАХ ДЕЛО

В свое время выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан мой муж — прапорщик Машалов Валерий Васильевич. Тогда он был нужен. А теперь...

На торжественном собрании, посвященном 72-й годовщине Великого Октября, чествовали воинов-интернационалистов. О моем муже даже не вспомнили. Возмущенные товарищи настояли, чтобы он обратился к командиру. А тот оказался... не в курсе.

Не присваивают мужу и очередного воинского звания. Вроде бы из-за плохой служебной характеристики, написанной на него непосредственным начальником товарищем Бехтеревым. Догадываюсь, не деловые качества Валерия Васильевича тому причина, а личная обида «шефа». С большим трудом удалось мне выхлопотать квартиру. На беду оказалась она больше, чем у начальника. И вот — задержка со званием. Не в деньгах, конечно, дело. Должна же быть справедливость!

Могу еще привести примеры бездушия. Давали как-то перед праздниками дефицитные продукты. И опять мужу ничего не досталось.

Казалось бы, все это мелочи. Но ведь из них и складывается наша жизнь.

С уважением **Н. МАШАЛОВА.**

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил начальник политотдела внутренних войск МВД СССР Приволжского управления полковник С. Кавун, факты, изложенные в письме, в основном подтвердились.

Возбуждено ходатайство о присвоении прапорщику В. Машалову воинского звания «старший прапорщик» и награждении его нагрудным знаком «Воин-интернационалист». Приняты меры по улучшению снабжения имеющих льготы военнослужащих товарами первой необходимости.

За черствость и бездушие, невыполнение требований руководящих документов виновные должностные лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Глубоко признателен редакции журнала за своевременную поддержку. Оперативно связав меня с военно-врачебной комиссией, вы помогли мне правильно оформить пенсию.

С искренним уважением
ЯКСАНОВ Николай
Иванович,
бывший военнослужащий
внутренних войск.
г. Куйбышев.



Выражаем сердечную благодарность подполковнику Н. Чернашенко, майору С. Комарову, старшему прапорщику Н. Львову. Они окружили нас, родителей, приехавших на присягу к своим сыновьям, заботой и вниманием. Благодаря им мы чувствовали себя в части как дома. Не сомневаемся, наши парни в хороших руках.

В. ШЕВЕНOK,
Г. ЮШКОВСКАЯ,
О. ЕРЕМЕНКО и др.
Всего 20 подписей.

КАК НА ВОЙНЕ

К месту службы мужа, в Баку, наша семья приехала в августе. И вот вынуждены были уехать — жизни нашей грозила опасность. Особенно тяжело стало после 12 января. На наших глазах начался погром армянских квартир. Мы видели, как выбивали двери, бесцеремонно врываются в квартиры.

А в субботу пронесся страшный слух — на площади около вокзала сожгли живьем армян. Не может быть! Но потом, уже в казарме наших войск, встретили солдат — очевидцев этих... событий, что ли?

Мужья наши сообщили, что к городу подъезжают наши войска предотвратить дальнейшее кровопролитие.

Три ночи подряд в наш двор подкапывали автобусы, ревели сирены, выходили мужчины-азербайджанцы и свистками, криками вызывали бакинцев на улицу, «чтобы не пустить танки в город». Началась блокада. Встал общест-

венный транспорт. Муж не смог даже на работу попасть. Перестал работать телевизор. Пропала связь. И так два дня. Как-то ночью постучали в дверь — а у нас в квартире еще три семьи скрывались, — оказалось, солдаты за нами из части приехали. Все при оружии. Взяли с собой только самое необходимое и на грузовой машине, под охраной — впереди и сзади БМП — прибыли в часть. Там в страхе и тревоге пробыли две ночи. Затем с военного аэродрома грузовыми самолетами нас эвакуировали в Москву. В тыл, стало быть. Как на войне.

В дивизии имени Дзержинского сделали все, чтобы как-то помочь нам с устройством. Но семьи наши разорваны. Мужья там. Спасают другие семьи. Почему так получается?..

СУЛИМА Зинаида Васильевна,
жена офицера.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

ПО-БРАТСКИ

Я, старый солдат, с семнадцати лет добровольцем ушел на фронт, участвовал в освобождении от фашистов русских областей, Украины, Белоруссии, Польши, был трижды тяжело ранен, последний раз — в Берлине. Орден Красной Звезды за тот бой получил через 38 лет: я по госпиталям, а награда по другим инстанциям двигалась...

Словом, что такое служба, военный быт, знаю не понаслышке. И вот сына

моего, Вугара, призвали во внутренние войска, в Подмоскowie. От дома далеко, физически он у нас не закален, трудно ему, чувствую. Решили навестить нашего солдата всей семьей.

Как живо напомнил коллектив, в котором служит Вугар, мою военную жизнь! На фронтовых дорогах довелось дружить с парнями многих национальностей, еще и сейчас однополчане пишут со всех концов Союза. И у сына оказалась та-

кая же сплоченная солдатская семья. Больше десяти национальностей в роте. Отношения очень доброжелательные, потому что, как объяснил Вугар, «мы здесь один другому и за отца, и за мать, и за брата». А самые близкие друзья у него — Гирт Щевец из Литвы и Карен Оганесян из Армении. Фотографии свои общие мне подарили. А сына просто не узнать — окреп физически, настроение отличное, ну и отсюда успехи в боевой службе, боевой и политической подготовке. Я очень доволен!

А. АЛЕСКЕРОВ,
г. Баку.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Сын с нетерпением ждал призыва, готовил себя к службе в армии, мечтал быть пограничником. И расстроился, что попал во внутренние войска. Однако прошли первые месяцы становления, и теперь мой Сергей считает, что эта служба хоть и трудная, но нужная людям, а значит, и почетная не меньше, чем пограничная. А командиры, в частности Юрий Николаевич Агапитов, и словом и делом помогают молодым солдатам укрепиться в таком мнении...

Т. ОВСЯННИКОВА.

К БОЛЬНОМУ, КАК К РОДНОМУ

С нашим сыном Андреем Ивановым случилась беда. В предынфарктном состоянии его доставили в реанимационное отделение Центрального госпиталя внутренних войск МВД СССР. Врачи и медсестры ни на минуту не оставляли Андрея без внимания, заботились о нем, как о родном. Когда состояние сына улучшилось, его перевели в терапевтическое отделение. И там его окружили

поистине материнской заботой.

Чувство большой признательности к коллективу госпиталя переполняет сердце. За все сделанное для сына просим передать наше родительское спасибо исполнявшему тогда обязанности начальника госпиталя Б. Шевченко, заместителю по политчасти В. Домашенко, врачам В. Тэмнюку, В. Бабухиной, медсестрам И. Коре, В. Волковой, Н. Гололо-

бой, начальнику приемного отделения В. Курочкину.

К сожалению, мы не знаем фамилий работников реанимационного отделения, которые десять дней боролись за жизнь нашего сына, но и им тоже низко кланяемся за человечность.

С уважением Галина Михайловна и Геннадий Иванович ИВАНОВЫ.

ОТ РЕДАКЦИИ. В реанимационном отделении жизнь рядовому А. Иванову спасли врач Т. Савельева, майор медицинской службы А. Астахов, подполковник медицинской службы В. Радаев, подполковник медицинской службы В. Тихоненков.

«ПОЙДУ К ЗАМПОЛИТУ — ОН ПОЙМЕТ»

Здравствуй, дорогая редакция! Просьба к вам большая: рассказать о человеке, который выручил нашу семью в трудной для нас ситуации. К кому мы только не обращались с нашей бедой! Никто в принципе не отказал, но все обещания оставались лишь на словах. А помог делом Сергей Александрович Меньшиков, бывший в то время замполит батальона, где служит мой муж. Сколько вытарств и неприятностей пришлось выдержать нам при решении большого вопроса (не уточняя какого, это не так важно). А уж Сергею Александровичу-то досталось! Но он не отступил, успокаивал только нас: «Я обещал — значит, выполню». Сейчас он переведен на вышестоящую должность в политаппарат полка. Уверены, что и там он также по-

человечески относится к нуждам своих подчиненных. Вот и хочется, чтобы и в новом коллективе знали, как благодарны ему люди, с которыми он служил, за отзывчивость и заботу, за внимательность, чуткость к ним и их нуждам. За то, что чужая беда не оставляет его равнодушным. За то, что в суматохе повседневной не очерствел он душой. Мой муж, да и многие другие товарищи, если случалось какое затруднение, говорили не раз: «Пойду к замполиту — он поймет».

Нисколько не сомневаемся: такой офицер обязательно поможет, если он что-то обещал, не пройдет мимо беды подчиненного.

С уважением Надежда Александровна КУЧЕР, жена прапорщика.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ОБВИНЕНИЯ ОКАЗАЛИСЬ НЕОБОСНОВАННЫМИ

С серьезными обвинениями в адрес должностных лиц части, где служил его сын — прапорщик В. Белей, обратился в журнал Степан Иванович Белей. Автор письма жаловался, в частности, на то, что командование всячески уводит от уголовной ответственности рядового Р. Екубов, совершившего тяжкое преступление.

Тревожный сигнал редакция направила для проверки в Главную военную прокуратуру. И вот оттуда пришел ответ за подписью генерал-майора юсти-

ции В. Васильева. В нем отмечается, что претензии тов. Беляя С. И. к офицерам части и к органам правосудия необоснованны. Общественно опасное деяние рядовой Екубов совершил в состоянии невменяемости и поэтому уголовной ответственности не подлежит. Дело в отношении него за отсутствием в его действиях состава преступления прекращено законно. Командование части к назначению и проведению экспертизы не причастно и по этой причине на их результаты и решение по делу влиять не могло.

ГДЕ ГОТОВЯТ ОФИЦЕРОВ СПЕЦНАЗА?

Дорогая редакция!

Обращаюсь к вам с просьбой оказать мне помощь в выборе военной профессии. Меня всегда привлекала романтика воинской службы в воздушно-десантных войсках и морской пехоте. Недавно из передачи Центрального телевидения я узнал о существовании подразделений специального назначения в наших войсках, о «краповых беретах». Они выполняют служебно-боевые задачи, связанные с большим риском и напряжением моральных и физических сил, и не уступают в подготовке спецподразделениям Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Я хотел бы знать, в каких военно-учебных заведениях внутренних войск готовят офицеров для спецподразделений, их адреса, условия приема, требования, предъявляемые к ним.

С уважением рядовой
В. АНЖЕЛО.

На затронутые в письме рядового В. Анжело вопросы мы попросили ответить офицера ГУВВ МВД СССР подполковника А. ПОКРОВСКОГО:

— Во внутренних войсках МВД СССР нет специальных учебных заведений, где готовились бы офицеры для службы в подразделениях спецназа. Но во всех высших военных командных училищах — Новосибирском, Пермском, Орджоникидзевском, Саратовском — есть учебные группы по подготовке командиров взводов специального назначения. Желающие обучаться в названных группах поступают на учебу на общих основаниях. Но к будущим офицерам спецназа предъявляются более жесткие требования по физической подготовке.

ДЕЙСТВУЕМ ВМЕСТЕ

Коллектив работников зверосовхоза «Авангард» просит выразить благодарность и признательность подчиненным офицера В. Чернова. С ними у нас установились и длительное время поддерживаются хорошие деловые отношения. Дом культуры поселка и кружок художественной самодеятельности военнослужащих постоянно проводят совместные культурные мероприятия, дают концерты. Офицеры выступают перед жителями с докладами о политических событиях, об истории внутренних войск. Комсомольская организация шефствует над школой и детским садиком поселка.

С помощью военнослужащих выявлены причины и виновники неоднократных хищений материальных ценностей из хозяйства зверосовхоза на большую сумму.

Такое тесное взаимодействие способствует успешной производственной деятельности совхоза, укрепляет социалистической законности в поселке, повышает авторитет воинов внутренних войск у местного населения.

А. ИРОШНИКОВ, директор зверосовхоза,
Н. ПЕРЕЛОМОВ, секретарь парторганизации.

КАК МЫ ОТДЫХАЕМ

ЗВЕНИТ НАД СЕТКОЙ МЯЧ

Вот уже шестой год успешно функционирует при Доме офицеров дивизии имени Ф. Э. Дзержинского секция любителей волейбола. Начала она свою работу по инициативе старшего прапорщика Н. Андреева, старшего лейтенанта А. Семенова и полковника П. Иванова. Они провели организационное собрание, приобрели мячи, необходимый инвентарь. Поначалу на площадке и двух команд не набиралось, а сейчас...

Да, воскресным днем тестовато становится в просторном спортзале. Желающих поиграть в волейбол, собирается немало. И среди них не только офицеры и прапорщики дивизии, но и члены их семей. Вместе с родителями в спортивный зал приходят и детишки. Они с большим желанием занимаются здесь на различных снарядах, тренажерах.

Военнослужащие, а особенно их жены, тепло отзываются о работе волейбольной секции. Да это и понятно: ведь занятия любимым спортом оставляют все меньше места для пустого времяпровождения.

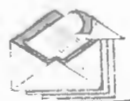
Старший прапорщик В. ГУМЕННИК.

Наш адрес:

111250, г. Москва, Е-250,

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»



АХ
171

СДЕЛАТЬ ВСЕХ СЧАСТЛИВЕЕ

С народным депутатом районного Совета майором С. МЕДВЕДЕВЫМ беседует наш штатный корреспондент старший лейтенант В. ЕЛМАНОВ.

— Сергей Вениаминович, на выборах в местные Советы Казахстана немало кандидатов оказалось без соперников. Что касается вас, то победа одержана в непростой борьбе, не так ли?

— Если быть точным, то в 74 процентах избирательных округов народные депутаты действительно избраны без альтернативы. И тем не менее нынешние выборы я не поставил бы ни в какое сравнение с предыдущими. Люди проявили куда больший интерес к деловым качествам народных депутатов, кое с кого сумели сбить самоуверенность, в других вселили уважение к мнению рядовых граждан. К тому же, например, в столице республики на 200 депутатских мандатов претендовали 443 человека. Да и у нас, в Караганде, борьба шла не менее упорная. Побеждали те, чьи программы были более близки заботам и чаяниям сограждан.

Мойм соперником был тоже военнослужащий. Наши шансы представлялись мне примерно равными.

— Однако избиратели их расценили по-другому.

— Что ж, я благодарен им. Но опять-таки, видимо, многое упиралось в программу. Не общие слова и размышления о положении в стране, республике предлагал я вниманию своих избирателей, а задачи и цели, которых хочу достичь непосредственно в нашем районе. Это и строительство жилья, детских дошкольных и культурных учреждений, и коренное улучшение дел в коммунальном хозяйстве. Поддержка прогрессивных форм организации производства, развитие творческой инициативы и самостоятельности по месту жительства.

— Из бесед с вашими сослуживцами я понял, что им по душе ваша партийная позиция, принципиальность, желание не уходить от ответов на волнующие всех вопросы. Это, наверное, проявилось и в ходе встреч с избирателями?

— Не раз доводилось слышать: на нынешних выборах не следует выпячивать свою принадлежность к партии. Тем более, что ситуация в экономике тяжелая, людское раздражение в связи со все усили-

вающимся товарным дефицитом растет. Мол, недовольство будет неизбежно переноситься на кандидатов в депутаты от партийных, советских органов, да и вообще на коммунистов. Так что можно запросто и «пролететь». Но я решил, что не к лицу прибегать к разного рода тактическим уловкам. Тем более ответственно секретарю парткомиссии при политотделе части.

С солдатской аудиторией говорить было, конечно, попроще: семнадцать лет службы, в том числе в Сибири, на Дальнем Востоке, что-то да значат, к трудностям не привыкать. Заботы офицеров, прапорщиков, их семей я и сам разделяю. Ну а с гражданскими в чем-то пришлось и поспорить, отстаивая честь наших войск, высказывая свою позицию, будь то по формам собственности или статье 6-й Конституции.

А что лукавить? Например, по шестой статье. Я и сам за то, чтобы авангардная роль партии не декларировалась, а зарабатывалась трудом и им же подкреплялась. Но сегодня вопрос-то стоит не о том. Есть силы, которые, стремясь к власти, хотят устранить партию с политической арены. Вот в чем дело. Это они же настойчиво проталкивают мысль, мол, простому человеку—рабочему, колхознику, военнослужащему—нечего делать в Советах: интеллигенция, она ведь у нас пролетарского происхождения, сумеет отстоять интересы трудящихся...

Я очень доволен, что эмоции моих сограждан все-таки не захлестнули их здравого смысла. У нас, в Казахстане, среди избранных в местные Советы почти 52 процента—коммунисты, без малого половина—рабочие и колхозники. Достойное место заняли и военнослужащие.

— Думается, что, отдавая свой голос за вас, избиратели не могли не учитывать и того, что вы уроженец Караганды, к тому же уже имеете опыт работы в райсовете, как-то проявили себя?

— Если быть до конца откровенным, то сам я недоволен нарабатанным. Из-за служебных командировок несколько сессий Совета пришлось пропустить. Правда, входил я в группу по делам молодежи, вел

депутатский прием, насколько позволяло время интересовался сам, как живут и трудятся мои избиратели. Но помочь сумел далеко не каждому.

Ведь это только звучит красиво: «представитель народной власти». А власти у этого представителя практически никакой. Ходи, проси, пробивай, требуй.

Вот мы и ходим, и просим, и требуем, и пробиваем. В одном из домов, чуть ли не в самом центре города, вышел из строя водопровод. Полтора месяца пришлось обивать пороги, прежде чем у людей появилась вода.

А ведь подобные случаи на каждом шагу. В моем блокноте немало адресов и имен людей, которым необходимо помочь, но...

— Второй Съезд народных депутатов СССР принял Закон «О статусе народных депутатов в СССР». В нем много существенных изменений, касающихся деятельности народного избранника в своем избирательном округе, обговорены основные гарантии депутатской деятельности.

— Верно. Теперь наши права очерчены более рельефно. Но это далеко не все, что нужно для настоящей работы. Любому Совету необходимы средства для экономического, социального развития поселка, города, района и т. д. То, что выделяется сегодня, не выдерживает никакой критики. Мне все это напоминает положение человека, оказавшегося на морозе: вся его одежда в прорехах, а в руках лоскуток, и он не знает, что же латать в первую очередь. Однако, учитывая состояние финансов в стране, прекрасно понимаю: манны небесной ждать наивно. Где выход?

Сегодня много рассуждают о землепользовании. Согласен с теми, кто утверждает, что земля должна составлять собственность Советов народных депутатов. Местные Советы должны взимать определенный процент со всех производительных единиц, начиная от кооператора и кончая индустриальным предприятием, фабрикой, брать пошлину со всех коммерческих сделок, заключенных на территории своего района. Тогда народные депутаты перестанут быть просителями. Имея достаточные средства, можно позаботиться о благе всех и каждого, проживающего на территории Совета.

— А пока...

— А пока мне, помнится, определяли время для депутатского приема по вторникам, с 18.00 до 20.00. Выделяли комнату в одном из учебных корпусов. Приходил и слушал одно и то же: «Подождите, пожалуйста, с полчаса, занятия еще не закончились».

Вы думаете, откуда такая неисполнительность? Да оттуда же, откуда и заявления граждан: «Какая вы власть?! От вас никакого толку».

— Но это было раньше, теперь-то, будем надеяться, все изменится к лучшему. Вы ведь и сами в это верите!

— Если бы не верил, не согласился бы вновь баллотироваться в райсовет. Очень хочется помочь людям жить светлее, чище, благополучнее, счастливее.



НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

Немало забот по службе у командира батальона капитана В. Свердловка. Тем не менее в начале этого года он активно включился в предвыборную борьбу. И сразу же получил поддержку у сослуживцев, многих жителей своего города. Такой оборот дела у одного из претендентов даже вызвал недоумение: почему у этого товарища военного такая популярность?

А все очень просто и понятно. Офицер обладает таким нужным сейчас, в период перестройки, качеством, как принципиальность. Иначе говоря, у него есть своя позиция на окружающие людей проблемы и, что самое главное, желание и умение разрешать их.

В масштабах города Свердловка борется за улучшение экологической обстановки в нем — уж очень неопкладисто ведут себя товарищи с местных заводов. В подразделениях же командир батальона утверждает здоровую нравственную атмосферу, проявляет заботу о бытоустройстве, социальной защищенности личного состава.

Фото А. Александрова

Свыше сорока представителей наших войск баллотировались в республиканские органы Советской власти. Каждый основательно готовился к предвыборной борьбе, вот почему, независимо от ее исхода, не теряет своей актуальности «банк идей», выработанных кандидатами в народные депутаты и отраженных в их программах. Было бы просто несправедливо, окажись он не востребуемым нами. Сегодня мы познакомим вас с некоторыми положениями предвыборной программы полковника В. БОРИСЕНКО, члена Совета МВД СССР.

«БУДУЧИ ИЗБРАННЫМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ...»

КАК СОВЕТСКИЙ гражданин и житель Белоруссии буду всемерно способствовать выполнению государственной программы ликвидации в республике последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Считаю необходимым охрану 30-километровой зоны осуществлять не силами военнослужащих срочной службы, а бойцами военизированной охраны.

Целиком и полностью поддерживаю идею перехода Белорусской ССР на самоуправление и самофинансирование. Я за многообразие форм собственности, исключая эксплуатацию наемного труда, за построение экономических взаимоотношений трудовых коллективов с органами управления на строго правовой основе.

Считаю, что решение Продовольственной программы осуществимо только через ускоренное превращение крестьянина в полноправного хозяина на земле и социальное переустройство села, создание благоприятных условий для ведения личного подсобного хозяйства. И в этом плане надо решить проблему выделения офицерам и прапорщикам приусадебных участков, оказать им помощь для вступления в садово-огороднические товарищества.

Для удовлетворения потребностей военнослужащих в основных продуктах питания приложу усилия, чтобы обеспечить к концу 1990 года квартальную потребность личного состава в мясе за счет подсобного хозяйства, а к 1995 году удвоить этот показатель. Значительно повысить производство овощей и фруктов. Для офицеров и прапорщиков открыть столы заказов.

Буду решительно бороться за предоставление каждой семье отдельной квартиры или дома, уделяя при этом особое внимание участникам афганских событий, воинам, привлекавшимся к ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Буду ходатайствовать перед руководством войск о выделении средств для строительства жилья на долевом участии, выйду в Совет Министров БССР о включении нас в план строительства жилья на долевых началах с Мингорисполкомом.

Я за коренное улучшение и перестройку системы медицинского обслуживания населения, военнослужащих, за внедрение в

республике практики «семейных врачей», за полную реализацию комплексной программы «Здоровье», усиление профилактической направленности медуслуг, оказываемых личному составу, и в первую очередь участникам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, находящимся в районах с повышенным уровнем радиации.

Одним из важнейших направлений в своей работе считаю совершенствование социальной защищенности военнослужащих, борьбу с фактами унижения чести и достоинства солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров. Буду добиваться такого положения, чтобы каждый командир, начальник видел в своем подчиненном прежде всего советского человека, а уж потом — солдата.

Буду способствовать предоставлению военнослужащим срочной службы обязательного десятидневного отпуска, сокращения сроков службы до полутора лет, проводя при этом призыв 1 раз в году. Считаю целесообразным объявлять призыв и увольнение с действительной военной службы не приказом МО и МВД, а актом Верховного Совета СССР или Президиума Верховного Совета СССР, либо постановлением Совета Министров СССР.

Я поддерживаю предложение депутатской комиссии, расследовавшей события в Тбилиси, об увеличении численности внутренних войск и комплектовании их преимущественно на профессиональных началах. Причем делать это надо в два этапа: сначала относительно оперативных частей, затем — охраняющих ИТУ.

Через местные партийные и советские органы буду добиваться действенной помощи молодым семьям, трудоустройства жен офицеров и прапорщиков по специальности, обеспечения детей садами и яслями, установки при ядре каждой части междугородного телефона.

Считаю, что мой опыт службы во внутренних войсках позволит принять деятельное участие в создании правового государства. Как член Совета МВД СССР буду способствовать укреплению организованности и порядка в республике, разработке и осуществлению республиканской программы борьбы с преступностью.

В особом районе

АДРЕС БЕДЫ —
ЗАКАВКАЗЬЕ



БАКУ:

СОЛДАТ БЕЗ ОРУЖИЯ —
НЕ ЗАЩИТНИК СЛАБЫХ,
А ЗАЛОЖНИК
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.



ЕРЕВАН:

ТАНКИ И РАКЕТЫ
ДЛЯ БОЕВИКОВ.



НКАО:

ХЛЕБ ИЛИ АММОНАЛ?



ГЯНДЖА:

МИФЫ ПОД КРЫШЕЙ
ГОРСОВЕТА.

ЦЕНА НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

НАПРЯЖЕННОСТЬ в Баку кем-то искусно нагнеталась. Митинг у здания ЦК Компартии Азербайджана потребовал от правительства республики создать боевые отряды, объявить войну Армении и уже до конца февраля не оставить на азербайджанской земле ни одного армянина. Здесь же, на площади, записывали адреса квартир, где еще жили армяне...

Пружина событий сжималась недолго. Первая кровь пролилась во время митинга — экстремисты выбросили из окон квартиры мужчину и женщину, потом на их тела накидали домашний скарб и подожгли. Происходило это во дворе дома напротив Насиминского РОВД, но местные блюстители порядка так и не пришли на помощь. Начальник РОВД ответственность за гибель этой семьи возложил... на командование внутренних войск.

Казалось бы, Фергана научила, что нельзя посылать на службу безоружных людей. Однако в Баку в середине января мы еще раз убедились: слишком глубокую рану боеспособности войск нанес «тбилисский синдром». Солдаты, вооруженные только резиновыми палками, были в эти дни не защитниками слабых, а беспомощными заложниками обстоятельств. На железнодорожном вокзале одурманенная алкоголем и националистическими лозунгами толпа буквально растерзала и сожгла двух граждан армянской национальности.

Наутро стали известны итоги прошедших суток — в городе найдены двадцать четыре трупа с признаками насильственной смерти. В основном — армяне преклонного возраста. Восемь военнослужащих госпитализированы.

Беспорядки в городе носили продуманный, организованный характер — громили только квартиры, не пострадала ни одна витрина. Но откуда столько человеческих жертв?



Кое-что прояснилось на совещании, когда ставили задачи командирам и политработникам частей, прибывших в Баку для охраны общественного порядка.

— Со мной восемьдесят человек, на службу могу выделить шестьдесят, — докладывал офицер.

— Ставьте семьдесят, — приказали ему. Пришлось оставить для охраны расположения подразделения только десять человек.

Другой командир доложил, что начальник РОВД не выделил для патрульно-постовой службы ни одного милиционера. От офицера потребовали укрупнить наряды и нести службу без милиционера, хотя это существенно сужало права патруля.

О вопиющем случае рассказал политработник майор Ю. Брянский. В подразделение прибежала женщина и сообщила, что ее квартиру громят. Действуя строго по инструкции, военнослужащие позвонили в милицию, безрезультатно прождали, ее полтора часа и были вынуждены ехать сами. Квартира разгромлена, никого нет. Приютили несчастную у соседней азербайджанцев, но под утро она прибежала снова. С бритвенными порезами. Только после этого приехала милиция.

Да, негусто заставить действовать местные органы внутренних дел. Однажды пришлось заночевать в кабинете войсковой оперативной группы. В начале второго часа ночи позвонил корреспондент фотохроники ТАСС А. Соловьев и сообщил, что журналисты П. Кассин и Р. Подерни только что захвачены экстремистами, избиты и увезены в неизвестном направлении. Я пошел к дежурному по МВД республики, объяснил ситуацию. Он заявил, что ему этим заниматься некогда.

— Хоть в журнал информацию запишите! Или мне звонить по телефону, чтобы она прошла через ваш магнитофон?

— Звони сколько хочешь! — взорвался майор милиции, назвавший себя Ахундовым. — Вот, смотри! Я снимаю трубку — магнитофон еще не работает! Он включается, когда я нажимаю эту кнопку!

Действительно, он нажал кнопку, на пульте загорелся зеленый огонек, большие катушки стали медленно вращаться.

— Понятно! Значит, таким способом вы скрываете преступления от регистрации?

— Да, таким, а теперь иди отсюда!

Напомню, это происходило в здании Министерства внутренних дел республики. Можно себе представить, как трудно дозвониться или, точнее, дожидаться помощи от дежурного по РОВД!

Стремясь уйти от ответственности за возможный ход и исход событий, местные органы власти и охраны правопорядка постарались переложить на солдатские плечи как можно больше своих обязанностей вплоть до охраны зданий органов внутренних дел, хотя сил для самообороны у них достаточно. К сожалению, войска были вынуждены принять наезженные им условия. И ладно бы только бытовые — в профтехучилище, где разместились подчиненные

142
173
майора Ю. Брянского, на сто пятьдесят пять человек был один кран и... два унитаза. Ночью чья-то «заботливая» рука отключила тепло. Сухой паек заканчивается, а Народный фронт угрожает оставить солдат без пищи, как оставил без автобусов: запретил водителям закрепленного за подразделением транспорта выходить на работу.

Работу войсковых командиров в те тревожные дни оценивали прежде всего по количеству выделенного на службу дичного состава. Стремление не дать повода для упрека в адрес войск заставило отдельных офицеров вести подчиненных в район патрулирования пешком! Представляете — пройти двенадцать километров, чтобы стать бесправными свидетелями насилия...

За час до заступления на службу подразделения, которым командует майор Н. Ли, было поднято по тревоге и направлено к Насиминскому РОВД — поступил сигнал о нападении на райотдел. Я выехал вместе с солдатами и своими глазами видел: никакого нападения не было. Недалеко от РОВД толпа громила квартиры, а милиция отсиживалась за двойными шерефами войскового оцепления, которое ничем не могло помочь.

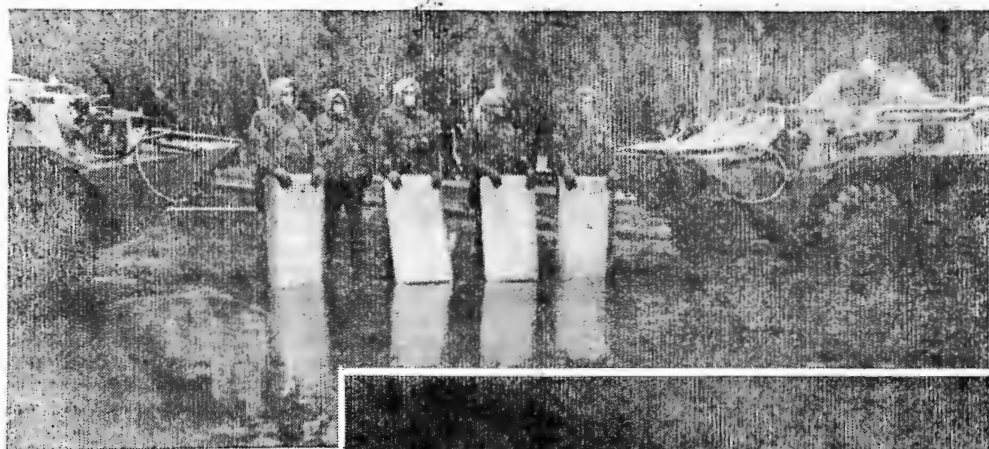
Кто-то вновь пренебрег законом, когда лишил солдата внутренних войск права применять оружие для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни, а иными способами спасти их было невозможно. «Рискуя собственной жизнью, они (военнослужащие) воздерживались от вооруженного отпора преступникам с целью недопущения кровопролития», — это цитата из сообщения «В Министерстве обороны, МВД и КГБ СССР». Пока безоружные солдаты «воздерживались», лилась кровь безвинных жертв. И если кровопролитие было неизбежно — вспомните о жертвах погромов в Баку, обугленные трупы женщин и стариков на свалках, — справедливее, чтобы лилась кровь погромщиков. Но в Баку до сих пор живут убийцы, которые из заранее приготовленных бутылок лили бензин на еще живых людей и чиркали спичкой. Вряд ли они осмелились бы сделать это, будь у солдат оружие...

Потом военнослужащим внутренних войск вернули их законное право — применять оружие «в строгом соответствии с установленными требованиями и действующим законодательством». По принципу «лучше поздно, чем никогда». Но лучше все же вовремя.

Экстремисты уже многого добились: тысячи людей, не веря в возможность найти защиту у государства, бросили кров и устремились в аэропорт, на железнодорожный и морской вокзалы.

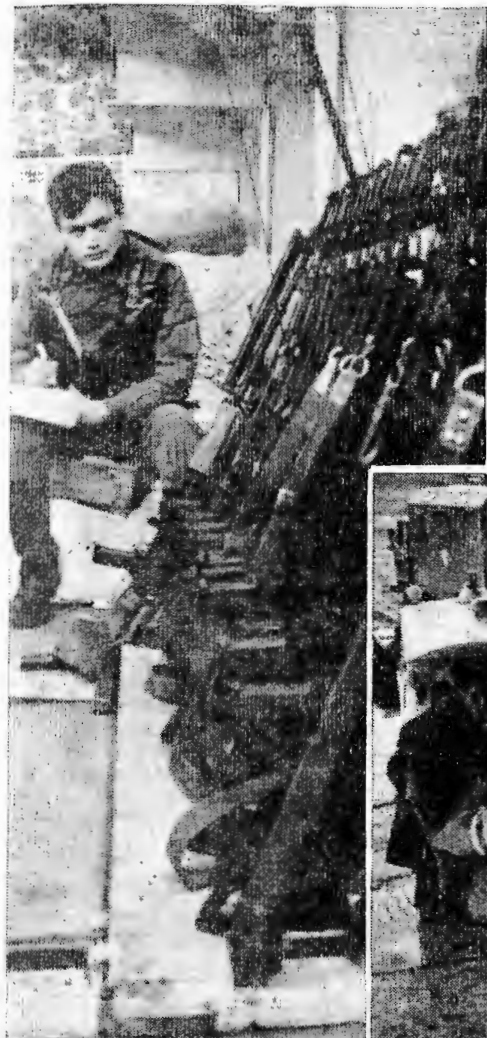
Десятки безвинно погибших — такова цена нерешительности, проявленной местными органами власти в первые дни событий. Неужели «тбилисский синдром» неизлечим?

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.



НАДЕЖДА





Человеку свойственно надеяться на лучшее. Особенно если ничего больше не остается. Солдаты и офицеры, берущие по приказу в руки оружие, надеются, что им не придется применить его. Служивцы, бережно несущие в самолет носилки с раненым товарищем, надеются, что все обойдется и он обязательно вернется в часть. Женщина, под старость лет лишившаяся крова в родном городе, надеется, что внукам не уготована судьбой столь же горькая участь...



ЭКСТРЕМИСТЫ ВООРУЖАЮТСЯ

В НАЧАЛЕ года обстановка в Армянской ССР резко обострилась. Сюда стали прибывать из Баку жертвы январских погромов. Ереванский аэропорт «Звартноц» ежедневно принимал сотни людей также из НКАО и других районов соседней республики, где имели место бесчинства и столкновения на национальной почве. Каждую семью необходимо было разместить, обустроить. Это очень непростая задача, если учесть, что свыше полумиллиона человек в зоне землетрясения все еще без крова.

Местные газеты, не жалея красок, описывали ужасы, которые довелось пережить несчастным. Даже заголовки — «Мы вырвались из ада», «Остановить убийц» — взывали к мщению. Телерепортажи из аэропорта, из больничных палат, с митингов протеста только подливали масла в огонь.

Началась настоящая охота за оружием. Экстремисты нападали на здания органов внутренних дел, караулы военизированной охраны, объекты Советской Армии, ДОСААФ. Они угнали в неизвестном направлении учебный танк Т-62, две боевые машины пехоты, армейский автомобиль ЗИЛ, принадлежавшие военным кафедрам ереванских вузов. Думается, это хищение не случайно — среди боевиков много студентов, кому, как не им, знать, что и где плохо лежит.

В ряде случаев экстремисты не останавливались перед угрозой или даже применением оружия. Так было, когда они напали на склады пограничников. Приблизительно двадцать человек, вооруженных автоматами, блокировали помещение и унесли 133 автомата, 450 ручных и 24 противотанковых гранаты, 25 пистолетов, 4.500 патронов.

Примерно в то же время группа вооруженных лиц напала на наряд внутренних войск. Четверо военнослужащих получили ранения, но завладеть оружием экстремистам не удалось. К сожалению, такой относительно благополучный исход скорее исключение, чем правило. Только за одни

сутки боевиками захвачены 4 ручных пулемета, 20 автоматов, 8 карабинов, 194 винтовки, 47 охотничьих ружей, 91 пистолет, около 50 тысяч патронов к различным видам оружия, 13 мешков аммонала, 154 разнокалиберных снаряда, 3 машинки для производства взрыва, 4 БМП, 1 танк Т-34 и даже одна ракетная установка.

СOLIDная добыча, ничего не скажешь. Даже если каждый десятый патрон найдет свою жертву, это будет стоить жизни пяти тысячам человек...

Люди военные привыкли — боевое оружие постоянно находится под охраной караула или суточного наряда. Часовой вправду и обязан защищать неприкосновенность поста. Наверное, аналогичные правила действуют и в милиции, и в караулах военизированной охраны независимо от местонахождения этих органов. Или не действуют, а только написаны на бумаге?

За каждым случаем хищения или захвата оружия экстремистами обязательно стоит чья-то небрежность, халатность, трусость или ротозейство. А иногда — и прямое пособничество.

Ведь не секрет, что в интересах армянских экстремистов действовала подчас и авиация. Практически ежедневно вертолеты без опознавательных знаков появлялись над азербайджанскими селами, с них стреляли, высаживали десанты бородатых молодчиков. Странно, что правоохранительные органы республики долго не могли выяснить, откуда взлетают и где садятся эти летающие разбойники.

Отмечены нападения на подразделения войск ПВО страны, несущие службу по защите воздушных рубежей нашей Родины. Звучали угрозы в адрес военнослужащих и членов их семей.

На улицах Еревана появлялись вооруженные люди. Были среди них и военнослужащие срочной службы армянской национальности. Они самовольно оставили свои части, явились в штаб Армянского общенационального движения (АОД) для «защиты своего народа» и были готовы отправиться в места боевых действий. Иными словами, с оружием в руках выступить против вчерашних сослуживцев.

Сам факт создания вооруженных формирований для нападения на государственные и общественные учреждения и организации в законе квалифицируется как бандитизм. Молодые люди, которые предпочли воинской службе бандитское ремесло, подлежат уголовной ответственности за самовольное оставление части или, в зависимости от продолжительности пребывания вне части, за дезертирство. И рано или поздно им придется ответить за содеянное.

Военнослужащие внутренних войск в сложной обстановке вели себя мужественно, с достоинством и честью, проявляли выдержку и чувство ответственности за порученное дело.

В. БОЛШИН,



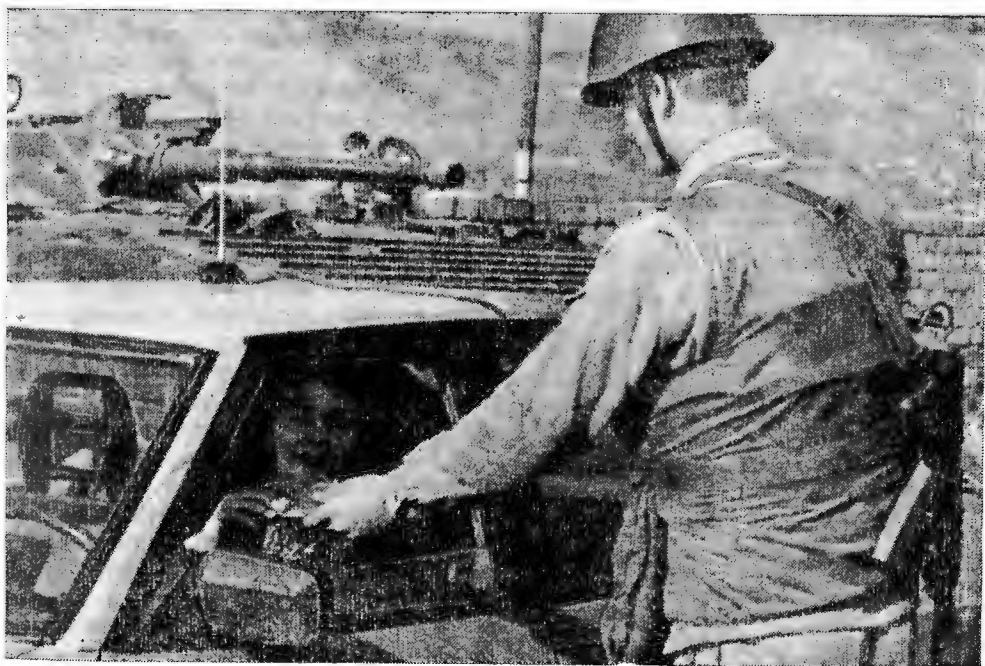
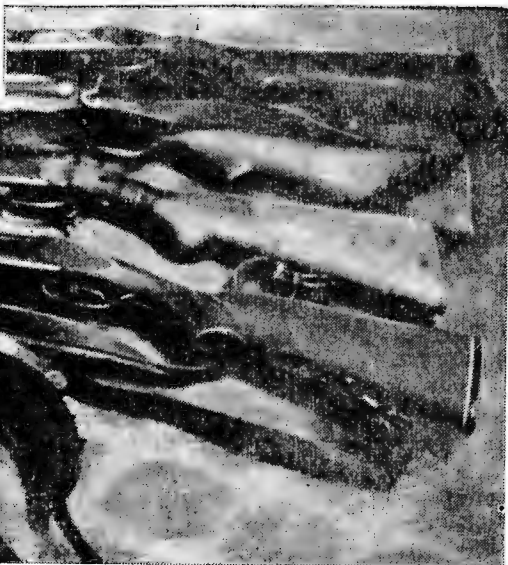
В особом порядке

СТЕПАНАКЕРТ

А74
175



Давно ли нас шокировали изъятые у боевиков взрывные устройства, груды оружия? Не верилось, что это предназначено для уничтожения своих же соотечественников, солдат правопорядка. Теперь не удивляемся, отвоевывая «бэтэзры», пушки и ракетные установки. Правда, и мы уже не те, и служба... Много изменилось. Казалось бы, та же проверка на КПП. А рядом — боевая машина. На осякий случай.



ПОДКОВЫ НА ОБОЧИНЕ

... ГРУШИ были огромные, ароматные, медовые. В середине января они, сохранившие запахи ушедшего лета, наверное, особенно вкусны. «Берите, берите сколько хотите», — говорили нам азербайджанцы.

Так было в одном селе. А в другом, совсем рядом с первым, жили армяне. Лепешки, которыми они нас угощали, тоже пахли медом.

Почти идиллическая картинка: рукопожатия, улыбки, слова благодарности... Дескать, вовремя пришли сюда войска, спасибо, не дали пролиться крови!

Так было. Мы верили этим людям, они говорили действительно от сердца. Но в пятидесяти метрах от нашего «МИ-6» врезался в землю градобойный снаряд, другой взорвался чуть дальше. Пули шмелями пронеслись над головой. Недалеко отсюда пропали капитан Осетров и его подчиненные. На дорогах, ведущих в Гянджу, стоят «ежи». Боевики вооружаются для своей «справедливой» борьбы, накапливают боеприпасы, технику, не желая добра ни нам, поддерживающим общественный порядок, ни своим соседям, коренным жителям республики.

Поэтому в медовых грушах и лепешках мы ощущали горький привкус опасности. Почему такое случилось? Почему Закавказье встречает солдата пулями и яствами одновременно?

Трудно в грозной лавине найти камешек, который сдвинулся первым и увлек за со-

бой тяжелые глыбы. Иногда и не камешек виноват — обвал может начаться даже от громкого крика. Наверное, мы много кричали. О том, каких успехов достигли, насколько окрепла наша дружба, как сильны мы в едином строю республик. Чтобы повторять ладные лозунги, голова не нужна, достаточно иметь громкий голос.

Один физический закон гласит, что энергия не может исчезать бесследно или возникать из ничего. Всему надо искать первопричину. Политики, экономисты, социологи пока не исчерпали тему закавказского Великого раздора. Две республики, два народа враждуют между собой, винят друг друга, и у каждого наготове весомые, просто неотразимые аргументы. Они не всегда соответствуют фактам, поэтому обе стороны бьют себя в грудь, кладут руку на Библию или Коран... Жаль, мы так и не научились слушать и понимать... Понимание невозможно без знания, а мы, наверное, перестали быть любопытными. Простой пример: много ли знает солдат о солдате, даже если они несут службу на одном посту? Иногда ничего, кроме фамилии. А что нам известно о «дружном соцветии пятнадцати республик»? Да, проводили географические викторины, тематические вечера, фестивали фильмов братских киностудий и концерты художественной самодеятельности, где зурна соседствовала с балалайкой.

Но вот мы в Азербайджане, и многое здесь непонятно. Например, такое. Откуда на территории республики армянские, русские поселки? Какова история НКАО, Нахичеванской автономной республики? Почему незначительно взаимное проникновение двух культур — армянской и азербайджанской? Понимаю: обо всем за два года солдату срочной службы не расскажешь. Страна наша действительно необъятная, и даже если мы сделаем географию основной учебной дисциплиной, все равно среднюю школу не заменим. Но, думаю, у наших командиров и политработников различных рангов должен был выработаться навык «быстрого реагирования» на Закавказье. Горячей точкой оно стало не сегодня и потому заслуживает более пристального внимания. Сюда надо ехать не только с оружием, но и с такими знаниями о регионе, которые позволили бы нам в разговорах с местным населением квалифицированно отстаивать свои позиции.

Ошибки, говорят, учат. Поэтому хорошо бы поскорей научиться находить общий



язык с обеими нациями, быстрее оценивать ситуацию, четче определять позицию каждой реальной силы, участвующей в конфликте. Я имею в виду прежде всего военнослужащих срочной службы: уж кто-то, а они погоянно вступают в контакты с местным населением и потому должны быть на высоте. Не заигрывать у накрытого стола, не озлобляться под пулями, быть самим собой.

Сначала под Гянджой, а потом в Бурдамире и Ханларе слышал я несколько вариантов довольно странной, в наши дни родившейся легенды — легенды о летучем... бэтэзере. Был он то с белой полосой на боку, то с национальной эмблемой республики на броне, то с красным пятном — символом устрашения, и появлялся почти одновременно и под Баку, и возле Азада, и в других городах. Что интересно, рассказчики еще не определили своего отношения к, если хотите, социальному статусу броветранспортера, и потому легендарная боевая машина пока делала только предупредительные выстрелы и исчезала — в тумане, в горах, за деревьями... Но не исключено, что согласно законам фольклора, а точнее, желаниям некоторых рассказчиков, в скором времени она начнет налево и направо крушить злых и страшных врагов.

Кого назовут этими врагами? Кое-кто уже сегодня пытается увидеть на них униформу внутренних войск. И пойдет молва, что храбрый местный юноша, защищая свой народ, бросил вызов оккупантам, которые без объявления войны республике чинили невиданные зверства: убивали детей, женщин, стариков...

Ползучие слухи о жестокости военных выдуманы не старушками на скамейках: они взяты из решения XV чрезвычайной сессии Гянджинского городского Совета народных депутатов от 21 января нынешнего года. Образ «солдата-врага» формируется и делами: известны случаи, когда боевики передевались в военную форму и разбойничали... Для пушей убедительности даже бронетранспортер захватили. Он, правда, давно уже отбит у бандитов, возвращен в часть, но факты лжецам не по душе, им подавай реванш хотя бы в людской молве.

Думаю, нет нужды доказывать: мы не вандалы и пришли на эту землю не с войвой, а с другой, со спасительной миссией.

И не по своей воле. Самоотверженно, порой ценою собственных жизней солдаты защищали женщин, детей. И вот уже реже звучат выстрелы, спокойнее становится на улицах городов и поселков... Нет, легенда, круто замешанная на лжи, не приживется. Но ведь кому-то она нужна...

Слово «плюрализм» моему поколению уже не в диковинку: выговариваем без запятки. И суть его вроде знаем: множественность мнений. Гласно обсуждаем, поворачивать ли вспять северные реки, переименовывать ли города. Но вернуть городу историческое название — это одно, а вершить судьбы людей, относить их к тому или иному сорту по национальному признаку, кровавым фломастером не по карте, а по сердцам и душам человеческим перекраивать границы — совсем другое.

«Раз вы пришли сюда, так действуйте! — звучит порой в наш адрес. — Действуйте так же решительно, как в Фергане».

Я был в Фергане. За считанные дни мы локализовали очаг напряженности, изолировали зачинщиков беспорядков, вернули жизнь области в спокойное русло. Но ведь и там мы не воевали против турок или узбеков, мы дали бой террористам, действия которых осуждало большинство населения. В Закавказье же многие жители просто обмануты политическими лозунгами, авторы которых захотели руками народа достичь личных, глубоко корыстных целей: обратить во власть несправедно добытые деньги. Обманутые стреляют в солдат, громят жилища «инноверцев», а дельцы прячутся за их спинами.

Но народ нельзя обманывать долго, он обязательно прозреет. Именно поэтому нам нужна необычайная выдержка, чтобы смягчить, амортизировать столкновение двух наций, но не скрывать свою силу от тех, кто раздувает костры и пожары международного конфликта. Наше присутствие в регионе уже многое сделало для восстановления стабильности. Народ в лице солдата обрел поддержку и опору.

И последнее. Говорят, найти подкову на дороге — к счастью. Но дороги пока пусты, а подковы, найденные на тропе войны, никому не принесут счастья. Поэтому пора возвращаться на проторенные дороги — дороги к здравому смыслу.

Лейтенант А. БАЗЛОВ.



Каждый офицер здесь — командир или политработник — должен уметь организовать боевую операцию, быть и посредником, и дипломатом. Подполковник Н. Гнесь (на нижнем снимке) подтвердит: нередко нужно, веское слово в кригической ситуации куда эффективнее силы. Одно дело — взять оружие силой, и совсем другое — убедить вернуть его.



— В особом районе —

177

Огонь негасимый...

Автор этих строк начал войну солдатом одной из частей войск НКВД под Москвой. Принимал участие в Сталинградской битве, в боях на Курской дуге, в Белорусской операции. Войну закончил командиром части в Берлине. После демобилизации окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг «Каждой своей строкой», «Сергей Никитин», «Личность в литературе», «Твои, Россия, сыновья», «Хорошие и разные».

МНОГО НАПИСАНО о ратной доблести русского человека, трудности его мощи, приверженности к справедливости и правде.

Много написано о силе ума и нежности сердца русских людей, их щедрости и гостеприимстве.

Сегодня, накануне 45-летия Победы над фашизмом, хочется поделиться воспоминаниями о двух случаях, двух маленьких штрихах минувшей войны, раскрывающих своеобразие характера русского солдата.

Шла вторая военная осень...

Наш полк вместе с другими частями Советской Армии с боями отступал к Волге. Помню, как в один из дождливых вечеров мы, уставшие от изнурительного многодневного боя и удрученные потерей многих своих однополчан, отходили на новый оборонительный рубеж, расположенный на ближних подступах к Сталинграду. Настроение было подавленное. Во время короткого привала ротный старшина, в прошлом учитель сельской школы, достал из вещмешка книжку и начал тихо читать... Сначала на него никто не обращал внимания. Но он продолжал свое дело, и постепенно к нему подсаживались новые и новые бойцы. Простуженным, глуховатым голосом старшина читал о событиях двадцатилетней давности, о том, как на юге нашей страны армия Кожуха под угрозой нападения противника попала в бедственное положение и, потеряв многих своих лучших бойцов, испытывала невероятные трудности. Читал старшина, и проходила усталость, проходила подавленность. Беззаветная отвага ехавших за Кожухом бойцов, людей, победивших смерть, наполняла душу искорками тепла. И, как сейчас помню, когда над полком появилась эскадрилья фашистских пикировщиков и кто-то скомандовал: «Воздух!», многие из

слушавших старшину не двинулись с места. Улетели «юнкеры», раздалась команда: «В ружье!», полк двинулся дальше. По-прежнему лил дождь, под ногами чавкала грязь, но не было растерянности, не было душевной сумятицы.

Вскоре полк занял оборону на окраине Сталинграда. Начались, как скажет находившийся здесь Константин Симонов, «дни и ночи».

Кроме «Железного потока» в вещмешке старшины был изрядно потрепанный томик Сергея Есенина. Когда выдавалось свободное время, он доставал его и читал про себя, видимо, полагая, что Есенин и война мало совместимы. Но как-то глубокой ночью, когда фашисты на время замолкли, он вполголоса прочитал:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

В этом пронзительном стихотворении поэт напоминал нам, что мы русские, и учил нас не покоряться. Он убеждал, что человека можно убить, но победить нельзя.

Сергей Есенин стал нашим фронтовым побратимом. Фашисты прижимали полк к волжскому берегу, было холодно и часто голодно. Почти никого не осталось из тех, кто слушал старшину, читавшего «Железный поток» на ближних подступах к Сталинграду две недели назад. С маршевými ротами в часть прибывали новые солдаты — преимущественно молодые и необстрелянные. Все реже выдавались не только свободные часы, но и минуты. Когда они выдавались и мы собирались в землянке, старшина доставал заветный томик Есенина и снова читал его стихи — нежные и щемящие...

Талантливая поэзия и проза также насыщены, как хлеб и вода, земля и небо. Они нужны человеку, когда ему хорошо и когда плохо, когда он в горе и когда в радости.

Сколько раз потом, и при обороне, и при наступлении, я видел, как маленькие художественные книжки делали большие ратные чудеса. Их, эти книжки, таскали в вещмешках и шинелях, полушубках и телогрейках, плащ-палатках и маскхалатах.

НАКАНУНЕ КУРСКОЙ битвы, недалеко от Белгорода, на глазах своих товарищей-солдат и офицеров разведроты одной из дивизии 70-й армии умирал любимец дивизии, кавалер трех орденов Красной Звезды, двадцатипятилетний сержант Олег Гаранин. Ночью он вместе с нами ходил в разведку боем.

Смертельно раненный в живот, Олег не стонал, не скрежетал зубами. Он улыбался и, преодолевая боль, рассказывал о... горьковском катке «Водник», о своем увлечении фигурным катанием, о каких-то необыкновенных коньках, которые посчастливилось ему купить перед войной. Чувствуя, что силы оставляют его, он—совсем спокойно!—сказал: «Если останетесь живы, побывайте в Горьком... обязательно зимой... передайте ему поклон»... Губы его продолжали шевелиться, но уже ничего нельзя было разобрать... Достоинно воевал русский солдат. Не менее достойно он умирал.

Русский характер. Он занимает умы мудрецов, беллетристов, художников. Но и в не меньшей мере — полководцев, дипломатов, политиков — друзей и врагов.

Усталые от ночного боя и оцепеневшие от потери друга, мы не сразу поняли его предсмертную просьбу... Да и выполнить ее было не просто.

Лишь через десять лет, зимой 1953 года, я попал в Горький—родной город Олега Гаранина. Разыскал его мать Анну Ивановну. По русскому обычаю помянули сына. Потом поехали на его любимый «Водник». Был морозный вечер. Играла музыка... Мимо нас по беговой дорожке проносились со смехом и визгом сотни мальчишек и девчонок, которым в начале войны было по три-пять лет. Анна Ивановна тихо плакала. А я испытывал двойное чувство: восхищался их легкостью и беззаботным весельем и где-то немного грустил и не-

доумевал: помнят ли они тех, кто обеспечил им право кататься на этом катке? Вспоминает ли кто иногда своего земляка, довоенного завсегдаята этого катка, Олега Гаранина?... Других, которые погибли... «не докурив, не долюбив, не домечтав, не дописав, не долетев до цели»...

С тех пор прошло еще... тридцать семь лет... Новые мальчишки и девчонки катаются на старых и новых катках. Катаются, поют песни, учатся, работают, влюбляются. Но меня по-прежнему мучает тот же вопрос. И сейчас, когда какая-то невидимая когтистая лапа все чаще и чаще сжимает сердце и становится трудно дышать, хочется с болью выдавить из себя, вернее, выкрикнуть: «Вспоминаете ли вы, выросшие в семидесятые и восьмидесятые годы, ту, для вас далекую, а для нас вечно

Почему на фронте нам особенно близка стала поэзия! Мир ее светел, соткан из тончайших нитей радости и бытия — всего того, чего так не хватало на горящем волжском берегу в ту позднюю кровавую осень 1942 года.

живую и вечно страшную войну?!»

Но проходит время, отпускает, и я чувствую, что нынешнее поколение выполнит свой патриотический долг не хуже нас. Я ежедневно встречаю их, работаю с ними и знаю, что в большинстве своем они достойные наследники. Уверен, для того, чтобы они были еще лучше, нужно лучше быть каждому из нас в отдельности и всем нам вместе.

Сегодня, накануне 45-летия Победы, может быть, нужно беспокоиться больше не о них, родившихся в семидесятые и восьмидесятые, а об Анне Ивановне Гараниной, других матерях, которые не дождались с войны своих сыновей. Самым молодым из этих солдатских матерей в 1941 году было по 35—40 лет. А сегодня? Многие, очень многих из них уже нет в живых... Остальные... Остальные— в самом преклонном возрасте... Всем ли им тепло и уютно?

Нам—пожилым и молодым—ни на минуту нельзя забывать о них. Не было бы матерей, не было бы сыновей. Не было бы Победы. Не было бы того русского характера, который всегда пленял друзей России и всегда сокрушал ее врагов.

М. ЛАПШИН.

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ ВОЙСК НКВД

ИЗ ТАЙН АРХИВОВ

Общее количество людских потерь в период Великой Отечественной войны давно названо (хотя эти данные и нуждаются в серьезном уточнении), а боевые потери войск НКВД оставались тайной за семью печатями.

В данной статье впервые сделана попытка анализа собранных по архивным источникам сведений о гибели и других боевых потерях внутренних войск за 1418 дней Великой Отечественной войны.

Донесения о боевых потерях стали поступать с границы с первых часов войны.

В документах военных архивов мы встречаем рапорты, списки погибших и пропавших без вести бойцов и командиров подразделений и частей войск НКВД. Но они отрывочны и неполны. И это естественно: обстановка складывалась не в нашу пользу. Отсутствие связи, средств передвижения, удаленность баз боевого питания ставили полки и дивизии в крайне тяжелое положение.

Гарнизоны 10-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог в самые первые часы войны вступили в бой. Обстановка стремительно усложнялась. Во главе с командиром полковником А. С. Могилянцевым части дивизии упорно сражались. На двадцать первый день войны отходившим удалось совершить длительный марш на Винницу. Здесь они вошли в оперативное подчинение 12-й армии и получили задачу на оборону города. Затем 15 июля 1941 г. соединение в далеко не полном составе было передано в 6-ю армию и вело бои с противником в районе Комсомольское, Подвысокое, Андрушовка, неся потери в личном составе. Многим, в том числе и командиру, не удалось тогда вырваться из окружения.

В первые дни и недели Великой Отечественной войны погибло большое число военнослужащих 4-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог, 22-й и 23-й мотострелковых дивизий внутренних войск. До сих пор не установлена трагическая судьба многих офицеров, сержантов и солдат этих соединений. Драматична участь воинов 132-го отдельного конвойного батальона, входившего в состав легендарного гарнизона Брестской крепости. На стене казармы этого батальона сохранились вол-

нующие нас по сей день слова: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20.07.41 г.»

В мае 1941 г. командиром 64-го полка войск НКВД по охране железных дорог был назначен выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе капитан В. И. Трудовой. С гарнизонами полка он вступил в бой 22 июня в 4.00. Отходя от наседавшего врага, оторвался от ядра 10-й дивизии, с большой группой своих однополчан создал партизанский отряд и в 1942 году вышел на соединение с частями Красной Армии. Впоследствии командовал полком в Отдельной армии войск НКВД (70-й армии), стрелковой дивизией, удостоен был звания Героя Советского Союза.

Велики потери советского народа в суровой войне. Немало бойцов и командиров внутренних войск полегло на полях Подмосковья, погибло в боях за Одессу, Киев, Ленинград, Воронеж, Сталинград, в горах Кавказа, а также в боевых операциях по ликвидации националистического подполья и его вооруженных формирований. За шесть месяцев боев 1941 г. погибло в боях 6825 человек, умерло от ран 1539, пропало без вести 41984, попало в плен 117. Всего 50465 военнослужащих.

35863 человека в этих видах войск значатся пропавшими без вести в 1941 г. (в 4, 9, 10-й дивизиях войск НКВД по охране железных дорог, 22 и 23-й мотострелковых дивизиях оперативных войск). Конвойные части понесли урон убитыми и ранеными 380 человек, пропавшими без вести — 2359. Это в основном за счет 132-го отдельного батальона КВ, сражавшегося в Бресте, частей и подразделений 35-й дивизии КВ, дислоцировавшейся на Украине, 42-й отдельной бригады КВ, дислоцировавшейся в Белорусской ССР и в Прибалтийских республиках. Гибли не только на фронте, но и в результате бомбежек в тылу. 22 июня 1941 г. в 5 ч. утра при бомбардировке объекта, охраняемого караулом 229-го полка КВ, погиб красноармеец Демин*.

* Журнал «Пограничник» в № 11, 12 за 1946 г. сообщил, что Демин посмертно награжден орденом Красного Знамени. Однако подтвердить это документально пока не удалось.

В 1942 г. войска потеряли 27904 военнослужащих, в том числе убито и умерло от ран 6364, пропавших без вести 14897, попало в плен 6693 человека.

Многие пстери 41-го года получили свое отражение в учетах 1942 г., особенно о попавших в плен.

Гибли и команды наших снайперов во время боевых стажировок на фронтах. Вместе с тем документы не в полной мере отражают потери внутренних войск. В них, например, не нашли отражение потери 10-й Сталинградской стрелковой дивизии за период боев на Волге. Бывший начальник штаба этой дивизии генерал-майор в отставке В. И. Зайцев рассказал, что оформление документации о боевых действиях и подсчет потерь осуществлялись в г. Челябинске после выхода дивизии из боев, передачи ее в Отдельную армию войск НКВД. Костяком формируемых частей явились офицеры, сержанты и солдаты 10-й дивизии, прибывшие, главным образом, из госпиталей. Их насчитывалось 2700 чел. Это то, что оставалось от дивизии шестиполкового состава.

Большое число военнослужащих войск НКВД пало в первые часы и дни Великой Отечественной войны в приграничных районах. Многие попали в окружение, но продолжали сражаться, сначала самостоятельно, затем в составе партизанских отрядов.

В 1943 г. общие потери войск составляли 7926 человек, из них 6508 человек в частях внутренних войск и войск НКВД по охране железных дорог. В 1944 г. войска потеряли 3145 человек, из них 3011 человек потеряли внутренние войска и войска НКВД по охране тыла. В завершающем 1945 г. войска потеряли 2239 человек, из них 90 процентов потерь падает на эти же виды войск. Все это объясняется тем, что в 1942—1945 гг. части и подразделения конвойных войск, войск НКВД по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности активные боевые действия не вели и в действующую армию не входили. Их потери составили 122 чел. за счет гибели личного состава в боевых операциях по ликвидации националистического подполья.

Велики потери войск среди офицерского состава. Погибло 2333, умерло от ран 246, пропало без вести 3774, попало в плен 673. Сейчас выяснено, что количество про-

павших без вести офицеров намного меньше, чем показано в отчетности.

Некоторые из них, как говорилось выше, вступили в партизанские отряды, другие влились в части Красной Армии, в составе которых сражались с ненавистным врагом.

При помощи ветеранов, а также пионерских и молодежных отрядов «Поиск» установлена судьба ряда офицеров, значившихся пропавшими без вести. Так, командир 77-го полка майор Г. В. Баринов значился пропавшим без вести с июля 1941 г. Удалось установить, что он погиб смертью храбрых 23 июня 1941 г. и похоронен в с. Андрушевка Погребещенского района Винницкой области.

Приказом начальника внутренних войск МВД СССР от 15 ноября 1977 г. майор Баринов Герасим Васильевич исключен из списков, как павший в бою. О чем сообщено семье и РВК.

Бывший военфельдшер 77-го полка Ф. А. Мыриков тоже значился пропавшим без вести. Он был участником подполья, а после освобождения Винниччины Красной Армией был направлен на службу в Войско Польское, откуда и уволился в запас. Ныне Федор Архипович живет в г. Тамбове, активно участвует в военно-патриотическом воспитании молодежи. Награжден орденом «Дружба народов».

С первых дней войны значился пропавшим без вести старший помощник начальника штаба 77-го полка капитан В. А. Серебряков. А фактически Виктор Алексеевич, будучи раненным в обе ноги, лечился у крестьян. После выздоровления попал в партизанский отряд, был начальником штаба отряда, а затем начальником штаба Дятьковского оперативного центра. В сентябре 1942 г. награжден орденом Красной Звезды. В июне 1943 г. самолет, в котором летел партизанский комбриг майор Серебряков, был атакован вражеским «мессершмиттом» и сбит.

Потери в сержантском составе характеризуются следующими данными: убито—4235; умерло от ран—399; пропало без вести—8108; попало в плен—1097. Большая доля боевых потерь в сержантском составе падает на внутренние войска (части оперативного назначения).

Каждая война имела пропавших без вести. Но в Великой Отечественной войне их было особенно много.

По нашим подсчетам всего за период Великой Отечественной войны боевые потери составили 91169 человек, в том числе погибло в боях 20725 человек, умерло от ран 2466, пропало без вести 61167, попало в плен 6811. В это число не вошли сведения о боевых потерях 1, 20, 21-й стрелковых дивизий, 8, 13-й мотострелковых дивизий, а также 1-й отдельной стрелковой дивизии, сражавшейся на Кавказе (комдив полковник И. И. Пияшев).

428
179

	Общие потери по видам войск за 1941—1945 гг.	Процент к элс по состоянию на 30.07.43 г.
Внутренние войска	20671	15
Охрана тыла действующей Красной Армии	42898	50
Охрана ж. д.	16028	16
Охрана особо важных объектов промышленности	7758	11
Конвойные войска	3597	9

Нужно отметить, что это не полные данные, так как войсковые управления НКВД не уделили должного внимания учету боевых потерь, особенно соединений, находившихся в приграничных районах (1, 4-я Крымская, 8-я мсд Юго-Западного фронта, 22 и 23-я мотострелковые дивизии и др.). На учете боевых потерь сказались гибель документов ряда полков и управлений дивизий.

Имелись и другие безвозвратные потери (самоубийцы, утопленники, дезертиры, осужденные военными трибуналами за различные проступки, направленные в штрафные роты, погибшие от несчастных случаев при авариях автомобилей, подорвавшихся на минах и т. п.). Здесь цифры таковы: 610 самоубийц, 358 утопленников, 261 военнослужащий погиб от неосторожного обращения с оружием, 176—убито проходящими поездами, 263—дезертировало из частей, 1453 осуждено военными трибуналами, 3456 — направлено в штрафные роты.

По всем этим негативным явлениям принимались меры, издавались приказы начальниками войсковых управлений. Не все случаи дезертирства объяснялись нежеланием вообще нести обязанности военной службы. Нередки были случаи, когда мотивом дезертирства являлось стремление воинов оставить тыловую часть, быстрее попасть на фронт в действующую армию, с оружием в руках сражаться с врагом. Эта же причина побуждала отдельных красноармейцев и сержантов становиться на путь недисциплинированности, совершать воинские преступления и даже быть подвергнутыми суду военного трибунала и направленными в штрафные роты в надежде хоть таким способом попасть на фронт. Многочисленные докладные с просьбой направить на фронт не могли быть удовлетворены. Командирам и политработникам приходилось вести соответствующую разъяснительную работу, доказывая важность и необходимость службы в тылу.

Невосполнимые боевые потери несли части внутренних войск, принимавшие участие в боевых операциях по ликвидации националистического подполья в западных областях УССР, БССР и Прибалтийских республиках. В 1944 г. погибло 968 солдат, сержантов и офицеров, ранено 1134, в 1945 г. соответственно— 937 и 1025. В ходе ведения этих операций личный состав приобретал опыт, и число убитых и раненых из года в год снижалось.

Наибольший урон понесли части и подразделения войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии и по охране железных дорог: каждый десятый офицер и каждый десятый сержант от общих потерь.

Офицеры, сержанты, солдаты проявляли мужество и героизм при вооруженной защите Советского государства.

В преддверии 45-летия Великой Победы считаем целесообразным создать в Главном управлении внутренних войск «Мемориал славы», куда занести фамилии командиров, военкомов, начальников штабов соединений и частей внутренних войск, павших смертью храбрых в период минувшей войны.

В здании МВД СССР (на ул. Огарева, 6) такой мемориал был установлен к 25-летию Победы. На нем значатся фамилии погибших на войне сотрудников Центрального аппарата Наркома и главков. Среди них десять военнослужащих войсковых управлений (Герой Советского Союза полковник И. А. Танкопий, полковник И. Н. Ростовцев, подполковник Н. А. Бесфамильный, майор С. И. Некорыснов, капитаны И. В. Гаврилин, Ш. Дрожжин, Г. А. Красиков, С. Б. Рабинович, М. В. Скубилин, старший лейтенант А. Ф. Козин). Установление подобного мемориала в здании ГУВВ необходимо во имя светлой памяти тех, кто до последнего дыхания защищал Родину в годы войны.

Полковник в отставке В. КРИВЕЦ, сотрудник Центрального архива внутренних войск, полковник в отставке С. ШТУТМАН, научный сотрудник Центрального музея внутренних войск.

МАРШ МЕНДЕЛЬСОНА

**ВСЕ ЧАЩЕ ДОЛЕТАЮТ ЕГО АККОРДЫ
ПОД СВОДЫ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ.
НО ВСЕ ЛИ МЫ СЛЫШИМ ЭТО?**

«**А** ВАМ двух вечеров в месяц хватит для семейного счастья? Вопрос был задан «на засыпку» с известной долей ехидства и бестактности, но уговор с курсантской аудиторией заключался строго — обо всем говорить только начистоту. В общем-то, я догадывался, откуда дует ветер: кто-то из командиров, и скорее всего в запале, обронил эту неосторожную фразу, и вот она, ранив молодое самолюбие, теперь поднимается, как знамя, под общее возмущенное гудение.

Я попытался все свести к шутке, но спрашивавший был явно не расположен ко всякого рода иронии.

— От нашего комбата и не такое услышишь, — раздалось сразу несколько голосов. — Да и если бы только от него одного...

Немало времени ушло на то, чтобы выслушать накопившееся на душе старшекурсников. Одному, чтобы вырваться за свой свадебный стол, пришлось обивать пороги аж до кабинета начальника политотдела. Другой — долго доказывал необходимость своего присутствия в поликлинике, где после иных укулов жена теряла сознание. У третьего супругу с ребенком хозяйева квартиры ни за что ни про что выставили на улицу, а ему так и не разрешено было отлучиться из учебного центра для поиска нового жилья. Четвертый, не сумев вовремя прибыть на семейный совет и получив «за несерьезность» отставку у невесты, в сердцах подавал рапорт об отчислении из училища по собственному желанию. Пятый...

Впрочем, наверное, достаточно и этого, чтобы понять: не больно-то гладко складываются взаимопонимание и взаимоуважение между сегодняшними командирами и завтрашними их коллегами в Саратовском высшем военном командном Краснознаменном училище имени Ф. Э. Дзержинского МВД СССР.

КОНЕЧНО, принимать все услышанное на веру, не выслушав мнения командиров, не обращаясь, где это требовалось, к документам, я не мог.

— У командира роты в училище нет ре-

альной власти. Заявляю это, как не раз битый ротный, — включился в обсуждение майор Н. Жданов. — В будни уволить курсанта ранее 20.00 чревато большими неприятностями. Это делается только с разрешения начальника училища. А ведь не проходит дня, чтобы кому-то, и притом позарез, не нужно было отлучиться раньше установленного часа. Вот, например, отпустил я двоих в ателье на примерку свадебных костюмов. Часу не проходит, бежим с комбатом «на ковер»: почему нарушен распорядок дня? Ну, на этот раз пронесло. Но завтра я глубоко задумаюсь: а стоит ли вновь выслушивать нотации? Ведь так, глядишь, за свои непонятливости или упрямство можно и поплатиться. А попробуй-ка объясни двадцатилетнему максималисту, который к тому же в этот момент кроме своей нужды ни о чем и думать не желает. Любой отказ не возвысит тебя в глазах курсантов. Многие непременно постараются расплатиться той же монетой, а сделать в сущности нетрудно. В приказе командира роты отмечают «за повышение боеготовности», а лишают поощрения по сути за окурки на плачу.

ТО, О ЧЕМ рассказал Жданов, — лишь видимая часть айсберга, если можно уподобить ему внутреннюю жизнь курсантского коллектива. Для полноты картины надо бы прибавить сюда встреченный, скажем так, без особого энтузиазма, новый распорядок дня, узаконивший по сути дела командиру двенадцатичасовой рабочий день. (Не отсюда ли высказывания офицеров, что старшекурсник теперь чаще видится с женой, чем его командир?) Надо бы прибавить и бытовую неустроенность офицеров батальона. Ведь только четверо из них живут в нормальных условиях. Остальные — без квартиры или места в общежитии. Некоторые годами не видят близких. Тот же замполит батальона Виктор Иосифович Киселев — отец троих детей, второй год на казарменном положении — днюет и ночует в своем рабочем кабинете.

А вы думаете, в дни тревожных событий в Фергане, Баку проведаль кто-либо из работников политотдела или тыла или ак-

тивистки женсовета хотя бы те четыре семьи, имеющие в Саратове постоянную прописку? Ничуть не бывало. По крайней мере майор Жданов только покачал головой: «Моя Наталья с ребенком на руках вынуждена была искать училищный летний лагерь, чтобы не сидеть без денег самой, а заодно и семье капитана Павлючика».

А ведь заботливость, как известно, переходит от старших к младшим. Надо ли удивляться, что о курсантской семье вообще никто и не вспоминал, тем более в обстановке, когда батальон «становился на крыло».

КУРСАНТСКАЯ семья. Я завел разговор о ней с начальником училища, и полковник Саламгерий Касплатович Царахов подметил одну примечательную деталь. В шестьдесят первом году, когда ему вручались лейтенантские погоны, во всем дивизионе было лишь трое женатых, да и те бывшие сверхсрочники — люди зрелые, на шесть-семь лет старше своих сокурсников:

— В наше время и не принято было заводить семью до выпуска, — сказал он. — Нас заботило, как бы родителям помочь, многие деньги домой посылали. А у нынешних — все наоборот...

Вот именно! Не похожи нынешние курсанты на своих предшественников. Да и только ли они! По статистическим данным, ныне почти каждый пятый студент страны — женат. В каждой десятой студенческой семье — ребенок. Вот и наши курсанты — дети своего времени, считающие, что молодость — пора не только учебы, поиска своей линии в жизни, но и время выбора невест. И хотели бы мы того, не хотели, подходили бы со своим пониманием жизни к этому сугубо личному, деликатному делу или нет, решающее слово все равно остается не за нами. Армейский принцип «Делай, как я!» едва ли приемлем в семейной жизни. А поэтому — осуждай или приветствуй очередную курсантскую свадьбу, но закрывать глаза на то, что более трети выпускников 89-го года создали семьи, находясь еще в училищных стенах, по меньшей мере опрометчиво. Это реальность, и с ней пора бы всерьез считаться в повседневной работе.

СКАЗАТЬ, что в политотделе училища об этом не знают, не думают, было бы неверно. Знают и думают. Проводят, к примеру, вечера-встречи, дискотеки — в столовой, спортзале, фойе клуба, а то и прямо на плацу. И хоть на вкус и цвет, как гласит пословица, товарища нет и всяк сам выбирает себе спутницу жизни, политотдельцы следят, чтобы побольше приглашалось девчат из университета, медицинского, педагогического институтов. Но...

А вот «но» оказывается не из простых. Не хочу обидеть наших ребят (к тому же не во всем они сами и виноваты), не так просто подступиться к эрудированной студентке. Распорядок дня сегодня таков, что иной за четыре курсантских года умудряется прочитать не более десятка книг (а иной и одну-две!). Фильмы в училищ-

ном клубе крутят третьей категории. Комсомольская организация от собрания к собранию знает призывает «повыситься», «улучшить» и «мобилизовать». Да и другие ее мероприятия не заглядывают дальше интересов учебы, службы, дисциплины. Как бы ни курьезно прозвучало, но даже диспут третьекурсники затеяли отнюдь не о любви и дружбе, а «О культуре поведения военнослужащего в общественных местах».

Училищный клуб арендован на время капитального ремонта Саратовским академическим театром оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. В связи с этим я попросил майора А. Денисова, начальника клуба, поделиться соображениями о ближайшем будущем. Три дня он раздумывал, а делиться-то, оказалось, практически нечем: «Будем и впредь поддерживать связи с комитетами комсомола вузов, приглашать девушек к нам на вечера, ну и как минимум 23 февраля и 8 Марта собирать семьи, в том числе и курсантские, для совместного отдыха».

Немногим, к сожалению, дополнила этот небогатый банк идей и председатель женсовета училища Тамара Николаевна Нефедова. А ведь, казалось бы, ей — жене офицера, матери курсанта — и карты в руки. Ан нет. «Девочки все учатся, им не до наших женских дел. Мы приглашали их на собрание. Пришли, но мало. Потом проводили вечер к 8 Марта...»

Я слушал Тamarу Николаевну, ее рассказ об этом вечере, как было интересно: играл духовой оркестр, шло чествование молодых бабушек... И все мне думалось: введи хотя бы одну жену курсанта в этот совет, конечно и даже наверняка, она бы не изменила в нем погоды, но что-то свое, близкое сверстницам, неужто предложить не смогла?

ИЗ РАЗГОВОРА со старшекурсниками:

■ «Не верьте тому, кто говорит, мол, женитьба мешает учебе, что глаза у «жнатика» повернуты не в учебник, а на предмет обожания. У кого оказалась золотая медаль на выпуске 89-го года? У Кирина Андрея. А он женат, ребенок растет. И из 27 с красными дипломами добрая половина — опять-таки женатых народ».

■ «Вы были в нашей комнате посетитель? Она почти точь-в-точь, как в ИТК. Ни цветочка, ни картиночки, одни ряды голых мрачных столов, и все. Кто-то даже догадался прилепить стенд — какие сроки грозят нам за воинские преступления».

■ «Сколько ребят едут к месту службы холостяками. Попадают в такие дыры, где с невестами туго — не то слово. Их просто нет! Иные женятся на первых встречах, с которыми познакомились чуть ли не в последнюю минуту на вокзале. Отсюда — и бытовые неурядицы, разводы, пьянство. Словом, жизнь летит под откос. Но пока ты курсант, всех волнует только твоя успеваемость».

■ «За три года лишь однажды я услышал просьбу привести жен на 8 Марта.

Привел, как и еще 8—10 ребят. Может, кому-то из руководства показалось сверхдемократичным посадить рядом со своей супругой курсантскую жену, но мы-то чувствовали себя не в своей тарелке. Мы-то хорошо понимали всю неестественность, театральность мероприятия. Ведь разве только их жены и не знают униженности нашей семейной жизни. Говорю так потому, что, видно, никто из тех, кто нас учит и воспитывает сегодня, не женился в курсантские годы».

«УНИЖИТЕЛЬНОСТЬ нашей жизни...» Сказано, пожалуй, чересчур резко. В конце концов каждый знал заранее, на что идет, примеряя себе и любимой обручальные кольца. Но одно бесспорно: нас где на шаг, а где и на два опережает жизнь. Мы только-только заговорили о назревшей необходимости разделить быт солдата и курсанта, а она подсказывает, что пора бы всерьез подумать о статусе курсантской семьи — из всех других самой незащищенной и обделенной, лишенной до последнего времени даже элементарного права на совместное проживание.

Мы издаем документ, обязывающий вузы ввести к 1995 году общежития для старшекурсников, а жизнь все решительнее подсказывает, мол, хорошо бы заранее предусмотреть в них и кое-что для женатых курсантов...

Но перспективы перспективами, а курсантской семье нужна реальная помощь уже сегодня. Ей наверняка стало бы легче, повернись не только политотдел, женсовет, но и командование лицом к ее заботам. Давайте разберемся, что тут к чему.

КАК РАЗ накануне моего приезда отшумела у старшекурсников 68-я по счету свадьба. 40 из них сыграна уроженцами Саратова или области. Еще 11 курсантов здесь же выбрали себе невест. Остальные регистрировали брак в отпуске по месту жительства, и чьи-то избранницы остались дома, с родителями. Но таких — единицы, большинство приехали с мужьями в Саратов. Вот этим-то молодым семьям ныне труднее всего.

Так чем же можно помочь курсантской семье? Этот вопрос я адресовал заместителю начальника училища по тылу подполковнику Юрию Ивановичу Пивню. Разговор начался с прописки. Есть документ, разрешающий до получения жилой площади в установленном порядке прописывать офицеров, прапорщиков, военнослужащих сверхсрочной службы с членами семей на жилую площадь воинской части (в нашем случае — военного училища). Но о женах курсантов, их детях там речи нет. Скажу больше — несколько прапорщиков заканчивают ныне СВВКУ. Даже им, находящимся на положении курсантов, отказано во временной прописке семей на училищный адрес. А в результате, как говорили мне Сергей Тачко, Виктор Резин и другие, — отнимите от нашей зарплаты то, что платим за жилье, разделите остаток на количество едоков, и вы увидите,

как глубоко за чертой бедности очутились наши семьи. Единственно, что еще спасает от полуголодного существования, — наш продпайк.

Картина невеселая. А ведь не надо забывать и то, что на продовольственных прилавках Саратова и раньше-то было негусто, сейчас — тем более. Военторг не в силах дать все, что просят у него почти полтысячи семей училищных офицеров, прапорщиков, служащих. Где уж тут чему-то разжиться курсантам. Хотя главным разрешено расходовать половину произведенного в подсобном хозяйстве мяса на улучшение курсантского стола и для продажи семьям военнослужащих, курсантские жены и здесь оказались ни с чем. В общем... В общем, есть одна деталь. Тем, кому предоставляется отпуск на полные сутки со снятием с котлового довольствия на основании строевой записки и приказа по вузу, следует выплачивать денежную компенсацию взамен продпайка. Не великие, прямо скажем, деньги, но и их пока почему-то не видят люди.

ДАВАЙТЕ не будем спешить с возражениями, откровенным несогласием. За годы перестройки многие научились весьма болезненно реагировать на выступления прессы, обличающей неповоротливость, косность, бюрократизм иных армейских структур. Будем самокритичны. Вдумаемся — шесть с лишним лет (!) понадобилось тьфу на то, чтобы привести в действие положение приказа, разрешавшего начальнику училища еще с 1982 года нынешний порядок увольнения курсантов.

Что тут скажешь — с доверием извечная напряженка. А вы думаете, почему так не любят в батальоне курсантские свадьбы, которые приходятся не на каникулярные отпуска? Вот именно потому и не любят.

С ОЛЬГОЙ и Зурико Гасановыми мы едем на трамвае вечерним Саратовом в сторону их Выселочной улицы. Здесь 3 сентября ребятам наконец-то улыбнулась удача: сняли за полсотни комнатенку размерами два на три метра со всеми удобствами на дворе. Они пригласили меня в гости, узнав, что интересуюсь, как живет курсантским семьям в этом древнем поволжском городе. Крошечный столик, завалянные учебниками, полка опять-таки с учебниками (Оля мечтает стать преподавателем немецкого языка и сейчас на 4 курсе Саратовского пединститута), стул, кровать, на гвозде зимнее пальто — вот, собственно, и все приметы их по существу пыточного быта. Но оба веселы, трогательно внимательны друг к другу, ждут ребенка.

В обратный путь Зурико провожал меня один. Постояли на остановке, он закурил: — А знаете, куда ни распределят, я спокоен. Оля поняла, что такое быть женой офицера. Тяжелее нам уже не будет.

Майор Е. АРТЮХОВ.

780
181

Десятки писем получили мы в канун XXI съезда ВЛКСМ. В них, как в зеркале, отражаются проблемы, которые волнуют комсомольцев, высказываются тревоги, надежды, конкретные предложения по улучшению работы союза. Вот некоторые из них.

СЪЕЗД— НЕ МАННА НЕБЕСНАЯ

В молодежной среде кипят страсти, еще жарче разгораются дискуссии о путях дальнейшего развития комсомола. Кто-то ждет съезда ВЛКСМ, как манны небесной, дескать, придет съезд и все проблемы решит. Не решит! Да, на многие принципиальные вопросы он даст ответы, станет этапным событием в жизни комсомола страны. Но все же, по-моему, нам давно пора понять, что перестройка движется тогда, когда мы ее двигаем сами, когда смело, не дожидаясь указаний и подсказок, делаем большую и маленькую новаторскую работу. Главное, чтобы курс комсомола выверялся по курсу партии, идущей навстречу своему XXVIII съезду. Этот курс—на перестройку, гласность, демократизацию, обновление—является стратегическим и для комсомола.

Сила любой организации, комитета, бюро ВЛКСМ, как известно, в их сплоченности, боевитости, которых нам сегодня еще так не хватает. Наши секретари совместно со своими комитетами и бюро еще не отрешились от кабинетных методов работы, часто не придают огласке, обсуждению вопросы, рассматриваемые на своих заседаниях. И в итоге руководящие комсомольские органы живут своей жизнью, а рядовые комсомольцы—своей.

Комсомольцы должны иметь возможность постоянно контролировать работу выборных органов—через систематические отчеты членов комитетов, бюро ВЛКСМ перед организацией по всем вопросам.

Сегодня необходимо по-новому посмотреть на комитеты ВЛКСМ частей. Я предлагаю избирать их на два года: после первого года проводить отчетное собрание, а после второго—отчетно-выборное. Каждые полгода обновлять состав комитета взамен уволенных комсомольцев. Это, на мой взгляд, повысит преемственность и профессионализм в работе этих органов, они на деле станут постоянно действующими.

Надо, я считаю, предоставить право первичным комсомольским организациям вы-

бирать членов комитета ВЛКСМ и отзывать из его состава своего представителя, не оправдавшего доверия; ходатайствовать перед командованием частей о поощрении лучших военнослужащих-комсомольцев краткосрочными отпусками и другими видами поощрений.

Армейский комсомол обязательно должен бороться за повышение социальной защищенности военнослужащих и тех, кто отслужил срочную. Посмотрите, вполне решение Верховного Совета СССР об увольнении в запас студентов дневных вузов, отменен их призыв. Уже в этом году военнослужащим, уволенным в запас, поступить в высшие учебные заведения будет очень непросто, так как количество абитуриентов (из-за нежелания многих молодых людей служить в армии) резко возрастает. А наши отслужившие ребята за два года школьные знания несколько позабудут, станут, как говорится, менее конкурентоспособными. Поэтому на съезде делегаты в военной форме обязаны добиться решения об увеличении количества учебных мест в вузах (скажем, до тридцати процентов) для приема военнослужащих, уволенных в запас.

При этом возрастет значимость рекомендаций, характеристик, выдаваемых командованием, комсомольскими организациями частей лучшим военнослужащим для внеконкурсного поступления в учебные заведения.

По-моему, есть также необходимость рассмотреть возможность обучения солдат и сержантов второго года службы на заочных подготовительных отделениях вузов и техникумов—выполнять присылаемые задания.

И вот еще что хочу подчеркнуть. Комсомол—организация добровольная, общественно-политическая, и не надо, как было прежде, тащить в нее всех без разбору. Мы должны работать так, чтобы несоюзная молодежь сама искренне потянулась к нам.

Капитан А. МИЛЕЦКИЙ.

ВЕРНУТЬ ЧИСТОТУ СИМВОЛАМ

Можно ли комсомольца считать комсомольцем, если он небрежно, по-хамски относится к своему членскому билету? Некоторые солдаты делают в билетах посторонние записи (телефоны записывают даже!), хранят в них что попало. За этим я вижу отношение не просто к билету, а к самой организации, к идеалам ВЛКСМ.

У нас в части шел об этом довольно острый разговор, но мало что меняется.

Съезд комсомола, по-моему, не имеет права пройти мимо этой проблемы. Надо вернуть комсомольским символам их чистоту и силу.

Рядовой М. САДИЕВ.

МЕЧТАЮ О СПЕЦНАЗЕ

Я — призывник, комсомолец, и мне вовсе не безразлично отношение к людям в военной форме, складывающееся в последнее время в нашей стране. ВЛКСМ должен давать отпор тем людям и средствам массовой информации, которые лишь в черном цвете представляют наши Вооруженные Силы, внутренние войска.

Сам я мечтаю служить в подразделении специального назначения и считаю себя к этому подготовленным. Борьба с терроризмом, с организованной преступностью приобретает особый характер. Но я не боюсь опасности, понимаю, как важно для советского общества покончить со всеми мафиозными группировками. Возможно, служба в спецназе станет делом всей моей жизни.

В. КОБЯКОВ.
УССР, г. Смега.

НЕ НАДО МНЕ ТРИДЦАТКИ

Известно, что должность секретаря батальонной комсомольской организации теперь на общественных началах. А это значит, что я, комсомольский работник с шестилетним стажем, являюсь прежде всего контролером по надзору, а все молодежные проблемы автоматически отошли для меня на второй план. К тому же комсомольские организации расположены одна от другой в десятках километров. Побывать в каждой, узнать, чем живут люди, почочь им в работе у меня просто нет времени.

Раньше, когда я был освобожденным секретарем комсомольской организации, регулярно бывал в подразделениях. И без хвастовства скажу: тогда комсомольские дела обстояли куда лучше — хватало времени заниматься и воспитанием, и укреплением дисциплины, и проблемами боевой службы, и досугом. В общем, работа велась конкретная, целенаправленная, системная.

Сейчас же я уверен лишь в одной комсомольской организации, в которой состою на учете и где несу службу. А о других судить не берусь — я в них практически не бываю.

Я понимаю так: сначала надо дать возможность секретарю комсомольской организации работать, а потом с него и спрашивать.

Кое-кто, возможно, посчитает, что я пекусь лишь о том, чтобы вернуть обратно те тридцать рублей, которые «сверху» получал освобожденный секретарь. Так вот, заявляю вполне серьезно, что мне этой тридцатки не надо. Дайте возможность работать с людьми, чтобы была уверенность: комсомол нам нужен не по совместительству.

Я убежден, это волнует не только меня.

Прапорщик С. ЛИТВИНЧУК.

ПОКА ГДЕ-ТО ИДУТ РАЗГОВОРЫ

Когда я посмотрел выступление этого самодеятельного коллектива, то восторженно твердил про себя: «Вот молодцы, как это вовремя и как полезно!»

Театр-студия национального творчества, созданный по инициативе комсомольского активиста младшего сержанта Ю. Гришина в одном из подразделений внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью, — это настоящая школа интернационализма. Ребята, призванные из многих союзных и автономных республик, демонстрируют фейерверк из народных песен и танцев. По просьбе военнослужащих И. Нарбобоева, М. Черхадзе, Ю. Гришина, К. Мамедова, А. Фотияди, многих других в часть из Таджикистана, Грузии, России, Азербайджана их родители и друзья прислали народные костюмы и инструменты. И вот театр-студия, объединивший представителей двенадцати национальностей, пока где-то идут бесконечные разговоры о необходимости интернационального сплочения, дает прекрасный пример этого сплочения.

Вот чем надо заниматься комсомолу! Не заседания и совещания проводить изо дня в день, а живо и оригинально работать с молодежью.

Капитан Г. МАРЧЕНКО.



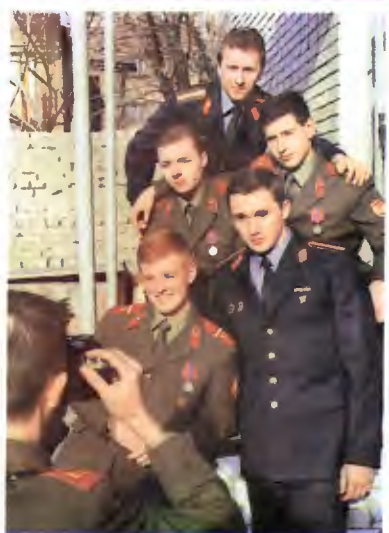
Интересной жизнью живет комсомольская организация, возглавляемая майором С. Демиденко — делегатом XXI съезда ВЛКСМ (на первой странице вклейки).

■ Подполковник в отставке В. Писаревский, создавший уникальную по своему художественному и смысловому содержанию комнату истории и боевой славы части.

■ Участники событий в горячих точках страны ефрейтор А. Шунаев, прапорщик Д. Назаров, рядовые В. Кузнецов, В. Мотев и прапорщик А. Полянский, удостоенные государственных наград, решили сфотографироваться на память.

■ Отлично несут боевую службу комсомольцы сержант Б. Гей и ефрейтор В. Скворцов.

■ За выпуском очередной комсомольской страницы газеты «На посту» старший лейтенант А. Корнеев, капитан А. Агапов и машинистка Н. Алексеева.



■ Член ЦК ВЛКСМ М. Родионов беседует с делегатами комсомольской конференции (на четвертой странице вклейки).

Фото Р. РЯЗАНОВА.



Т.В.
183





189

КТО ОСТАНОВИТ БЕСПРЕДЕЛ?

**О НЕНОРМАЛЬНЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЭТОГО
УЛИТУ И ЧАСТИ ЖУРНАЛ
РАССКАЗАЛ ЧИТАТЕЛЯМ
В ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ
НА ИМЯ ТОВ. В. И. СНЫЦЕРЕВА
(1988, № 10). УЖЕ ТОГДА
ПРОЗВУЧАЛ ПРИЗЫВ
НЕ БОРОТЬСЯ,
А СОТРУДНИЧАТЬ. ПОД ТАКИМ
ЗАГОЛОВКОМ, КСТАТИ, И БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН МАТЕРИАЛ.
ОДНАКО В УЛИТУ НАШЛИСЬ
ЛЮДИ, ДЛЯ КОТОРЫХ ВАЖЕН
БЫЛ НЕ ПОИСК ПУТЕЙ
К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ,
А ЗАЩИТА УЩЕМЛЕННОГО
САМОЛЮБИЯ.**

**И ВОТ МЫ СНОВА В ТОЙ ЖЕ
ЧАСТИ, В ТОМ ЖЕ УЛИТУ.
ТЕ ЖЕ ГЛАВНЫЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, КРОМЕ
КОМАНДОВАНИЯ ЧАСТИ — ЕГО
СМЕНИЛИ В ПЯТЫЙ РАЗ
ЗА НЕБОЛЬШОЙ ПРОМЕЖУТОК
ВРЕМЕНИ. И, КАК НИ ГОРЬКО
ГОВОРИТЬ, ВСЕ ТА ЖЕ
АТМОСФЕРА ВЗАИМНЫХ ОБИД,
УПРЕКОВ, АМБИЦИЙ, А ТО
И ПРОТИВОСТОЯНИЯ.**

ВЕРНЫЙ СЕБЕ, генерал-майор Сныцеров и на этот раз прямо-таки с порога бросил офицерам упрек: почему не представились, почему он не осведомлен о цели приезда? И далее в том же духе.

Разговор ради разговора. Ясно, что он мало способствовал созданию нормальной атмосферы для обсуждения серьезных вопросов, скорее свидетельствовал об определенной и пока непреодолимой предубежденности начальника УЛИТУ и его

подчиненных по отношению к офицерам войск. Поэтому они как нечто неизбежное восприняли и следующий шаг Василия Ивановича. Он, прочтя первый же пункт совместного документа, наметившего конкретные меры по созданию для личного состава условий, обеспечивающих их конституционное право на отдых, решительно зачеркнул его.

— Это не мой вопрос.

Так ли? Требования Министра внутренних дел СССР на сей счет известны: старший оперативный начальник обязан проявлять постоянную заботу об обеспечении личного состава воинских частей, подразделений, караулов, войсковых нарядов нормальными условиями для несения боевой службы, боевой и политической подготовки, воспитательной работы и отдыха.

Как поступают в данном УЛИТУ? Два года назад журнал писал, что солдаты и сержанты практически не имеют выходных дней. Может, с тех пор все переменялось и потому генерал отменил пункт?

Командир батальона капитан И. Горбач представил такую справку: в 1989 году его подчиненные не осуществляли вывод осужденных на работу только 7 ноября, а в остальные праздничные дни несли службу. В роте старшего лейтенанта А. Рудакова два взвода имели по 2 выходных в месяц, а три взвода — ни одного. В роте старшего лейтенанта Т. Плиева солдатам и сержантам предоставлялся один выходной в месяц.

Копируя стиль работы начальника УЛИТУ, некоторые руководители ОИТК и ИТК доходят до издевательств. Например, в 42-градусный мороз выводят осужденных на все производственные объекты. Комбат предложил полковнику внутренней службы В. Смирнову хотя бы на временные объекты не посылать людей, что позволило бы увеличить численность караулов и чаще менять часовых на постах, не допустить обморожений. В ответ — отказ. Осужденные укрылись в будках, не работали, солдаты замерзли. «Это их проблемы. Мне нужен план. Я буду добиваться полного выполнения объема службы», — вот рассуждения в стиле Василия Ивановича.

Однажды комбат, настаивая на своем, дал телеграмму командиру части и генералу Сныцерову, попросил вывод осужден-

ных на работу делать на час позже, чтобы нагрузку на личный состав немного сократить: люди устали.

Реакция полковника Смирнова на действия капитана Горбача в полной мере показывает его и как руководителя, и как человека, вершащего судьбы людей военных и невоенных. Сначала он угрожал: «Вы мне будете подлянки делать? Ну погодите!» Вскоре по его распоряжению дежурные телефонистки перестали соединять батальон со штабом части и УЛИТУ. Военные машины не заправляли бензином, мотовоз—соляркой. Диспетчер УЖД получил приказ мотовоз вообще не выпускать из гаража. Кассир аэропорта не продавал военным билетам на самолет. Комбата, который возвращался из отдаленного подразделения на дрезине, остановили, предупредили: «Смирнов не велел вас пускать в поселок до 22.00».

«Беспредел»,—пользуясь зазубренной терминологией, так расценили действия начальника ОИТК в подразделении.

Беспредел... О нем говорили и ветераны Великой Отечественной войны, фронтовики, смотревшие смерти в глаза. Победители, отчаявшись найти правду и справедливость, капитулировали перед Сныцеровым и Смирновым, «Положено 50 процентов скидки на коммунальные услуги—не выбить». «Мне воду отключили, а я инвалид». «Свет по 3—4 раза отключают». «Мы все боимся Смирнова, он все может». А Сныцеров в присутствии секретаря райкома партии сказал им, что Смирнов заслуженный человек, авторитет, зря вы на него жалобы пишете.

И круг замкнулся.

ОТСУТСТВИЕ выходных, высокая служебная нагрузка, которая в ряде случаев вдвое выше нормы,—одна сторона медали. Другая также выглядит малопривлекательно. Имеется в виду размещение военнослужащих, их питание, денежное содержание. Вот факты из докладной записки начальникам ГУИД и ГУВВ МВД СССР. На сегодняшний день в части нет почти ни одного здания, соответствующего нормативным требованиям. Трём казармам нужен капитальный ремонт. На одного человека приходится от 1,13 до 2,5 кв. м спальной площади и 5,1 куб. м воздуха вместо 2,5—4 кв. м и 9—12 куб. м по нормам. В этих условиях невозможно обеспечить военнослужащих тумбочками и табуретами, так как их негде ставить. В некоторых подразделениях под жильё заняты учебные классы. Комнаты малы по размерам и не удовлетворяют потребностей: на две роты в умывальнике 7 краников. Из всех караульных помещений по охране жилых зон и постоянных производственных объектов только два в хорошем состоянии. Остальные построены не по типовым проектам, ветхие, требующие капитального ремонта или новой постройки. В них нет в полном объёме условий для отдыха, умывания, приема пищи, просушки обуви и обмундирования...

На этом фоне кощунственно звучит рассказ начальника УЛИТУ генерала Сныцерева о быте осужденных: «Вы видели ко-

лонию. Порядок идеальный, правда? А ведь мне запрещали сажать цветы, строить фонтаны, разводить рыбок, певчих птиц. Обычно говорят: бараки. Вы видели: здания, в которых живут осужденные, нельзя назвать бараками. Это трехэтажные благоустроенные общежития. Один армейский офицер осмотрел их и сказал, что не во всякой воинской части солдаты живут в таких условиях...» (Неделя, № 47, 1989).

Кто же против нормальных условий для отбывающих наказание? Никто. И все же становится не по себе от сравнения условий жизни солдат и преступников-рецидивистов, да еще в устах генерала, который обязан по долгу службы обеспечивать эти самые условия и тем, и другим. Увы, вооруженные защитники оказываются безоружными перед реальностью, когда решения принимаются вопреки логике и нравственным нормам. Они вторичны в главном здесь: в совершении плана. Отсюда их соответствующее место и внимание. «Охране» по этой причине можно месяцами не выплачивать деньги. Семьи офицеров и прапорщиков остаются без средств к существованию — тоже пустяки, потеря, не впервой.

Выяснилось, что на солдатский стол зимой и летом поступает в основном соленая рыба, что вместо мяса сотни дней в году выдаются консервы. Руководство УЛИТУ признало, что в большинстве случаев остроту данной проблемы можно было снять, стоило лишь воспользоваться вертолетом для доставки свежей рыбы и мяса в отдаленные подразделения. А пока накопились другие вопросы: не заготовлено 30 тонн солений. Портятся лук и морковь из-за плохого их хранения. Нужны срочные меры, в том числе со стороны воинской части.

...До сих пор перед глазами солдаты и сержанты этой части. Их серые усталые лица, сгорбленные спины, потухшие глаза. Сколько же будет продолжаться насилие над молодыми, не окрепшими физически и духовно людьми? Да тут и закаленного поставь в условия, когда служба, служба изо дня в день, из месяца в месяц, два года подряд, без выходных, без отпусков (я читал телеграммы из высоких инстанций — «ограничить отпуск до 1 сентября», причина — опоздания в части из-за того, что не купит билеты), наверное, и он дрогнет. Вышка, проволока, зеки, автомат, собаки. Когда такое наваливается на плечи, рождаются жуткие по смыслу строки: «Нас 300 лет татары гнули и не могли никак согнуть. А за два года так согнули, что в 300 лет не разогнуть». Это из стенгазеты роты о нашей системе, в угоду его величеству плану, ни во что не ставящей человека. В угоду плану система ни перед чем не останавливается.

Насколько же аморален должен быть этот план...

Что дальше? Сколько будет длиться эта начальническая диктатура, авергающая не одну сотню людей, людей служивых, в нескончаемую череду унижений и лишений?

Полковник В. КУЗЬМЕНКО,
наш спецкор.
УВВ по Уралу.



На одном из брифингов в МБД СССР сообщалось, что некоторые средства массовой информации западных стран (в частности, финские газеты, французское радио) предостерегли своих граждан от поездок в Советский Союз. Причина — возросшая преступность в СССР в отношении иностранцев.

Но на том же брифинге журналисты услышали и о фактах иного рода. Хотя в СССР из других стран прибывают и не потенциальные преступники (в этом смысле существует определенный отбор), все же именно противоправное поведение самих иностранцев, вступающих в незаконные сделки с фарцовщиками, валютчиками, проститутками и спекулянтами, способствует преступлениям. Наиболее опасные преступления, к которым причастны иностранцы — контрабанда и валютные махинации.

В нашей стране существует специальная исправительно-трудовая колония, так называемая инозона, где отбывают наказание иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступления на территории СССР.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Шимун — ассириец, выходец из Ирана. В нашу страну переехал юношей вместе с родителями. Из своих шестидесяти трех лет жизни вор-карманник сорок пять провел в советских колониях. Первый срок получил в 1943-м. А потом — пошло-поехало. Помните из «Джентльменов удачи»: вышел, украл, сел... Плюс «раскрут-

ки» — лагерные судимости. На свободе — ни одного рабочего дня стажа. В общем, тюрьма — дом родной.

— Жалеете о чем-нибудь в этой жизни? — спрашиваю Шимуна.

— А чего жалеть, понту-то нет никакого.

— Привыкли здесь?..

— А как думаете, три с половиной месяца на свободе — и обратно приехал, на пятилетку устроился.

— Неужели никогда не хотелось остановиться?

— Хотелось, да когда выпьешь — руки сами в чужой карман лезут. Дураку пить нельзя.

Особый предмет разговора с Шимуном — лагерный быт. Тут мой собеседник вдруг сурово сводит брови над переносицей и даже на брзжание переходит, вспоминая о молодежи.

— С молодыми пострже бы надо. Старикам-то понту нет — всякие зоны видели. А молодой пришел, еще вольными батоном управляет, а уже: «Это мне не надо, это не надо, а надо вот это...» Курорт ему тут.

Аккуратно заправленные постели в секциях жилой зоны. Телевизоры, радиоприемники. В столовой, на кухне — тоже чистота и порядок. Даже в кочегарке уют: тепло, на столе кочегара поляка Анджея — цветы, спит, свернувшись, черный котенок, а под стеклом — вырезка из журнала — Ирина Алферова с неуловимой улыбкой мадонны и белая роза заколота в волосы. Фонд лагерной библиотеки насчитывает более десяти тысяч наименований на десятках иностранных языков. В ма-

газине «ассортимент соответствует перечню» — на прилавках все — от мясной тушенки до яблок и даже гранат.

И работа в инозоне, как видно, не пыльная: осужденные за восемь часов обязаны кто согнуть, а кто прострочить 900 бумажных мешков. Почти все управляютя с нормой уже на пятом-шестом часу рабочего дня, перевыполняют план, чтобы заработать «процентовку» — поощрительную сумму. В общем, нагрузки эти не сравнить с теми, скажем, что на лесоповале.

Словом, осужденные здесь живут не хуже, чем солдаты некоторых подразделений, и потому не покровили бы душой, вторя героям нашей отечественной кинокомедии: «Хорошо сидим!»

Гражданин Швеции Регальдо Велис — преподаватель института, автор нескольких книг. Преподаватель музыки и танцев гражданин Перу Карульо Асеведо Фелиппе... Гражданин Норвегии, Аргентины, Заира... Все они на воле, мягко говоря, ни в чем не нуждались... Богатые люди, в общем.

Странное чувство не покидает, когда познакомишься с такими здесь, в колонии, листаешь их личные дела. Сакраментальный, «исконно наш» вопрос хотелось задать каждому: «И чего только вам не хватало?»

Да, у нас дефициты. Да, основные причины преступности в нашей стране — социально-экономические. Но отчего же, скажем, благопристойные и обеспеченные, не знающие дефицита финны без зазрения совести целыми автобусами на трассе под Ленинградом (об этом сообщалось на брифинге в МВД СССР) вступают в сделки с советскими валютчиками? Отчего просвещенные и зажиточные западные буржуа ради большей зажиточности не гнушаются доставлять согражданам, в том числе и детям, настоящую смерть — наркотики?

Многие «сытые» западные страны пока впереди нас по уровню преступности. Но, к огромному сожалению, судя по всему, мы уже близки к тому, чтобы «догнать и перегнать», если ветры перемен будут нести нам только материальные приоритеты.

ПОВЕРНЕМ «ГЛАЗА ЗРАЧКАМИ ВНУТРЬ...»

Секу Солано, гвинеец. Изнасиловал советскую девушку.

Хазам Коримзе, афганец. Утопил в реке ребенка своей сожительницы.

Юсефи Фархад Нейматулла, иранец, трижды незаконно переходил государственную границу СССР.

Пуна Арибаи, португалец, задержан в Шереметьево с полутора килограммами сильнейшего наркотика — героина.

Одни творили зло сами по себе, в одиночку, другие втягивали в орбиту недозволенного десятки советских людей.

Но здесь, в инозоне, слушая одного из осужденных, я вдруг почувствовал себя не в своей тарелке, будто обвинения, адресованные другим, касались лично меня. Анатомируя их преступления, мы имеем возможность еще раз повернуть «глаза зрачками внутрь», вспомнить о нравах, живущих в собственном доме.

Послушаем палестинца Эдхалия Махмуда, осужденного за изнасилование.

«У вас плохие девушки, — убежденно говорит Махмуд. — Много пьют, ругаются матом, обманывают. За что их уважать?»

Фарцовке я тоже здесь научился. Многому плохому научился».

Что же, тут и хочется крыть, да нечем.

НАЧАЛЬНИК КОЛОНИИ

Тридцатипятилетний капитан внутренней службы В. Белый, сравнивая свою прежнюю работу в ИТК строгого режима с нынешней в инозоне, считает, что здесь и труднее, и легче. Легче потому, что спецконтингента в инозоне содержится раз в десять меньше. У администрации есть возможность контролировать буквально каждого осужденного. Есть время выслушать любого. Это одна из первых причин того, что нет в инозоне «опущенных», паханов, воров в законе, не замечено случаев гомосексуализма. Первые же попытки кого бы то ни было из осужденных установить власть над другими строжайше пресекаются администрацией. Грек Вилиос, бывшая так называемая особа, приближенная к элите, в другой колонии принципиально отказывавшийся от всякой работы, именно в инозоне сел за швейную машинку.

1885
186

А почему начальнику инозоны труднее? Как раз об этом мы беседовали с Белым, когда в кабинет вошел один из его заместителей капитан внутренней службы В. Лачок, сообщил: несколько арабов настаивают на освобождении их от работы в связи с днем рождения пророка Мухаммеда. А через минуту с письменными заявлениями от нежелающих работать появился один из осужденных.

— Почему вы просите освободить вас от работы, а другие мусульмане — нет? — спрашивает у него Белый.

— Есть мусульмане чистые и есть не чистые, — был ответ. — Я, допустим, мусульманин, не ем свиного мяса. Почему они едят? Мы завтра две нормы дадим, гражданин начальник. Сегодня нам надо помыться в бане и помолиться.

— В воскресенье отработаете за сегодня?

— Конечно, гражданин начальник!

Чтобы не раздражать, не озлоблять осужденных, Белый порой идет на подобные компромиссы. На свой страх и риск. Ведь некоторые «уступки» никакими документами не предусмотрены.

Владимир Петрович убежден, что специально для инозоны нужен правовой документ, который бы учитывал всю здешнюю специфику. Иначе приходится действовать чисто интуитивно, ощупью.

Сколько литературы он «перевернул», изучая традиции, особенности народов мира, штудирова разговорники на английском, испанском... И не любопытства ради.

— Представляете, — сокрушается Белый, — сейчас в колонии находятся люди сорока национальностей из более чем двадцати стран. А переводчика нет. Каково!

Заметим, что сложности по этому поводу испытывает не только администрация. Вот что рассказал осужденный — гражданин Марокко Тантан Абделхамид (недавно он освободился и уехал на родину): «Человек хочет написать заявление или поговорить с администрацией. По-русски ни слова не понимает. Его из Шереметьево — в суд и сразу сюда. Откуда он будет язык знать? А тут есть ловкие зеки, которые

язык знают, говорят: «Я за тебя заявление напишу, а ты мне за это пять рублей «процентовки».

Тот же Тантан подтвердил и другую проблему администрации, всей колонии: «О каком перевоспитании можно говорить, когда мы вместе с убийцами работаем, едим?..»

А дело в том, что инозона — единственная в стране колония, где вместе содержатся осужденные всех видов режима — общего, строгого, усиленного, особого. Вор-карманник рядом с душегубом. Впервые оступившийся — с прожженным рецидивистом.

— Такое положение не от хорошей жизни, — говорит начальник колонии. — Чтобы максимально отделить осужденных разных режимов, создали отряды и секции, где они обособленно живут, спят. Но столовая, рабочий цех — общие. Каждому отряду отдельную колонию не построишь — слишком они малочисленны. Хотя, безусловно, надо что-то делать. Почему бы, например, не собрать осужденных — лиц без гражданства — из всех колоний, дополнить их по видам режимов и содержать совершенно раздельно? Наверное, есть и другие способы решить эту проблему.

К сожалению, начальник колонии и его помощники почти не вправе участвовать в применении самого действенного вида поощрения — помилования (большинство осужденных почему-то называют это «помиловкой»). Решение о помиловании приходит сверху, из Москвы, и мнение администрации при этом почти не учитывается.

Гражданин Нигерии Белу Бабалола, приговоренный за контрабанду наркотиков к пяти годам лишения свободы, покинул колонию уже через одиннадцать месяцев. Австриец Фишер, также контрабандист, отбывал наказание всего около месяца. А англичанину Олескеру «помиловка» нагрянула за день до визита в СССР Маргарет Тэтчер.

Что ж, тут надо учитывать и политические, так сказать, и государственные аспекты. Да вот только как объяснить тем осужденным, которые честно трудятся, почему им отказано в помиловании, а приговоренные по тем же статьям к тем же срокам нарушители режима так скоро покидают зону? Значит, главное — не добросовестный труд?

И некоторые осужденные обращаются к начальнику колонии приблизительно так: «Вы говорите, что уважаете законы, но почему же тогда?..» Непросто отвечать Белому на все эти «почему». Но от вопросов не уходит, от трудностей не бежит...

НЕ ТОЛЬКО ОХРАНА

Посмотришь — и перемыр, как все (правда, несколько поменьше, чем в обычных колониях), и КПЦ, где часовой привычно-внимательно всматривается сначала в фото на вашем удостоверении, затем в ваше лицо и снова в фотографию, и сигналы ИТСО «вскрикивают» над округой так знакомо, и лица солдат, прапорщиков, офицеров обыкновенные...

Делюсь своими наблюдениями с командиром роты по охране инозоны старшим лейтенантом И. Устиновым.

— Внешнего отличия не ищите, — говорит офицер. — Не найдете. Но специфика в самой службе есть. Я пришел в это подразделение сравнительно недавно и считаю, что до конца еще не постиг ее. К примеру, работа со спецконтингентом предполагает особенность подбора в роту личного состава. Стараемся привлекать парней образованных, дисциплинированных, честных. Ответственность ведь немалая.

Многие осужденные владеют языками, прекрасно знают международное право. Малейшее отклонение от буквы закона кем-либо из военнослужащих — и тут же последует жалоба.

Бывший командир роты по охране инозоны — ныне подполковник — И. Котляр развил мысль Устинова.

— Раньше такого подбора людей для охраны инозоны не было. Но приехал как-то к осужденному австрийцу — председателю одной из фирм — родственник, открыл чемодан, а в нем масса дефицитных заморских вещиц — фирменных зажигалок, часов и прочего. Говорит солдатам на ломаном русском: «Пожалуйста, берите...» И кое-кто не удержался. Случалось, осужденные подсовывали контролерам порножурналы, сувениры. Теперь, прежде чем взять человека в подразделение, хорошенько его изучаем.

— Поэтому, — снова вступает в разговор старший лейтенант Устинов, — и на

политзанятиях, и перед каждым заступлением на службу не устаем повторять солдатам: «У вас особый пост. В колонии содержатся осужденные — люди со всех концов земли...»

Подполковник Котляр рассказал и о том, что десятки офицеров были наказаны после побегов граждан КНДР. Чтобы не возвращаться к себе на родину, корейцы идут на любые хитрости, порой уникальные, лишь бы получить «раскрутку». Неоднократно судимый Зи Чон Ир четырежды бежал из инозоны. Однажды смастерил «куклу», подложил ее вместо себя и ушел прямо из штрафного изолятора. Последний побег — через подкоп.

Теперь воины успешно предотвращают побег. Усиление бдительности Котляр объясняет по-житейски просто: «Кончатся сроки у корейцев — жди, опять чего-нибудь отмочат».

На то, что в колонии нет переводчиков, прапорщики, наверное, могли бы списывать возможные ошибки в своей работе. Но контролеры, как и представители администрации, достают разговорники, изучают иностранные языки — кто как может. Ведь обстановку в среде осужденных они должны знать досконально и влиять на нее постоянно.

— Уезжают бывшие осужденные в свои страны, — говорит Котляр, — некоторые делают заявления в прессе, на телевидении. Иногда грязью поливают нашу страну. Обидно такое слышать. Но мы понимаем, — заключает после некоторой паузы офицер, — что то, какими они уходят на свободу, как будут судить о солдатах, офицерах и прапорщиках, о нашей стране, — зависит от нас. Мы не только охрана. Мы здесь, по большому счету, полпреды внутренних войск, страны. Мы вместе с администрацией — и воспитатели...

* * *

Осужденные живут надеждой. Даже Шимун, у которого ни кола ни двора, лишь дальняя родственница в Казани. Он все смеялся, но на прощание вдруг посерьезнел весь:

— Я такую жизнь прожил, на два тома хватит. Давайте вместе накагаем. Целых два тома, честное слово!

Майор С. ШЕВЦОВ.

Айболиту нужна помощь

Газета «Правда» как-то сообщила, что в позапрошлом году в колхозах и совхозах страны пало 2.801 тысяча голов крупного рогатого скота, 7.485 тысяч свиней, 9.975 тысяч овец и коз. Цифры печальные. Население испытывает трудности в продуктах питания, а тут такие потери.

В войсках по Средней Азии и Казахстану падеж скота составил менее одного процента. Это, если брать в общем, то совсем немного, меньше, чем в среднем по стране. Только, честно говоря, удовлетворения от данного показателя не испытываешь. Ведь за цифрой, какой бы она ни была, можно разглядеть потенциально заметную прибавку к солдатскому столу. Для того, собственно, домашние животные и содержатся. Но прибавки-то и не получилось. Почему? Пробуем разобраться.

Сразу скажу: причин несколько. Главные, на мой взгляд, это скудность кормовой базы, далее — недостаточная зоотехническая и племенная работа и, наконец, падение престижа труда ветеринаров.

Смотрите, что получается: нас ориентируют на то, чтобы весь откорм скота осуществлять за счет пищевых отходов с солдатского стола. Но самих отходов становится все меньше, потому что мы стремимся повкуснее людей кормить: кто лакомый кусочек выбросит? Никто. Чтобы вообще отходов не было, такого, конечно, не будет, только надо учитывать, где их больше окажется: в отдельных конвойных ротах, на заставах или при штабах частей, где довольствуется значительное число людей. К тому же в отдельных подразделениях пищу развозят по многочисленным караулам, там же оседают и от-

ходы, собирают их мизер. Вот и вынуждены роты по охране ИТУ добавлять в собранное траву, измельченные ветки деревьев, сено, варить такую массу, лишь бы ее было побольше. Другого не дано: окружное управление материально-технического и военного снабжения выделяет смехотворно малые фонды на комбикорма. Но даже если ты получил фонды, попробуй-ка занять то, что требуется животным. Замучаешься бегать и умолять инстанции.

Недавно пришло разрешение на использование личного состава для заготовки кормов, можно бы порадоваться, мол, кончилась «партизанщина». Как бы не так. Предприятия, в том числе и совхозы, перешли на хозрасчет, им лишние руки теперь не нужны. А мы все еще живем старыми представлениями, когда, стоило выделить на работы военнослужащих, как а порядке компенсации за труд получали комбикорма. Выход тут один — создание собственной кормовой базы. Мы должны получить в пользование землю, технику для ее обработки, семена, удобрения. Ну, а самое главное — нужно иметь для работ в подсобном хозяйстве людей. Землю исполкомы местных Советов могут выделить, технику купить тоже не проблема, хотя цены на нее бешеные, семена приобретаем. Возникает вопрос — кто на средства производства будет работать? На сегодня создалась обстановка, когда и одного человека для ухода за животными иметь затруднительно. Во-первых, специалистов из села днем с огнем не найти. Рады любому деревенскому пареньку, который не то чтобы специалистом был, просто печь

умеет растопить, нос не зажимает, входя в свинарник. Во-вторых, попробуй теперь снять этого солдага с боевого поста. Штаб зорко следит за штатной расстановкой. Всех — в караулы. Орган этот по своему прав, он выполняет то, что ему предписано. И бывает весьма строг и непреклонен, если на боевой службе солдату вдруг не дадут «ночного ужина», сальца, чайку с маслицем — да мало ли что тыловики там придумают. Важно, чтоб еда была, а как достается, извините, это забота других.

Позиция, прямо скажем, для нас непонятная. Сокращать штаты служб тыла время от времени не забывают. Думается, пора прекратить эту порочную практику. Два штатных рабочих подсобного хозяйства крайне необходимы, если мы хотим вести дело толково. Сомневаюсь, чтобы один человек мог пасти коров, ухаживать за свиньями, готовить скоту корм, раздавать его (не раз в сутки), поить, чистить клетки. При этом нельзя не учитывать то, что маленькому теленку следует дать молоко 3—4 раза в день, но перед тем столько же раз подоить корову. Хлопот много, что и говорить. Между тем, к солдатам, которые работают здесь, отношение прохладное. Радио они не слушают, телевизор не смотрят, газеты им не выделяются, помыться надо бы раза два в сутки в душе, но его нет. Свинарники, как правило, на отшибе, вот и «забывают» о солдатах, здесь работающих. Больше того, они как изгой в ротах: кому-то не нравится, что их одежда и обувь не издают тонкого аромата. Скрываясь от насмешек и оскорблений, солдаты спят в подсобках при свинарниках. Ясно, что бездушное отношение не побуждает их к повышению производительности труда.

Падение скота, низкая его продуктивность высвечивают и другую проблему. Имею в виду ветеринарно-зоотехническое обслуживание. На сегодня в войсках сложилась такая практика, когда ветеринар-специалист, с одной стороны, печется о создании племенного ядра, с другой — осуществляет селекционную и зоотехническую работу. Он у нас, таким образом, зоотехник, агроном, селекционер и, конечно, ветеринар. Многовато обязанностей. Академик И. П. Павлов в свое время говорил: медик лечит человека, а ветеринар — человечество. Такая ответственность только на представителе одной профессии. Естественно было бы, если бы о наших ветера-

ботниках заботились так, как они того заслуживают. К сожалению, подобного не происходит. Сегодня ветеринарный фельдшер части находится на положении пасынка. В пору бурного сокращения управленческого аппарата его вывели из прямого подчинения командиру части и определили в штаты хозяйственного взвода. Он теперь подчиняется командиру этого взвода, командиру роты обеспечения и обслуживания. Это не механическая перестановка, не пустяк. За всем этим — падение престижа профессии. Раньше ветфельдшер был для всех представителем управления части, лично командира, ибо только ему и подчинялся. В ротах с ним хочешь не хочешь — считались. Нынче картина иная, хотя приказ Министра внутренних дел СССР, ветеринарный устав и законодательство оставляют за данными специалистами все права и обязанности. Практика же такова: командир роты обеспечения ставит подчиненного ветфельдшера сегодня дежурным по КТП, завтра — по столовой (это опять же в нарушение законов и приказов. Представляете — утром он лечил животных, вечером отправился на кухню — факты вопиющие), послезавтра — дежурным по штабу. Случается, именно в эти сутки животным надо сделать прививки. Специалист тратит время и нервы, объясняя ситуацию, только не все его слушают. Подумаешь, укол какой-то, свинья подождет, у нас — служба главное. Аргумент весомый, перед ним не устоять. Только вот позже приходит расплата за волонтеризм — болеет скот, случается и падеж. Тут уж не до роста продуктивности стада. А нет привесов — тогда берется курс на увеличение поголовья животных. Некоторые командиры даже гордятся, мол, у меня 40 свиней. А толку-то от них, от сорока, если они заморыши беспородные. Год поросенку, а он маленький, худой, смотреть больно. У хорошего же хозяина 20 свиней, но они сытые, ухоженные, породистые. Отдача от них в два раза больше, чем от сорока.

А посмотрите, на каких правах работает в ротах ветфельдшер, если он сам в штатах одной из рот. Бог и приходится каждый раз отдавать приказ по части, чтобы узаконить его нахождение в «чужом» подразделении. Разве это нормально? Почему специалиста такой важной профессии поставили в условия, когда ему, чтобы исполнить свои прямые обязанности, нужно заполучить приказ по части?

187
188

В былые времена ветфельдшер, обнаружив серьезные упущения в подсобных хозяйствах рот, шел докладывать своему непосредственному начальнику, то бишь командиру части. Теперь у него непосредственный начальник — командир взвода, которому нет дела до забот ветеринара. Вот он через голову своих начальников идет к командиру части. Но сейчас командир сам не стремится выслушать специалиста, принять решение, а отправляет его к заместителю по тылу, тот в свою очередь «сплавляет» к начальнику продовольственной службы. На таком вот уровне и решаются нынче вопросы.

Упали не только престиж профессии, но и ответственность, и денежное содержание ветфельдшера. Оказавшись в штатах роты, он стал разрядом ниже — отсюда все беды. Интересный факт: старший инструктор службы собак роты, который, в общем-то, должен подчиняться ветфельдшеру, имеет выше разряд и большую плату за труд. Только сопоставим ли объем работы того и другого? Сколько рот, столько служебных собак в них обслуживает ветфельдшер, а материально, оказывается, ничего это не стоит.

В части начальник службы собак — офицер, а тот же ветфельдшер — прапорщик (даже не старший), хотя последний врачует и собак, и крупный рогатый скот, и птиц, и свиней, и кроликов. В роте ему надо бы иной раз пожуричь старшину, а тот, как и старший инструктор службы собак, выше его по званию. Ненормальное это явление.

Побывал как-то в части, где ветфельдшером прапорщик Наталья Алексеевна Рева. Специалист опытный, болеющий душой за свой участок работы. Проблемы, о которых говорилось выше, не обошли и ее. И хотя всякое было за годы службы, Наталья Алексеевна усомнилась только теперь: нужен ли ее труд части? В добротном новом городке не нашлось места под ветпункт, где были бы элементарные условия для работы. Ладно, если бы от этого она одна герпела неприятности, а то ведь вся служба оценивается на порядок ниже, когда идут итоговые занятия. Обижает ее беспардонность старших, заявляющих: «Потерпят твои свиньи, давай на стрельбище собирайся». И если бы только у нее такое происходило, тогда поправить не трудно было бы. Но ведь поветрие идет по войскам. Оно мешает развернувшейся

селекционной и племенной работе, которую ведут ветфельдшеры. Каждый из них прекрасно понимает, что дело это важное, направлено на интенсивное развитие подсобного хозяйства. Будет здоровый, породистый молодой, будет и увеличение выхода продукции. Одно вытекает из другого. В частях в этой связи стали в одном месте осуществлять воспроизводство животных. Сюда подбирают племенной скот, здесь более внимательный и постоянный присмотр ветработника, сюда стянуты корма. Чего лукавить — при штабах, где обычно большее число военнослужащих, больше специалистов, больше и возможностей, чем в глубинке, и работать проще. Оно и понятно: легче следить за десятком свиней в одном помещении, чем за тем же количеством животных в пяти подразделениях, удаленных друг от друга на сотни километров. А вот когда пороссятам исполняется 4 месяца, их отправляют в ротное подсобное на откорм. Тем самым и подразделения избавлены от лишних забот о воспроизводстве, и корма экономятся. И другое: животных оказывается числом меньше, срок откорма тоже — а выход конечной продукции весомее и дешевле.

В заключение о планировании. Оно по-прежнему ведется от достигнутого. Идет повсеместное сокращение личного состава, а планы сдачи животноводческой продукции все разбухают. Где логика? Почему не учитываются природные условия регионов? Где нам пасти коров — в песках? Они ведь не верблюды — колючкой питаться. Переориентацию сделать можно, конечно, но тогда как быть с приказом, требующим иметь все: коров, свиней, кур и т. д. во всех частях без исключения? Тогда же, наконец, будем трудиться в нормальных условиях, когда перестанем слышать «руководящие указания» типа «давай-давай», «выкручивайтесь сами»?

В детских книжках ветврача именуют Айболитом. Так вот, Айболит сегодня просит помощи.

Подполковник Л. КОРОТКОВ,
начальник ветеринарной службы.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

От редакции. Сомнений в том, что вопросы, поднятые автором, злободневны, — нет. А вот в том, что после опубликования статьи она будет решена, — есть, и серьезные. Интересно, а что по этому поводу думают специалисты управления войсковой ветеринарии?

Майор И. КОЗЛОВ



Пес, жалкий и слюнявый, сопровождал Захарова до тропы, ведущей через пустырь к зеленым воротам с красными звездами. Тут Захаров ему и высказал:

— Что, морда твоя собачья, сгорел песьи дух? Кранты подходят? А ведь подышать так надо, чтоб хоть коты хвосты поджали, понял?

Комбат встретил с докладом прапорщик Климчук, и уже по его глазам Захаров понял, что тот собирается сказать сейчас очередную гадость. Время — ноябрь, скорее всего, «старички» на прощание чудят.

— Что, Климчук, опять драка?

— Да, товарищ майор.

— Вторая рота?

— Так точно.

— Суенцов, сукин сын? Все, допрыгался он у меня. Посажу его, честное слово, посажу.

— Он как раз и допрыгался, товарищ майор. На новичка полез, на Алехина, который к нам недавно переведен.

— Ну-ну, знаю, худой такой, белобрысый.

— Этот худой Суенцова под орех отделал, ага.

Комбат недоверчиво поглядел на Климчука:

— У Алехина ж физиономия меньше, чем кулак у этого... Ладно, разберусь, пусть сейчас же в канцелярию заходят. А ты вот что, дай бойцам команду, чтоб взяли чего-нибудь на кухне, псу отнесли, — махнул рукой в сторону, откуда только что пришел. — А то подохнет прямо на нашей тропе...

Суенцов похож на хомяка, маленькие темные глазки на сером широком лице, чуть обвисшие щеки. Ушки маленькие тоже, словно чужие на такой голове, левое сегодня будто киловаттной лампочкой подсвечено. Больше вроде никаких следов не видно, приврал Климчук насчет ореха.

— Давай, Суенцов, выкладывай, что у тебя опять.

Суенцов не отрываясь разглядывал свои сапоги, а Захаров почти с облегчением подумал: «И хорошо, что молчит, все равно ведь двух слов не свяжет. Господи, и призывают же таких!..» Он перевел взгляд на Алехина, и Алехин ему понравился. С виду вроде хиленький, а грудь вперед, подбородочек вздернут.

— Вы тоже молчать будете, Алехин?

— Спрашивайте, товарищ майор.

Приятный голос, честное слово, приятный.

— Из-за чего драка вышла?

— Из-за сахара, товарищ майор. Этот гад сахар у других отбирать за ужином начал...

— Щенок ты, Алеха, — без злобы, но жестко бросает Морозов. — Опять спрашиваю: какого же ты хрена к нам напросился? Чтоб разряд спортивный получить, что ли? Так не для этого мы здесь. Я из тебя дурь выбью, ты у меня пальцем кого угодно до печенки протыкать научишься. Встать!

Алехин лениво стал приподниматься на ноги и тут же был за свою леность наказан: сержант сбил его на землю. Теперь голос Морозова звучит властно, переходит почти в крик:

— Встать! В стойку!

Не уследить за руками сержанта, не защититься от них. И лупит он больно, не жалея... И земля какая-то жесткая...

— Встать! Ну, что делать надо?

— Йа-а-а-а...

— Здесь тебе не церковный хор, ори, чтоб все ушло из тебя, иначе сейчас треск от твоих ребер пойдет. Думаешь, шучу? Получай! А теперь встать! Живее!

— Йа-а-а-а!

— Дошло, салага...

* * *

Командир взвода старший лейтенант Чередник лежит на кровати одетый и недоверчиво косится на часы. Неужто сегодня дадут поспать? За трое суток кемарили от силы часов шесть. Взрыв-пакеты рвались так, что, казалось, от испуга вздрагивал брезент палаток. Ревели сирены, вспыхивали пожары, били автоматы.

Поначалу все воспринималось как игра. Солдаты зачастую сталкивались лбами в проходах, весело ругались, бодренько рассыпались занимать круговую оборону. Потом они перестали ругаться. Игривость пропала, и ни у кого не было уже желания сажать шишки на лбу. Выучились не мешать друг другу, просыпаться за секунду, чтобы порой прямо у входа в палатку вступить врукопашную с «противником», все время новым, свежим, и больно вспоминать об этих стычках тем, кто встречал их в полудреме.

Вчера среди ночи брали «десант». Десять кмз туда, десять обратно. По лесу, где коряги и болота. Ой, Чередник, грешным делом думал, что все содохнут, что кто-то обязательно сотрет ногу или напорется на сук. Была такая болянь. Но все закончилось нормально. Не напрасно, значит, по сто раз кряду учились портянки мотать, избегать ненужного риска. Не содохли. Вернулись в палатки, попадали на кровати, а через четверть часа — опять взрывы и автоматная музыка...

Это уже была не игра, это была уже работа, черная, потная, изматывающая. От солдат, да и от него самого, требовалось одно: механика движения, бездумная, но четкая, такая, которая движет затвор в твоём автомате.

Чередник приоткрывает один глаз, вновь косясь на часы: нет сил повернуть голову. С ума сойти: почти час их никто не тревожит. А организм уже привык к иному ритму, уже сложно заснуть. Только прикроешь веки — начинаешь провали-

ваться черт знает куда, лежишь, лежишь и боишься расслабиться, потому что надо обязательно сгруппироваться, чтобы полет закончился нормально. Потому время от времени вздрагивает Чередник, как вздрагивают все солдаты его взвода. Летят, невесомые, летят, но ждут удара о землю и готовы к нему.

Алехин спит стоя. Стоя — потому что дневальный, спит — потому что не может не спать, вымотался. Еще четверть часа назад его должен был сменить Колыванов, — вон на той койке он, Колыванов, отличившийся при захвате «десанта». Как дьявол дрался. Жалко будить Колыванова. И дежурного по роте тоже тревожить не хочется. Сержант Стадничук кемарит на стуле, положив щеку на погон. Алехин время от времени разлепляет глаза, видит и Колыванова, и Стадничука, потом глаза против его воли опять закрываются. Но слух не отказывает, слух бодрствует. Совсем отключаться никак нельзя. В соседней роте застучали спящего дневального и на следующий же день отправили в другую часть. Солдат почти плакал, просил оставить — отправили...

Треснула ветка. Идет кто-то к палатке, остановился у полога.

Алехин тревожно кашляет, и сержант Стадничук тотчас вскакивает на ноги, обалдело смотрит на дневального, потом, уже более осмысленно, в сторону выхода. Полог палатки медленно отходит, и на фоне уже воюю посветлевшего неба появляется незнакомый полконец. Он подносит палец к губам, кивает солдату и сержанту — мол, вижу, что службу исправно несете, — окидывает взглядом палатку и исчезает. Слышно, как зашуршала сухая трава, значит, пошел не по тропке, а напрямую, туда, где КПШ.

Стадничук смотрит на часы, потом на Алехина, шепчет сердито:

— Оборзел, Алеха? Чего Колыванова не будишь?

Колыванов, видно, услышал свою фамилию, встрепенулся на кровати, на секунду затах — лупает глазами, в себя приходит, — вскочил на ноги и бесшумно зашагал на пост дневального. А Алехин, уже отключаясь, бредет к себе, только прислоняется щекой к подушке, и проваливается черт знает куда, и летит, и летит, и боится расслабиться...

* * *

Понаехали генералы, свои офицеры забегали через плац, к отбою прибыли взводные, ночевали в казармах. Нечаянно уроненное и тут же схваченное на слух слово за короткое время облетело всех и витало над облаками табачных дымок: «Кавказ, Кавказ». От облака к облаку ходил, «стреляя» сигареты, Колыванов и у всех спрашивал одно и то же:

— Мушмула — это там, а?

— Завтра узнаешь, я думаю, — получил он очередной ответ от Афонина, имя которого было Илья, а кличка — Муромец. «Какова длина ста килограммов

мышц? Два метра!» Это о нем. — Завтра тебе чернокозая красавица преподнесет на блюде и лимоны, и мандарины, и твою муму... мум... Как ты ее называешь?

— Море увижу, горы... Господи, как хорошо! Догадались бы только повозить нас немножко...

— Я б первым делом спросил, где они жбаны с вином закапывают.

— А мне б на ихней свадьбе побывать!..

— Пусти козла в огород...

Алехин не курил, но стоял тут же, с ребятами своего отделения. Он был заметно ниже и щуплей всех остальных, в силе им уже немного уступал, в выносливости был равен, а в ловкости многим фору давал. На занятиях шел на два ножа и заваливал таких, как Афонин.

Сержант Морозов и тот доволен Алехиным, хотя часто выговаривает:

— Жесткости в тебе маловато, салага. Ты когда бьешь, не смотри, что перед тобой Морозов, или там Кольванов, или Афонин. Нас-то чего жалеть? Мы защитимся, знаешь же. Но несладко тебе, салага, придется, если...

Тут Морозов делал паузу. И как ни многозначителен был его взгляд, но в нем все же читалась некоторая растерянность. Никто в части не был докой по этому «если». Учились принимать удары и бить, штурмовать вертикальные стенки, срывать двери с петель, не терять ориентировку в лесу, оказывать медпомощь. «Если» — что? Разъяснения в устах офицеров звучали абстрактно и холодно.

— Алеха, мушмула — это там, а?

* * *

Кольванова взвод потерял в первую же кавказскую ночь. Кольванов стоял вторым слева от Алехина, и тот видел, как булыжник врезался и раскрошил щит друга. Кольванов нагнулся — осколок щита хотел поднять, что ли? — вскрикнул и опрокинулся на спину. Строй сомкнулся, Колька остался лежать позади строя, и Алехин — голову нельзя было повернуть — только слышал, как кто-то подбежал к Кольванову и зачастил:

— Щас, щас, щас... Не мацай рукой, и так весь в крови, потерпи. Эй, кто там, светите лучше. Щас, щас...

Это, кажется, называется избирательностью слуха: когда в грохоте и гаме ты выделяешь лишь один голос. А грохот и гам просто дикий: крики толпы, лаянье мегафонов, треск лопающихся щитов. Вот они, прямо перед тобой — рты, раздираемые криками, не услышать и не разобрать о чем, лишь отдельные слова воспринимаются четко, как вывески на магазинах: «Гады! Уходите!»...

«Кому это они?.. — думает Алехин, вздрагивая от сильного удара по щиту. — Ведь сзади же никого нет, сзади только огромный дом с колоннами, где светится сейчас всего несколько окон. Кому? Пожилая женщина с растрепанными волосами, поднятый кулак над головой, широкий бородач со съезавшим в сто-

рону галстуком, старик с орденскими планками на пиджаке — кому грозят, чего требуют, кого проклинают?

— Щас, щас, не пыжься, я тебя сам подниму... Николаев, посмотри, вон еще солдат упал...

Алехин выбирает цель для глаз: надо «зацепиться», чтоб сосредоточиться, не дергаться. Толпа. Впереди те, кто потрясает руками. Швыряющие камни — за их спинами, не стоят на месте, бегают, крутятся. Третий эшелон — видно, просто зеваки, стоят в отдалении темными кучками. Одна такая кучка — слева, недалеко от костра, горящего ровно, как свечка. Мужчина лет сорока пяти — огонь хорошо освещает его — кожанка, темный свитер, жирные усы. Он держит в руке тлеющую сигарету и что-то объясняет соседу, худому долговязому парню. Парень кивает головой, потом быстро идет в гущу толпы, исчезает там... За спиной уса того — еще трое, все курят и молча смотрят на солдат. Алехин встречается глазами с тем, кто в кожанке. Тот вроде бы улынулся ему.

Камень. Алехин чуть приподнял щит, пригнул голову. Похвалил себя: есть реакция. Плохо только, что щит надколослся, еще один такой удар — и он не выдержит.



Тот костерчик горит по-прежнему. Но люди от него отошли, теперь их не разглядеть...

Сколько все это продолжалось, Алехин не может сказать и примерно, он потерял чувство времени. Новая печочка солдат пришла им на смену, а они строем потянулись по темной улице, и из темноты летели в них камни и гнилые липкие фрукты. «Мушмула», — почему-то подумал Алехин.

Спать их уложили в огромном гулком спортзале. Старший лейтенант Чередник сказал пару слов о Кольванове: пробита голова, отправили самолетом в Москву, в госпиталь. «У других есть раны и посерьезней, так что, на будущее, не ловите ворон. А сейчас всем отключиться и дрыхнуть, чтоб проснулись как новенькие. Кто знает, что завтра ждет... Морозов, почему у тебя бронежилет в крови?»

— Ерунда, товарищ старший лейтенант, — ответил сержант. — Мочку уха зацепило. Ну, я отключаюсь. Йа-а-а!

И командир отделения, как показалось Алехину, тут же заснул. А сам Алехин еще долго ворочался на матрасе. Не научился он выдыхать из себя все. «Они кричали на нас, они нас обзывали. Почему?»

Гадкий запах гнилых фруктов стоял в спортзале.

* * *

«...Обстановка в этом районе входит в нормальное русло...»

Чередник выругался и выключил приемник. Словно бы в ответ на это с темных гор ударил автомат, шальная пуля пролетела высоко над головой.

Алехин уже привык к пулям, сидят дробины и в его бронежилете. Это случилось, когда проводили караван машин по дороге. На узкой каменистой однополойке кто-то выложил в ряд огромные округлые валуны. Алехин выскочил, чтобы столкнуть их в ущелье, и тут дуплетом каплянула двухстволка. Издали, дробь уже на излете его нашла. Ребята побежали по склону, но отыскивали только одну, еще теплую гильзу.

Тот день Алехин хорошо запомнил, но совсем не из-за выстрела. Когда они к вечеру вернулись в город, то увидели комбата с кислющим лицом. Возле него стоял полный, в белом костюме, с лохматой и тоже белой шевелюрой человек и что-то строчил в блокнот. Увидев входящих, он о чем-то спросил комбата, комбат недобро сощурил глаза, ответил тихо, но его собеседник настойчиво затряс рукой с авторучкой. Комбат на этот раз пожал плечами, и Алехин уже расслышал его слова: «Командир взвода старший лейтенант Чередник и... — тут последовала пауза, подполковник заскользил взглядом по лицам идущих солдат. — И рядовой Алехин. Они как раз там были». «Вы не против, если я поговорю с ними без вас, наедине?» Комбат опять пожал плечами и подождал солдата и Чередника:

— Вот, товарищ газетчик хочет вам несколько вопросов задать.

— Товарищ журналист, — поправила комбата красивая белая шевелюра и помахала в воздухе небольшой красной книжечкой, видно, удостоверением. — Спасибо, товарищ подполковник, теперь вы свободны.

Журналист произнес это тоном генерала, и Алехину стало немного обидно за своего комбата.

— У меня к вам несколько вопросов, а первый такой: как вы относитесь к статье Конституции о неприкосновенности жилища? — журналист смотрел на взводного с таким выражением, словно тот должен был ответить, есть ли жизнь на Марсе.

— Нормально, — растерянно ответил Чередник. — Я разделяю и эту, и все другие статьи Конституции.

— Но три дня назад вы ворвались без всякого разрешения в один из домов, мало того, выбили двери, окна...

Окно выбивали не они, Алехин это знает точно. Он стоял внизу, когда вылетела рама в квартире на втором этаже, а вслед за ней спрыгнул на землю парень с ножом в руках. «Уйды, зарэжу!» Только это он и успел прокричать, потом лежал как миленький до приезда милиции.

— Видите ли, в этой квартире готовилось убийство, расправа над невиновным человеком. — Чередник не дипломат, он всегда говорил просто и понятно, но сейчас тщательно подбирал слова, и фразы его были сухими, словно считанными с газетной заметки. — Мы услышали крики о помощи, ну и... Вовремя успели: там сводили счета на национальной почве, в дело уже холодное оружие пошло. Да что я вам рассказываю: вы же обо всем можете узнать в милиции.

— А в милиции, товарищ военный, говорят, что единственные признаки правонарушений в той квартире — это выбитые вами двери, окна, разбитая посуда. Людей вы задержали незаконно, их уже выпустили. Так кому же верить?

— Спросите потерпевшего.

— Он там уже не живет. Не мог же он оставаться в такое время года в разоренной вами квартире.

— Так это он, значит, из-за меня в другую республику мотанул? — зло спросил взводный и заговорил уже по-иному: — Значит, правильнее было бы, если бы из этого подъезда пришлось трупы выносить?

— Ну зачем же так драматизировать ситуацию? — опять эта начальственная усмешка в глазах журналиста. — Вы что же, считаете наш народ убийцами и садистами?

— Убийц и садистов я с народом не путаю. И двери, вы записывайте, записывайте, буду срывать до тех пор, пока... — Чередник сделал паузу и тут же заговорил вроде о другом: — Вот вчера мы в подвале пять трупов обнаружили.

— Убитые кто по национальности, наши или... — прервал Чередника журналист.

— Они все наши, душманов не было.

— Простите, — впервые смутился журналист. — Я хотел сказать...

— Я знаю, что вы хотели сказать, — махнул рукой старший лейтенант. — Так вот, вину я чувствую в том, что не спас их. Не только двери — дом бы снес, чтоб людей сохранить.

— Это красиво сказано, — натянуто улыбнулся белый костюм. — И наверное, точно: уж что-то, а кирпичи вы крошить умеете. Вот, — он заглянул в блокнот, — товарищ Алехин, вы сколько кирпичей сразу перебить можете?

— Он не в форме, — ответил за Алехина взводный. — Он восемнадцать часов кряду караван машин проводил, чтоб люди здесь с голоду не пухли, а его за это обстреляли, свинец в бронежилете сидит. Алеха, покажи гильзу.

— Я надеюсь, вы-то хоть теперь понимаете, кому выгодно лишать город продовольствия, — уже совсем не менторски проговорил журналист. Подрасстратил он спесь.

— Понимаю. Подонкам всех мастей и национальностей. Вы сами, товарищ газетчик, как считаете, среди вашей национальности есть подонки?

— Мы не о том начали говорить, — журналист закрыл блокнот, сунул его в карман. — Вы судите лишь с точки зрения военного, а тут подходить надо политически.

— Политика — это когда людей спасают, а не травят друг на друга. Так что мы тут политики, а не ломатели кирпичей.

* * *

Вот такой разговор был в тот день.

Алексин сидит сейчас рядышком, плечом к плечу, со старшим лейтенантом Чередником и вслушивается в ночные звуки. Молчит настороженная листва, молчат ночные птицы. Далеко-далеко слышны резкие хлопки: это бьют из «пэма» — пистолета Макарова. В той же стороне — тонкий и длинный крик, оборвавшийся внезапно, как струна.

— Сегодня какое? — спрашивает Чередник.

— Двадцать шестое, товарищ старший лейтенант.

— Правильно, — соглашается, видно, и со своими подсчетами взводный. — Сегодня моему Дениске ровно полгода, представляешь? Сидит уже, наверное. Когда уезжали сюда, ему ведь и двух месяцев не было.

Ущербная луна освещает его лицо, тонкобровое, девичье по красоте, но милость портят немного глаза, жесткие, холодные. А может, это от лунного света?

На небольшой высоте пропелестеда стая уток.

— Диверсанты, — сказал вслед им Чередник, и Алексин улыбнулся: вот ведь как, даже сравнения военные.

Он вспомнил рядового Афонина. Илья Муромец сломался на четвертый день, когда во время патрулирования ему попали в спину тухлым яйцом. Яйца и гнилую картошку бросали в солдат пацанята лет по десять. Афонин оглянулся и увидел, как улепетывают и проскальзывают сквозь металлическую решетку забора двое мальчуганов. И тут с дороги, от вишневых «Жигулей», ему крикнули:

— Шьто, аккупант, догнать хочешь? Приехал сюда и детей гонять, да?

И дальше, уже на нерусском, последовало ругательство. Его не надо было переводить, грязь его угадывалась по интонации говорившего. Машина тотчас поехала, а бледный Муромец смотрел ей вслед, все больше сутулился, а потом у него начали дрожать губы. Начиная с первой ночи, когда их сразу из аэропорта бросили на площадь, Муромец ходил

какой-то, потерянный, подавленный, вот — сломался совсем. Алексин видел, как после возвращения из патруля Муромец сидел в кабинете комбата и плакал. Через день он улетел отсюда вместе с очередной группой раненых.

— Полгода — круглая дата, как считаешь, Алекса? — спросил Чередник и, не дожидаясь ответа, пошел к машине, закопшился в вещах. Вернулся быстро, протянул солдату половинку плавленого сырка. — Знаешь, я даже представить не могу, какой он. И как там Лида с ним крутится, тоже не представляю. Угол снимает в частной квартире, печка, уголь, туалет во дворе, колонка за сто метров. А она ведь у меня городская, коромысла никогда не видела...

Еле слышимый гул машины со стороны гор. Сверху катится. Только подфарники горят, наверное, шофер хорошо дорогу знает.

Алексин поправляет на плече автомат и идет к шлагбауму, сооруженному здесь с вечера. Чередник вдоль дороги выдвигается чуть вперед, навстречу машине.

«Волжаночка». Старая, с оленем на капоте. Водитель, увидев Чередника и шлагбаум, наверное, обалдел от неожиданности: мотор заглох. Но дверцу не открывает, не выходит. Быстро крутит головой: что-то говорит соседу и пассажиру, сидящему сзади. Чередник стучится в боковое окно, манит водителя пальцем. Тот наконец выходит.

Чередник спрашивает, а шофер по-военному четко отвечает:

— Мы с братом едем, а это попутчика подобрал, не знаем кто. Оружие? Как можно без него сейчас, есть ружье. Больше никаких вещей, смотри сам. «Дипломат» — пассажира, там ничего нет.

— А вам это откуда известно? — усмехаясь, спрашивает взводный, и в то время, как растерянный водитель ловит ртом воздух, на ходу придумывая, что сказать, Чередник просит пассажира: — Откройте, пожалуйста.



Алехин наконец-то видит его лицо, округлые щеки, умные, спокойные глаза, широкие аккуратные усы. Начальник какой-то. На кого-то похож, то ли артист, то ли писатель. Знакомое лицо.

В дипломате пакет с бельем, полотенце, термос. И все.

— Закрывайте, — кивает головой взводный, но тут же добавляет: — Хотя... откройте термос.

— Здесь кофе, кофе без сахара, — говорит усатый, уже щелкая замками на «дипломате».

— Откройте, — более настойчиво роняет Чередник.

Пассажира секунду смотрит на него, улыбается и наливает черную жидкость в пластмассовый стаканчик:

— Пожалуйста! После коньяка чуть-чуть кофе — это здорово!

Унюхал-таки, поразился Алехин. А Чередник сделал вид, что не расслышал этих слов. Попробовал кофе, возвратил стакан усатому и опять односложно — к водителю:

— Багажник.

— Я его сто лет не открывал, ключа нет.

Алехин быстрым движением вытащил из машины ключ зажигания, он был на брелоке вместе с двумя другими ключами. И водитель, и его брат дернулись так, словно через них ток пропустили, но затихли сразу же, услышав, как клацнул затвор автомата у солдата.

Взводный открыл багажник, осветил там фонариком, удивленно присвистнул:

— Кому же столько денег, боевикам или забастовщикам? Я столько за всю жизнь не видел.

Тот, который сидел на переднем сиденье машины, закрыл лицо руками, а шофер потер лоб, потом заговорщицки зашептал:

— Товарищ офицер, у вас солдат надежный?

— Ну? — неопределенно ответил тот.

— Я бы... Мы бы... Вам намного хватит, на «Мерседес». А деньги «чистые», не бойся.

— У меня надежный солдат, — негромко и спокойно заключил Чередник. — За работаю — он и меня пальцем до печенки проткнет. Прошу это учесть и не рпыпаться.

Днем, засыпая в своей кровати, Алехин вспомнил, где он видел черноусого пассажира. Это было в первую ночь, на площади. Он стоял у костра и смотрел... Просто смотрел... Нормальный вроде мужик, не должен взводного заложить. Насчет коньяка. Взводный и выпил-то всего глоток...

* * *

— А-а-и, а-а-и-и...

Старуха плакала без слез, без причитаний, совсем не по-русски плакала, но от этого совсем не легче было на душе у Алехина. Он поспешил выйти со двора, наполненного людьми, со двора, посреди которого лежал лицом вниз мужчина с развороченным пулей виском.

— Сенок, сенок! — у калитки Алехину положил руки на погоны заросший белой щетиной пожилой уже человек. — Брат это мой, — показал глазами на лежавшего. — Мне тоже стрелял, окна побил. Если б вы не успели... Убейте их, убейте, как собак!

Он заплакал, прижимаясь к плечу солдата, потом немного отстранился, замотал головой:

— Скажи, разве они люди? Режут нас, стреляют нас... Завтра мой сын пойдет туда, — махнул рукой в сторону долины. — Мстить пойдет, если вы их не убьете!

Алехин вышел на грязную каменистую улочку. Именно по ней совсем недавно промчалась машина, из окон которой били автоматы. По домам, по прохожим. Трое убитых, двое раненых.

«Скажи, разве они люди?»

Их взяли довольно легко. Та машина сама выскочила на стоявший у дороги пост. Выстрелы солдаты слышали, так что были в полной боевой... В общем, взяли. Всем четверым — лет по двадцать, не пьяные, не обкуренные. Оружие сдали сразу, без лишних разговоров. Сдин из них все время кричал как безумный: «Они мой дом спалили, они мою мать спалили...» Опять месь, выходит. Вендетта национальная. Страшно подумать: в наше время...

На краю селения росло огромное дерево без коры, с тонкими длинными листьями. Возле него стоял сержант Морозов и «работал» со стволом. Удар левой ногой, правой, левой, с разворота — ребром руки, с разворота — пяткой... Морозов мокрый, будто его из ведра окатили.

— Уйди, Алеха, дай поработать.

— Товарищ сержант, сколько ж это может продолжаться?

Морозов прислоняется плечом к дереву:

— Сколько... Пока есть кому стрелять и в кого стрелять, понял?

Алехин несогласно закачал головой.

— Мы не миссионеры тут, Алеха. Мы их автоматами и бэтэрами не примирим. Пока им вот сюда, — постукал по голове, — не придет вину в себе поискать, ни хрена это не кончится. Их дурачат, понимаешь? Два умных народа травят друг на друга те, кому в хаосе жить лучше. Слава богу, что теперь-то хоть начали понимать наши задачи, не плюют уже в спины. Знают: уйдем — ползется кровушка. Против нас сейчас только те, кому кровь нужна. Сечешь? Все по полкам раскладывается. Так что теперь — держись!

— Не секу, — сказал Алехин.

— Ну и плохо. Мы единственная реальная сила, которая мешает экстремистам и всем тем, кто на беде наживается. Значит, что? Убрать нас отсюда сам народ не даст: мы его кормим, охраняем. А посему, Алеха, у них один выход: опорочить нас и напугать, понял?

— Вы сами до этого дошли, товарищ сержант?

— А что?

— Да больно уж все складно. Только мы еще ни одного такого главаря не захватили...

— Потому что они похитрей, сами руки не марают. И потом, признаваться не спешат, на кой им это? Только скажи, Алеха, кто листовки, ну, к примеру, о нашем Череднике выпускает, а? Думаешь, те, кто сегодня здесь из машины палил?

Алехин видел листовку. На ней фотография Чередника, его фамилия и текст: три тысячи рублей тому, кто уничтожит врага Кавказа. Вот так, ни больше, ни меньше.

— Ладно, Алеха, выдохнем все, что есть, подолбаемся с эвкалиптиком. Й-а-а-а!

В желто-красной луже рядом с крайним домом лежал буйвол с плоскими кривыми рогами. Мертвые его глаза смотрели на Алехина.

* * *

С ума сойти, пять дней ни одного чепе в городе, все тихо и спокойно. Относительно, конечно, спокойно: в том плане, что нет ни трупов, ни выстрелов. Патрулировать сейчас — удовольствие: люди тебе улыбаются. И вообще: бужят меньше, забастовки утихают. Скоро, скоро все войдет в норму.

Алехин и рядовой Худолеев идут десятки раз хоженной улочкой.

— Алех, сигарет надо взять, я ребятам обещал. Заглянем в магазин?

— Иди сам, — говорит Алехин. — Я на углу подожду.

Он тихонько идет и разглядывает прохожих. Господи, улыбаются! Не ему, просто так, но — улыбаются! Знакомое лицо... Точно, усач, тот, который на площади, а потом в машине. Спешит куда-то с компанией.

Усач замечает взгляд солдата, коротко бросает своим: «Во двор». И останавливается перед Алехиным, улыбается:

— Мы с вами часто встречаемся, вам не кажется?

— Есть немного, — тоже улыбается солдат.

Усач берет его под руку, как старого знакомого.

— У меня здесь дел много, и наверняка еще встречаться будем, а потому...

Он ведет его к арке, туда, где вход в проходной двор, и Алехину вроде неудобно остановиться, освободить руку, вдруг обидится человек? И с маршрута уйти нельзя, и Худолеев вот-вот появится...

— На секундочку, на секундочку, — усач прямо-таки тащит его к узкой арке, проходит под ней первым, — вот смотрите, идите сюда...

В проходе между глухих стен шагает. Ладно, решает Алехин, на секундочку можно. Что он там хочет показать?

Какие-то парни идут навстречу, усач проходит сквозь них, идет теперь не оглядываясь...

Щелчок. Знакомый. Так пружина отбрасывает лезвие. Опять щелчок. Ясно. Все ясно. Ну и дурак же ты, Алеха!

Не развернуться: Один уже за спиной и трое спереди. Ближний хорошо стоит. Его бы вырубить, он бы потом, как щит был, но нельзя. Стены каменные, затылком в стену обязательно врежется, годову разможжит как пить дать.

Тот, кто за спиной, прыгает. Хоп! Все, он не страшен, поломался от коронного — пяткой в дык.

Ну уйди, уйди от стены! Если б не стена, как котят бы их разбросал, всех четверых!

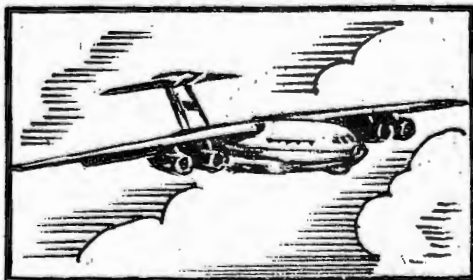
Алехин не видел пятого. Пятый все время ходил за усачом. И сейчас он шел сзади них.

А может, выдохнуть все из себя и размазать их по стенке? Нет, не выдохну, не получится.

Пятый специализировался на ударах ножом. Он знал свое дело и никогда не волновался. А Алехину на сей раз чутье изменило, он поздно почувал опасность. Прогнулся корпусом, но нож все же вошел в спину. Алехин достал-таки пятого ногой, но уже не видел, ни как тот падал, раззявив вмиг посиневший рот, ни как бежал, бежал к нему по узкому проходу Худолеев...

* * *

Все то время, которое он летел на самолете в Москву, в госпиталь, ему грезились, как это ни странно, майор Захаров. Захаров стоял в огромном пустом спортзале на матах, нелепо растопырив руки, ждал, когда Алехин стукнет его, беззащитного, а Алехин все время повторял: «Не могу я так, товарищ майор, не могу, не могу»...



РОДСТВО

НОЧЕВКА В ЛЕСУ

Был день на исходе.
 Заката горящие крылья
 На взмахе последнем
 Лесной осенили простор,
 И тени деревьев
 Корявым сплетеньем накрыли
 Глухую поляну,
 Где мы разложили костер.
 Поодаль, в низине,
 Дремали дремучие ели,
 Журчистою речью
 Ручей нарушал тишину,
 И мы, сочиняя ночевку,
 Совсем проглядели,
 Как вечер повесил
 Над нашей поляной луну.
 Сушняк разгорался.
 Костер поднимался горбато
 И вдруг распрямылся,
 Как будто продолжился в нем
 Сгоревший над лесом
 Языческий танец заката,
 И тайной веков
 Осветился ночной окоем.
 Пылая, тревожно трещали
 Смолистые ветки.
 И мы ощущали,
 Огня созерцая игру,
 Как в нас просыпаются
 Древние, древние предки
 И тянут ладони
 К большому ночному костру.



РОДСТВО

Вот приеду я в село родное,
 Поцелую маму, выйду в сад,
 И промчатся годы предо мною,
 Грустью затуманивая взгляд.
 До утра, забыв про все напасти,
 С тишиной в обнимку простою,
 По кровинке нежности и счастья
 Скармливая сердце соловью.

* * *

На отцовской могиле
 Трава-мурава зелена,
 И молодка-весна,
 Распушив по-над речкой кусты,
 Теплым утром,
 Когда над землею
 Плышет тишина,
 Привела к обелиску
 Свои луговые цветы.
 И меня привела.
 Вот и свиделись, батя.
 Жива
 Боль утраты в той песне,
 Что ты все по праздникам пел...
 Шелестит мурава —
 И как будто я слышу слова,
 Те, которые ты мне
 При жизни сказать не успел.



РАБОТА

Той кузницы нет и в помине.
В ней, видно, отпала нужда.
Но чудится мне — и поныне
Стоит она возле пруда.
Вон искра над крышей взлетела,
И вспыхнул мерцающий звон —
Во славу кузнечного дела,
Во имя плугов и борон.
Мальчишки, мы лезли повсюду:
Смотреть бы, смотреть без конца,
Как жаркое, звонкое чудо
Играет в руках кузнеца.
Чернели от копоти балки,
В бочонке ярилась вода,
Когда окунал для закалки
Кузнец заготовку туда.
И снова — работы немало —
Из горна клещами хватал
Светящийся розово-ало
Разбуженный к жизни металл.
Ловя мелодичные звуки,
Я слушал, почти не дыша,
Как пели рабочие руки,
А им подпевала душа.

ГАРМОНЬ

Гармонь купили брату. Обо мне
Забыли. Мол, куда ему еще!
А я сидел тихонько в стороне
И все смотрел,
как брату на плечо
Накинули ремень, сказали: — Вот,
Играй, Иван, перебирай лады
Да весели по праздникам народ.
Без песен праздник —
ручка без воды.
Давай, давай, на кнопочки дави...
И всхлипнула гармонь
печально тут,
Как та невеста, что не по любви
В село чужое замуж отдают...
Учился брат играть четыре дня,
Но так и не далась ему гармонь.
Забыли про нее... Но для меня
Она еще таила свой огонь.
...С родимым домом
каждый встрече рад —
Здесь сразу
столько света и тепла.
И говорит Иван: — Сыграй-ка, брат,
Как под окном черемуха цвела.



* * *

Несговорчивость судьбы не кляня,
Не считая поворотов лихих,
Я живу, и кто-то верит в меня
И в бессонницу мою, и в стихи.
Если рядом затаится беда,
Если ночь в пути скупа на звезду,
Даже если... Все равно, и тогда
Не сойти с дороги силы найду.
Неизвестно, кем еще прослышу,
Но когда-нибудь сумею понять:
Потому, наверно, я и живу,
Что на свете кто-то верит в меня.

ОДИНОЧЕСТВО

Показалось замужем несладко —
Захлестнула темная тоска.
И однажды вечером украдкой
Вывела неверная рука:
«Здравствуй, это я.

Прости ошибку.

Я была, конечно, неправа.
Вспоминаю и твою улыбку,
И твои хорошие слова.
Знаю, что судьбу переупрямить
Трудно. Но пошла бы за тобой
Хоть куда...»
Тоскующая память
Окликала первую любовь.
Муж сидит весь вечер молчаливо.
Вечные домашние дела...
Улыбнулась горько, сиротливо —
И письмо украдкой порвала.

* * *

«Какие годы наши!
Мы вместе — ты и я...»
И едут лейтенантши
В далекие края.
Все дальше едут, дальше.
От мамы — в первый раз...
Но как им генеральши
Завидуют сейчас.



В

ТИШАИШЕМ провинциальном Тристауне он жил так давно, что сам себе казался иногда аборигеном. Поселился в заброшенном домишке на городской окраине, собственноручно при-

бив вывеску: «Часовых дел мастер. Ремонт, а также сборка часов по вкусу клиента».

Подходящую для себя профессию он долго обдумывал загодя и решил, что часовщик — самое надежное. Ведь едва ли не все поголовно люди пользовались часами — в сущности нехитрым, даже примитивным прибором для измерения времени. Врожденного чувства времени, без которого он себя не мыслил, у них не было.

Проходя мимо распахнутых настежь дверей мастерской, тристаунцы видели, как в глубине ее возится с микроскопом и детальками, склонившись над столом, часовщик. Откуда им было ведать, что занимается старик вовсе не часами, а прибор с микрометрическим винтом и тубусом — вовсе не микроскоп?

Ему предстояло собрать из выращенных деталей два тончайших аппарата, чем он и занимался в течение долгого времени.

Таиться от любопытных не следовало — это только навлекло бы на него подозрения. Потому он, тонкий психолог, и действовал в открытую.

Аппараты, которые он в конце концов собрал, резко отличались друг от друга как по назначению, так и по внешнему виду. Форму, впрочем, он мог придумать им любую — она определилась только его собственной фантазией.

Первый прибор — мыслепередатчик — имел сравнительно небольшой радиус действия, три-четыре километра в земных единицах. Больше, по его расчетам, для первого опыта и не требовалось.

С усилителем — вторым аппаратом — дело обстояло сложнее.

Дело в том, что если передатчик никуда не надо было транспортировать, он

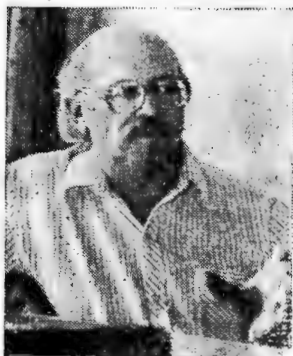


Владимир МИХАНОВСКИЙ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

должен был до конца находиться при нем, то усилитель необходимо было отправить на стационарную орбиту вокруг Земли, на расстояние порядка полумиллиона километров.

Усилитель вышел компактным — размером чуть побольше булавочной головки. Однако с выводом его в ближний космос получилась загвоздка. Вывести его на орбиту с помощью малой ракеты? Вроде бы неплохо, и такая возможность у него имелась. Однако запуск необычной, пусть даже и малогабаритной ракеты наверняка не пройдет незамеченным для местных жителей, а это может вызвать самые нежелательные последствия. Слетать к океану, где расположен ближний космодром, и, отыскав корабль подходящего рейса, пристроить на нем усилитель? Опасно: прибор могут при уборке вымести с мусором, ненароком уничтожить или, того хуже, взять для исследования... Это риск, а риск следовало если не устранить, то хотя бы свести до минимума. Попросить какого-нибудь пассажира взять с собой вещицу? Неизбежно пойдут расспросы, которые ни к чему.



Безусловно, рад, что журнал «На боевом посту» предоставил слово и фантасту.

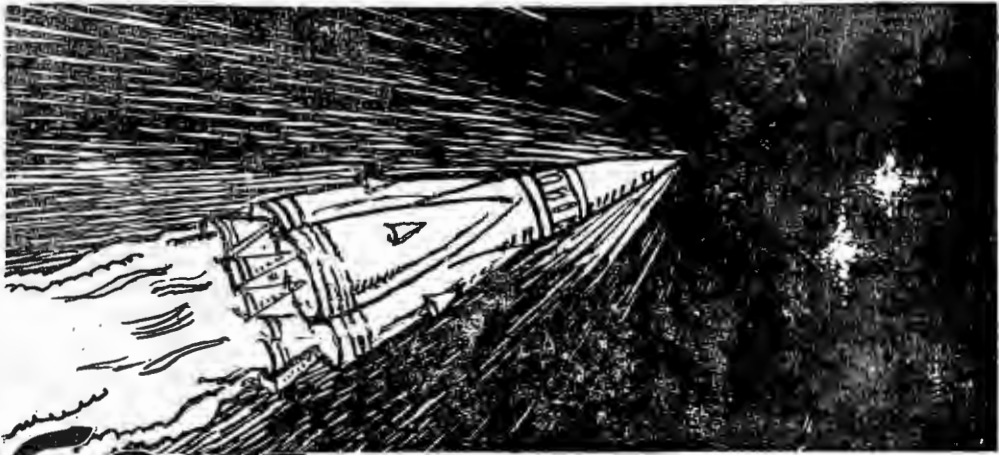
Свою повесть «Большое возвращение» хотел бы предварить несколькими строками предисловия.

О космосе пишут ради Земли, об инопланетянах пишут ради человека, и какие бы

фантастические идеи ни вынашивали писатели, корни их заложены здесь, в нашей родной почве.

И предостерегаем мы вовсе не от агрессивных пришельцев, а от всего плохого, что может развиться в нас самих.

На Земле случилось горе: чужая злая сила



194

БОЛЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Задание, которое он должен был выполнить на этой планете, состояло из двух этапов. Первый этап — проверить эффективность воздействия мыслепередатчика на землян. Второй — если все будет удачно и прибор произведет ожидаемый эффект, радировать об этом на материнскую планету. Для этой цели и понадобится усилитель на стационарной орбите вокруг Земли.

Однажды в лавку вошел широкоплечий молодой человек в новенькой, с иголочкой, форме слушателя Звездной академии.

— Чем могу служить? — привычно обратился к нему старый часовщик.

— Увидел витрину и залюбовался вашими часами, — сказал посетитель.

— Что ж, смотрите, — широким жестом повел часовщик, — может быть, какие-нибудь вам и подойдут.

Молодой человек медленно прошелся вдоль прилавка.

— Очень любопытная работа... — пробормотал он. — Эти... Эти... И вот эти.

— Нравятся какие-нибудь?

— Все! — категорическим тоном про-

изнес курсант, не отрывая взгляда от прилавка.

— Бьюсь об заклад, вы не местный житель, — вдруг произнес часовщик.

— Как вы угадали?

— Немножко наблюдательности. Впрочем, никакой мистики. Выговор у вас не местный, не тристаунский.

— Все верно. Решил вот немного попутешествовать, пока есть такая возможность. Пришел к выводу, что мало знаю свою планету.

— Нравится у нас?

Парень кивнул.

— Надолго в наши края? — продолжал расспрашивать часовщик, больше из вежливости.

— Завтра думаю улететь.

— Далеко?

— На Луну.

На Луну! У часовщика перехватило дыхание. Мысль его напряженно работала. Вот он, похоже, тот самый случай, о котором можно только мечтать!

сделала на какой-то период безумными жителей одного города.

И земляне, испуганные этим, готовы видеть врага в лице вернувшегося из космоса своего соотечественника.

Бацилла страха, как одна-единственная бацилла чумы, на миг затмевает их разум...

Так — в моей повести...

Льется кровь безвинных в Закавказье и в Узбекистане, страх витает над головами матерей... Так с сегодняшней нашей жизни, и солдаты внутренних войск знают это лучше меня.

Где общий корень зла? В нас самих.

И только нам предстоит доверять друг другу, искать и находить разумные решения огромной задачи: как стать человечней, как сохранить взаимопонимание между нациями и народами? Это — задача истинно космического масштаба.

Владимир МИХАНОВСКИЙ.



ЧАСОВЩИК!

**я сделаю для
Вас Иннастр
В форме часов**

— Знаете, молодой человек, вы мне очень нравитесь. Мне хочется подарить вам образчик своего товара. Самый лучший!

— Зачем подарить? Я могу...

— Нет, нет, — перебил старик, замахав руками. — Вы меня не поняли. Я всегда делаю подарки тем, кто улетает с Земли. Мне хочется, чтобы меня не забывали те, кто унесется за десятки парсеков от своей планеты, а меня уже не будет в живых. Я, увы, довольно стар, многое претерпел. Износился, как говорит-ся.

— Современная медицина...

Старик покачал головой.

— Думаю, даже клиника Женевьевы Лангранж не в силах продлить мои дни, — заметил он.

— Вы знакомы с Лангранж?

— Откуда мне знать ее? — удивился старик. — Я человек простой. Только читал о ее клинике, где делают чудеса. И о ней самой — о восходящем светиле медицины и биокибернетики. Но кто на Земле не читал или не слышал о Женевьеве Лангранж? А вы знаете ее?

— Немного.

— Она молода?

— Моего возраста. Вот, поглядите! —

Курсант подез в карман кителя, достал фотографию и протянул ее старику.

— О, красавица, — заметил старик, разглядывая карточку.

Курсанта охватила странная апатия. На сегодня была намечена уйма дел: приобрести маску для студенческого карнавала на Луне, успеть слетать к океану... Но подняться и выйти из лавки не было сил.

— Мне кажется, основной ваш недостаток — чрезмерная застенчивость, — словно издали донесся до курсанта голос часовщика. — И тут я могу вам помочь. Предположим, вас мучает вопрос: пользуетесь ли вы взаимностью у женщины, которая вам нравится. Для этого достаточно знать, каково настроение у нее во время вашего свидания. Если превосходно — значит, есть шанс на взаимность, и наоборот. Вам необходим индикатор настроения, — решительным тоном добавлял часовщик.

— Индикатор... настроения?

— Да, иннастр. Вещь эта редкая, пожалуй, даже исключительная. Но вы, мне кажется, ее заслуживаете...

— Никогда не слышал о таком приборе, — нахмурился курсант.

— Я сделаю для вас иннастр в форме часов, которые вы сможете носить на руке. Это будет удобно — в любой момент циферблат даст ответ на интересующий вас вопрос. А на внутренней крышке часов я хочу выгравировать портрет Женевьевы Лангранж. Поэтому прошу оставить мне до завтра ее фотокарточку. Это будет одна из самых превосходных гравюр на свете, которых не устыдился бы и сам Альбрехт Дюрер...

1.

ХОТЯ внизу, среди густой зелени, было относительно тихо, здесь, на большой высоте, полноправно хозяйничал ветер, и кабину фуникулера, ползущую по стальному канату, сильно раскачивало. Зойка, честно говоря, немного побаивалась, хотя старалась не показывать виду. Она вообще плохо переносила качку.

Потом они шли по бездорожью, оставив в стороне прихотливо вьющуюся, еле заметную тропинку, которая также бежала вверх, в горы. Кустарник становился все гуще, чтобы сделать шаг, его приходилось раздвигать руками. На цветочную поляну вышли нескоро.

Отдохнув, подошли к краю поляны и долго озирали открывшийся сверху вид, широкий и величественный, хотя кое-где облачность с озерцами стылого тумана портила общую картину.

Городок ученых почти скрывался внизу, только там и сям торчали разноцветные купола. Башня космосвязи издали казалась легкой, почти невесомой, она была похожа на хрупкую тростинку, увенчанную пышной чашей.

— Башня напоминает «Анастасию», — заметил Сергей, покосившись тропинку.

— Очень, — согласилась Зойка.

Вдали, еле заметные, тянулись гиперзвуковые аэробусы, похожие на полупрозрачные капли.

Сергей достал из футляра, висевшего на ремешке, специально захваченный из дома бинокль, принял к окулярам, подкручивая настройку.

— Много ли отсюда различишь? — скептически произнесла Зойка.

— Представь себе, даже главный объект вижу.

— Пятачок? Покажи! — воскликнула Зойка и нетерпеливо протянула руку к биноклю. При этом она оступилась, Сергей подхватил ее.

— Сумасшедшая, в пропасть свалишься, — проворчал он, протягивая ей бинокль.

— Где? Не вижу.

— Да не туда смотришь. Левей, еще левей. Вон там, сразу за гидропарком.

— Вот он... — голос Зойки пресекается. — Значит, туда... Ты возвратишься... Через семь лет...

Они говорили немного, больше молчали. Обо всем уже переговорено за долгие месяцы подготовки к Эксперименту, решающая часть которого начинается завтра.

Да, завтра начало того самого опыта, о котором так долго вела все средства массовой информации Солнечной системы. Еще бы, ведь в случае удачи он должен принести человечеству неисчислимы блага, неизмеримо увеличив его власть над пространством, а потом, возможно, — и над гравитацией, и над временем...

И хотя в грандиозном Эксперименте были задействованы и новейшая техника, и многие тысячи ученых и специалистов, непосредственно участвовать в нем должен был один-единственный человек — Сергей Николаевич Торопец, капитан фотонного звездолета «Анастасия».

Именно его, Сергея, отобрала из многих землян придирчивая комиссия: по всем параметрам он подходил больше других.

— Неужто Борода не мог найти для опыта местечка поближе? — нарушила молчание Зойка.

— Я уверен в правоте Алонда Макгрегора. Он профессионал высокой квалификации, и если выбрал место для Эксперимента в районе Проксимы Центавра — значит, так оно и должно быть... — не договорив, Сергей вдруг умолк.

Переведа на него взгляд, Зойка поразились: лицо Сергея было бледным, на лбу выступили крупные капли пота.

— Что с тобой, милый, тебе плохо? — спросила она с тревогой.

— Ничего, все в порядке, — пробормотал Сергей, преодолевая внезапный приступ резкой боли в животе. Очень здоровые люди вообще с трудом переносят боль. Торопец принадлежал к их числу.

«Переволиновался за последние дни, перетрудился, и вот результат», — подумал он, стараясь не менять позу.

— Жарко, — произнес Сергей и, достав платок, вытер лоб.

— А я так совсем замерзла, — заметила простодушно Зойка и забко повела плечами,

Сергей с хрустом сломал ветку валежника и подбросил ее в догорающий костер. Боль ушла и больше не возвращалась. Женщина приблизила руку к разгоревшемуся пламени, затем медленно отвела ее.

— Никак не привыкну к мысли, что огонь может не обжигать, — произнесла она, — что он бывает безболезненным, на манер бенгальского... И что он, к сожалению, неизбежен при нуль-переходе.

— Зоенька, опять за старое? Я ведь брал тебя на полигон, чтобы ты все видела, как говорится, своими глазами... убедилась в безопасности опыта. Зря, выходит, старался?

— В земных условиях одно, в космических — другое.

— Нетушки, Зоя Алексеевна. Расчеты Макгрегора показали, что никакой принципиальной разницы нет.

Она обидчиво поджала губы: не терпела, когда кто-нибудь, а особенно муж, именовал ее по имени-отчеству, предпочитая чуточку фамильярное «Зойка», к которому привыкла со студенческих лет.

На огонь костра прилетела бабочка. Какое-то время она хлопотливо кружилась, затем, видимо, обожгла крыло и тотчас канула в полутьму.

— Как, в сущности, хрупка жизнь. Всякая. И человека, да и человечества... Да, всего человечества, — вслух подумала Зойка.

— Мелкая философия на глубоких местах, — попытался Сергей обратиться к ее словам.

— Мелкая, говоришь? У меня в голове до сих пор тот эпизод, который произошел на Земле, в Тристауне, когда мы с тобой познакомились там, на Луне. Помнишь?

— Еще бы.

— Первые сообщения выглядели не очень опасными. Зато потом, потом... Как снежная лавина!

— Финал мы узнали, когда возвратились на Землю.

— Толком-то мы ничего так и не узнали. Что явилось причиной той ужасной вспышки в Тристауне? И главное, что ее победило?

— Мне тоже эта история не дает покоя, — нахмурился Сергей. — Главное, я был в Тристауне буквально за день до трагедии. Познакомился там с одним милым человеком...

— Да, ты рассказывал, — рассеянно произнесла Зойка.

— Угадай, а что там, вон у самого горизонта, — указал Сергей на светящиеся параллелепипеды разноэтажных зданий и куполов, образующих единый комплекс.

— Студенческий городок?

— Нет.

Зойка взгляделась.

— Клиника Лангранж!

Об учреждении, которым с недавних пор руководила Женевьева Лангранж, в городе, да и не только в нем, рассказывали чудеса. Говорили, что талантливый медик возвращается к жизни после тяжелых травм. С месяц назад прессу облетело сообщение, что она буквально по

частям собрал астронавта, который попал в катастрофу, разбился и вернулся на Землю в спасательной капсуле, в заморозенном состоянии.

Приехав в город с Зойкой, Сергей познакомил ее с Женевьевой, молодые женщины даже подружились.

— А знаешь, после Эксперимента Женевьеве придется переквалифицироваться, — заметил Сергей. — Через семь лет, надеюсь, ее клиника, по крайней мере, отделение для космонавтов, закроется за ненадобностью.

— Думаешь?

— Уверен. Заодно устареют и нынешние космические корабли, их придется сдать в музей. Путешествие в пространстве станет таким же простым и безопасным, как переход в квартире из комнаты в комнату.

— Хорошо бы, — вздохнула она. — Но до этого семь лет. Для меня словно семь столетий.

Сергей посмотрел на светящийся циферблат часов и озабоченно произнес:

— Пора возвращаться. Можем не успеть на последний рейс фуникулера.

— Спустимся своим ходом... Слушай, мне пришла в голову идея, — сказала Зойка. — Когда ты вернешься, давай вместе посетим того твоего знакомого, старого часовщика из Тристауна.

— Давай, — согласился Сергей. — Тем более, что я чувствую определенную вину перед ним: подарок раскокал!

— Если только он жив остался после той передрыги...

— Давай-ка руку, здесь ручей.

Последний рейс они, конечно, упустили, и домой пришлось возвращаться пешком.

2.

С

ТЕХ ПОР миновал год.

Листьев платана, как и других деревьев, лишь слегка коснулась легкая желтизна. Солнце грело совсем по-летнему. Они сели на плетеную скамью с высокой спинкой.

— Настал час, который я так часто видела во сне, — произнесла Зойка.

— Жара несусветная, — пробормотал Сергей и рассеянно набрал на пульте комбинацию цифр. Из недр установки автомат протянул им два стакана сока, в которых плавало по прозрачному кубику льда.

Он сделал глоток, совершенно не чувствуя вкуса, и заметил:

— Спасибо, хоть холодный.

Что можно сказать друг другу в эти последние, прощальные мгновения? Так много и так мало! Хочется излить душу, но скрывает сознание того, что каждое произнесенное сейчас слово неизбежно приобретает особую весомость, и потом, как знать, может быть, именно оно останется в памяти того, к кому обращено, и будет бесчисленное множество раз вспоминаться, когда между ними проляжет немисляемая бездна космического пространства?!

В беседку заглянул Алонд Макгрегор, руководитель Эксперимента.

— Пора, Сергей Николаевич.

— Иду, — поднялся Торопец.

Он нагулся, крепко поцеловал Зойку, потом, выходя из беседки, обернулся и помакал ей рукой:

— Прощу, береги себя и сына.

Ей хотелось ответить что-нибудь, но внезапный спазм сжал горло, и единственное, что она смогла сделать — это судорожно кивнуть в ответ.

Когда она выскочила, то успела только увидеть массивную дверь космопорта, которая беззвучно, словно во сне, задымулась. За нею, там, вдали, виделось устремленное ввысь острие «Анастасии».

3.

Ж

ИТЬ и работать совершенно одному, ведя корабль к далекой цели, — задача не простая. Помощниками, экипажем корабля служили

белковые манипуляторы серии, специально для «Анастасии» созданной учеными Зеленого городка. Старшего из манипуляторов Торопец нарек Орландо.

Первый год полета миновал. Эту скромную дату капитан решил отпраздновать в отсеке, который называл кают-компанией, хотя на борту он был единственным человеком.

В свое время вопрос о том, каким должен быть экипаж «Анастасии», вызвал ожесточенные споры. Имелись и сторонники, и противники того, чтобы экипаж корабля был укомплектован как обычно. Последнее слово было за Алондом Макгрегором, и он сумел убедить остальных членов комиссии по проведению Эксперимента, что лететь с необычным заданием должен один человек — непосредственный участник опыта.

Ход мыслей астрофизика был прост. Обратило на Землю после завершения очередного опыта корабль должен идти без Торопца. Если на борту останутся еще люди, обратное путешествие продлится те же семь лет: более высоких ускорений, связанных с сокращением времени полета, они не выдержат. Зачем же обречь их на этот совершенно бесполезный долгий полет, зачем вычеркивать семь лет из их жизни?

После ежедневной спортивной программы, которая в условиях повышенной гравитации требовала колоссальных усилий, капитан принял душ и приступил к предписанному программой обходу, точнее, объезду на бегущей ленте отсеков корабля.

День, венчающий год полета, прошел как обычно. Торопец проверял установки, контролировал работу основных узлов корабля.

В головной рубке Сергей задержался, долго стоял у обзорного экрана, который показывал корабль из внешней точки наблюдения. Затем капитан решил навести

111
196

на корабле идеальный порядок и вконец загубил белковых, руководимых Орландо, непрерывными командами. Под вечер, прежде чем засесть в кают-компанию за праздничным ужином, заранее заказанным компьютеру, он решил съездить в самый дальний отсек, обсерваторный, расположенный в корме «Анастасии». Устроившись у телескопа, долго глядел в трубу на Проксиму Центавра. За год полета она увеличилась в размерах, хотя и немного.

Только поздно вечером добрался он до командной рубки — сердца корабля. С пульты на него смотрел портрет жены. Зойка...

Они познакомились на студенческом празднике в Лунограде. Было шумно, весело, по огромному залу с ребристым, посеребренным потолком, нестерпимо блестящим, летали конфетти, какие-то разноцветные невесомые ленты, — Сергей никогда не мог разобраться, откуда они берутся.

Он только что прилетел с Земли и потому сначала чувствовал себя довольно скованным в условиях пониженной, по сравнению с земной, гравитации. Сделал резкий шаг — и валетаешь, не рассчитав движения — глядишь, и врежешься в колонну либо стенку... Не очень-то

приятные ощущения! А пуще того Торопец боялся показаться смешным в глазах окружающих.

Масса танцующей и всячески веселящейся молодежи, которая собралась сюда, честно говоря, несколько смущала его.

И еще по одной причине в первое время пребывания на Луне Сергея не покидало томительное чувство, связанное с тревожным сообщением, которым поделился с ним капитан корабля, привезшего его с Земли. Правда, радиogramма не носила официального характера, а приятель капитана, пославший ее, по словам самого капитана, был весельчак и балагур, склонный к розыгрышам. Но напридумывать такое только ради того, чтобы позабавиться над другом? Нет, такое невозможно.

Потому-то Сергей время от времени выходил из зала, поглядывал на бегущую строку видеонОВОСТЕЙ, выписываемую электронным лучом прямо в лунном небе.

Он почти не удивился, когда информация о ходе подготовки к очередным межпланетным Олимпийским играм была прервана для экстренного сообщения. Речь шла в нем о чрезвычайных событиях, которые только что разыгрались на Земле, в регионе Юго-Восточной Азии. Был упомянут и Тристаун, как центр опасных и загадочных событий. Все совпало с телеграммой, полученной на борту...

Толпа, следившая за последними известиями, пришла в волнение. Смолк оркестр, игравший неподалеку, в городском саду. Из последних фраз, однако, стало ясно, что зона опасных событий сама собой оказалась локализованной. Последующие сообщения утверждали, что положение полностью контролировалось.

Все эти несколько часов Торопец простоял на пронзительном лунном ветру.

Только когда бегущая строка сообщила, что в далеком Тристауне и его окрестностях водворилось спокойствие, а детали будут сообщены через несколько дней, он возвратился в зал.

Здесь, похоже, никто не знал о происшедшем. Гремела стереомызыка, кружились пары.

Затем, после факельного шествия в символических скафандрах по местам первых высадок землян, парни и девушки собрались под куполом центрального лунария.

4.

СЕЙЧАС Сергей припомнил свое давнее путешествие с Земли на Луну, где впервые повстречал Зойку. Радиogramма, которую получил капитан корабля, оказалась отнюдь не единственной...

Впрочем, ему захотелось сегодня вспомнить все по порядку.

Как гласит пословица, человек предполагает, а космос располагает. Мог ли Сергей предположить, что заурядный рейс Земля — Луна окажется таким богатым событиями?



**СЕРГЕЙ
ТОРОПЕЦ:**

я уверен в правоте Алонда Макгрегора



Как узнал он о первой тревожной ра-
диограмме, носившей неофициальный ха-
рактер?

Еще сидя в пассажирском кресле, То-
ропец почувал, что на борту происходит
что-то неладное. Он обладал, как и поло-
жено учлету Звездной, обостренной ин-
туицией на различные нештатные ситуа-
ции. Недаром же им читалась в акаде-
мии дисциплина, которая так и называ-
лась — «Нештатные ситуации в космиче-
ском полете». Однако Сергей никак не
мог определить, в чем, собственно, дело.
То ли стюардессы начали двигаться по
проходу чуточку быстрее обычного, то ли
в их негромких голосах, предлагающих
пассажирам карамельки да прохлади-
тельные напитки, прорезались неощути-
мые для других нотки нервозности...

Когда одна из стюардесс пробегала ми-
мо, Торопец обратился к ней:

— Что случилось?

— Ничего не случилось, пассажир, —
ответила стюардесса, на мгновение приос-
тановившись. — Вы же по табло видите —
все в порядке.

Когда бортпроводница скрылась из ви-
да, Сергей легко поднялся и, игнорируя
вспыхнувшую надпись на табло «ходить
по салону категорически воспрещается!»,
направился в капитанский отсек.

Корабль, как и положено на столь не-
большой и давным-давно освоенной трас-
се, вел киберпилот. Капитан сидел ря-
дом. Больше в небольшом помещении ни-
кого не было.

Выл капитан отчего-то хмур, туча туч-
ей, и, похоже, не очень удивился, уви-
дев перед собой звездного курсанта в
блестящей форме.

— Что, коллега? Не сидится? — про-
басил он. — Заходи, заходи. Погляди на
мое корыто. Из ранних серий кораблик,
устарел безнадежно. Правда, говорят, ско-
ро люди научатся сквозь пространство
без всяких кораблей прыгать, так что все
космопланы пойдут на свалку... Но до
этого, думаю, недалеко. А пока... Воюю
с начальством, чтоб эту посудину модер-
низировать. Хотя в работе она все еще
ничего, как сам видишь. Не опасайся, на-
дежный фрегат, — хлопнул он ладонью
по пульту. — Дотащит нас до Луны точ-
но в срок.

Торопцу показалось, что капитан мно-
гословием пытается скрыть свою расте-
рянность. Глаза его суетливо бегали, ча-

ТРИСТАУН:
Зона действия
безумия продолжа-
ет расширяться...

ще всего останавливались с какой-то опа-
ской на стоящем перед ним приемном
аппарате.

— Если что на борту не в порядке —
можете располагать мной, капитан, — не-
ожиданно для себя произнес Торопец. —
Этот класс кораблей я хорошо знаю.

— Ишь ты, какой прыткий, — усмех-
нулся капитан. — За предложение спаси-
бо, только едва ли ты в силах что-ни-
будь... — Не договорив, он резко переме-
нил тему. — Сам-то откуда?

— Землянин.

— Кончаешь курс наук?

— Да.

— И куда дальше?

— Там видно будет, — улыбнулся То-
ропец. — Пока ясности нет, могу только
постучать по дереву.

— Молодчага, — кивнул капитан. — За
сдержанность хвалю. А я люблю Землю,
старый дуралей, хотя редко на ней по-
жить удается, разве что в отпуске... Где
был-то на Земле в последний раз?

— Городишко там такой есть, Триста-
ун. Слышали?

Вместо ответа капитан быстро придви-
нул руку к кобуре лучемета, висевшей
на боку. Торопец сделал вид, что не за-
метил угрожающего жеста, но внутренне
насторожился.

— В чем, собственно, проблема, капи-
тан? — спросил Сергей, продолжая стоять
в дверях маленькой рубки.

Капитан окинул его подозрительным
взглядом и, видимо, успокоенный, про-
бурчал:

— Послушай, курсант, возвращайся-ка
лучше на свое место, не нарушай пра-
вил.

В этот момент заработал аппарат, сто-
явший на столе. Из щели дешифратора по-
ползла лента.

Капитан, продолжая коситься на незванного гостя, жадно просмотрел довольно длинный текст радиogramмы, затем ладонью отер пот с лица и тяжело вздохнул.

— Послушайте, капитан, — сказал Торопец. — Я выпускник Звездной, осталась преддипломная практика. И потому, по положению, находясь на любом космическом корабле, имею право...

— А ты не качай права, парень, — перебил его капитан. — Я знаю законы навигации не хуже тебя.

В отсек заглянула запыхавшаяся бортпроводница, та самая, к которой Сергей обращался. Она глянула на Торопца, и в глазах ее мелькнул плохо скрытый ужас.

Капитан спросил:

— Что на борту?

— Система посадки опломбирована, ее никто не касался.

— Салоны?

— Сейчас все пассажиры на местах, кроме...

— Сам вижу, что кроме... — перебил капитан. — Хорошо, возвращайся. И другим передай: никакой паники.

Стюардесса переминалась с ноги на ногу, явно желая что-то сказать, но не решаясь при пассажире. Наконец, скользя глазами по его новенькой форме, спросила:

— Есть еще радиogramмы?

— Есть.

— И что?

— Неважно, Танюша. Зона безумия вокруг города расширяется.

— Объявить по кораблю? — крутнулась стюардесса на высоких каблучках.

— Ни в коем случае, — остановил ее капитан. — Обе радиogramмы носят неподтвержденный характер. Они, так сказать, приватного свойства... Да ты садись, курсант.

Торопец присел, ожидая, что скажет капитан.

— Случилось, браток, страшное. Настолько страшное, что в какую-то минуту я подумал: эта старая калоша, на которой мы находимся, является, возможно, одним из немногих обиталищ людей — наряду с другими космическими кораблями, находящимися в полете, — которая не поражена безумием.

— Вы о чем?..

Вместо ответа капитан протянул ему первую радиogramму, а когда Торопец внимательно прочел ее, произнес:

— Теперь ты понял, как я насторожился, когда ты сказал, что только что из Тристауна?! А вдруг, подумал, он тоже поражен этим безумием, и оно заразно?.. Тогда всем на борту крышка, из корабля на полпути к Луне не выпрыгнешь. Недурная перспектива, не так ли, превратиться в корабль сумасшедших? — добавил капитан, пока Торопец перечитывал снова и снова радиogramму, пытаясь вникнуть в ее ужасный смысл.

Они обсудили, не розыгрыш ли это, и пришли к выводу: такое маловероятно.

Приоткрыв дверь, в радиорубку заглянула другая бортпроводница. Капитан поднял на нее глаза.

— На борту обстановка нормальная, — доложила она. — Пассажиры ведут себя спокойно.

— Во всех салонах?

— Во всех.

— Спасибо вам, девчата, — с облегчением произнес капитан. — Продолжайте наблюдение. Ежели чего не так — сразу докладывайте мне.

Капитан с опаской покосился на приемное устройство — что еще оно выкинет — и сказал, когда дверь за бортпроводницей закрылась:

— Четверть века вожу эту посудину по одному и тому же курсу. Начал на ней работать, когда тебя небось еще и на свете не было. Так что прости уж, я с тобой на ты.

— Пустяки.

— И четверть века, — продолжал капитан, — дружу с приятелем, который послал радиogramму.

— А где он работает?

— В центральной диспетчерской Южнополярного космопорта, на Земле. У нас в традицию вошло — когда я в полете, разговариваем с ним, обмениваемся информацией. Мне ведь скучно тут сутками болтаться, все отработано, вообще по этому маршруту давно на полную автоматiku переходить пора или доверить функция капитана белковому, выращенному в Зеленом городке...

— Свяжитесь со своим приятелем по прямой, переговорите.

— Пытался, — вздохнул капитан, — не получается. — Можно только предположить, что у них там сейчас творится!

Капитан снял фуражку и пригладил собой, коротко подстриженный ежик.

Торопец попросил вторую радиogramму. Она оказалась еще тревожнее первой. В Тристауне и его окрестностях творится нечто невообразимое. Город поразила вспышка безумия. Люди бегут из города, при этом вступают в смертельные схватки друг с другом, пытаются покончить с собой. Зона действия безумия продолжает расширяться, несмотря на энергичные действия, предпринимаемые руководством планеты.

— Когда ты ходил по Тристауну, замечал какие-нибудь признаки безумия?

— Ничего подобного не было. Тристаун — тихий, зеленый городок.

— Но люди там какие?

— Обычные. Доброжелательные, спокойные, — ответил Торопец, припомнив часового мастера.

— А что ты делал в Тристауне, если не секрет? — поинтересовался капитан.

— Решил посмотреть те края.

— За экзотикой погнался?

— Просто никогда там не был.

— Вовремя ноги унес, браток, — констатировал собеседник Торопца.

(Продолжение следует)

ПРАВО НА ... БЕСПРАВИЕ

- Кому на пользу стимулирование наказанием
- «Неуд» роте за гонор ротного
- Положены ли офицеру честь и достоинство!

Я — командир подразделения обеспечения и обслуживания. Обязанностей — море разлитанное, прав — с гулькин нос. Скажу больше, рискуя быть непонятым: именно эта должность предоставляет незавидную возможность убедиться в справедливости злого армейского присловия — прав тот, у кого больше прав.

Мой подчиненный — командир взвода связи старший лейтенант О. Брильянт — человек с неустойчивыми взглядами на жизнь и довольно зыбкой позицией в ней. То он хочет служить в войсках, то нет — в зависимости от настроения. До сих пор, вероятно, не определился. Может быть, потому и вышла эта некрасивая история...

На одном из участков нарушилась связь. И именно тогда, когда необходимость в ней была особенно острой. Командование требует с меня, я, понятно, приказываю Брильянту связь восстановить и, учитывая сложность момента и нужду в срочной организации работ, разъяряю офицеру, что и как надлежит сделать. Спустя некоторое время, вполне достаточное для выполнения приказа, интересуюсь, все ли в порядке. Оказывается, нет. Почему? «Не получается», — пожимает плечами командир взвода связи. Вот как! Представьте себе подобную картину во фронтовой обстановке, когда успех боя под угрозой срыва ввиду нарушения управления, а ответственный за это невинно смотрит на вас и в бессилии разводит руками.

Усмиряю собственную гордыню и вновь в присутствии дежурного по части капитана В. Докукина по всей форме отдаю приказ Брильянту — обеспечить устойчивую связь максимум за полтора часа и доложить.

Вероятно, я бы и до утра не дождался доклада: командир взвода, плюнув на все, спокойно ушел домой.

Не знаю, как поступили бы вы, а я сообщил о случившемся начальнику штаба части майору А. Черникову. Тем более, что связь нужна была ему. «Пишите рапорт», — ответил старший начальник, — потом мы с него спросим». Зачем плодить бумаги, ведь факт налицо? И почему потом?

Конечно, я вправе был и сам наказать командира взвода — объявить выговор за невыполнение приказа(!). Да кто ж их, выговоров, боится? Во всяком случае человек, который считает возможным проигнорировать приказ, выговора не испугается.

Кстати, о взысканиях. У командира взвода лейтенанта В. Нечаева их на троих хватит (не от меня). Только предупредений о неполном служебном соответствии за последний год — два, а он себе на уме. И беседовал с ним по душам, и уговаривал выбросить дурь из головы — без толку. Как-то вывел он и меня из равновесия — объявил ему выговор за неисполнительность. Но карточку поощрений и взысканий Нечаева мне не дали.

Я доложил о случившемся майору А. Черникову. На что мне старший начальник ответил: у Нечаева уже есть несколько взысканий за неисполнительность и потому наложенное мной — лишнее.

И так-то прав уставных — по пальцам перечесть, так и те, как ни странно, лишние. А уж какое «воспитательное» воздействие подобные факты оказывают на молодых офицеров — описать не берусь: те, кто посознательнее, грустнеют от возможной перспективы для себя, ну а слабо управляемые — и вовсе от рук отбиваются. Правда, предпринял я еще одну попытку воздействовать на Нечаева. Вызвал, побеседовал, посоветовал подтянуться — в конце концов у его однокашников уже скоро третья звезда «прорежется» на погонах. Внушаю ему, дескать, как же вам, товарищ Нечаев, аттестацию писать при таком положении дел. Рассмеялся мне в лицо командир взвода: «Опоздали, — говорит, — представление на воинское звание уже давно ушло наверх».

Я в строевую часть — молчат строевики, словно воды в рот набрали, свято хранят кадровую тайну. Ничего не поделаешь, опять обратился к майору А. Черникову, ведь мимо начальника штаба такая бумага не проскочит. К тому же не кто иной, как он, обмолвился, что Нечаеву не миновать разбора на аттестационной комиссии за его «художества». Как, спрашиваю, атте-

198

стационарная комиссия приняла решение через голову командира роты? А вы что, отвечаете мне вопросом на вопрос начальник штаба, ставите под сомнение качество работы аттестационной комиссии части? А дальше и слушать не стал. Вскоре Нечаеву «старшего» присвоили.

Поговорили... Дал понять: мол, не суй нос не в свое дело. А какое ж оно не мое, если с меня за него спрашивают? Хотя и действительно, не всегда знаешь, за что призвать на ковер в следующий раз. Например, весной прошлого года «отобрали» у меня взвод связи и прикомандировали к подразделению при управлении части. Вместе со всем движимым и недвижимым имуществом. И конечно, ввиду острой служебной необходимости.

Минул период обучения, и вот на проверке этому «оторванному» взводу из-за халатности его командира старшего лейтенанта О. Брильянта ставят «неуд». В то время, как рота наша завершила учебный период успешно и мы с замполитом уже примерялись, где повесить призовой вымпел.

Рано радовались. Нам объяснили, что «неуд» Брильянта на самом деле — наш, ротный, и потому подразделению, как самому отстающему, уготовано последнее место. Естественно, все наши возражения ни к чему (хорошему для нас) не привели. То, что взвод и учился, и сдавал проверку в составе другого подразделения, причина, оказывается, неуважительная. Ладно, насильно мил не будешь, мы с замполитом пережили и это унижение. Только перед солдатами стыдно, они так старались и на текущих занятиях, и на проверке.

В части более полутора десятков автомашин. Пока. Будет еще больше. Но зампотеха нет, и давно (кадров не хватает?). А по-моему, его и не ищут. Взвалили эту ношу на меня, и вези, капитан. И нет никому дела до того, что я не специалист. Зато меня, если что, всегда можно, как гозорится, прижать к ногтю. Да и руководят мною предельно просто. Встала, допустим, на прикол штабная машина. Вызывает майор Черников: «Починить!» Отвечаю, что нет запчастей. Посуrowело и без того неприветливое лицо начальника штаба: «Иначе зайдете ко мне со служебной карточкой». Выходит, одно из двух: или воруй иди, командир, или взыскания не миновать. И так постоянно.

Как-то не вытерпел и напомнил, что не в роли «мальчика для битья» пребываю в части. И посыпались на меня взыскания как из рога изобилия: до трех в месяц доходило, и все — от Черникова. За что? Наказать командира роты особого труда не составляет.

Есть ли в нашем обществе люди бесправнее нас, военнослужащих? Тут и другое — требуем к себе уважения со стороны, а не уважаем себя сами.

В тот день в роте ответственным был

прапорщик. Но на подъеме личного состава его не оказалось. Естественно, это обстоятельство не могло остаться без внимания, хотя все и прошло организованно.

Майор Черников отреагировал на недисциплинированность прапорщика по-своему. На разводе он в присутствии всего личного состава нецензурно оскорбил меня. Его краткая, но выразительная речь закончилась фразой: любой ефрейтор управлял бы ротой куда грамотнее... Я готов был сквозь землю провалиться от стыда. Впрочем, провалиться было легче, чем добиться сатисфакции, заставить начальника штаба публично, как и оскорбил, извиниться.

Вечером разнос повторился. И опять перед строем...

Спустя четверть часа — телефонный звонок: немедленно прибыть на совещание к майору Черникову. И вот тут, признаюсь, самолюбие взвырало и возобладаало над исполнительностью: я объяснил — пока не извинится, разговаривать с ним не стану. На что Черников ответил: сейчас он поднимет караул, меня свяжут и доставят к нему. Позднее, осознав, что явно превысил свои полномочия, объявил мне очередной строгий выговор.

Дальше — больше. Для меня начался «жесткий прессинг по всему полю». Я и глазом не успел моргнуть, как был осужден судом чести младших офицеров. Разумеется, с подачи майора Черникова. Судом скорым и неправедным. Вместо отпущенных на эту процедуру пятнадцати дней управились за 1,5 суток. Обошлись без проверки фактов, служебного расследования, подготовки целого ряда документов, необходимых для принятия объективного решения, и прочих формальностей. Силой приказа внезапно согнали всех в клуб, и уже там собравшиеся, в том числе и я, узнали за чем — на суд чести. Результат — ходатайство о снижении меня в должности.

Очень уж напоминало это недоброй памяти Особое совещание времен кровавых сталинских репрессий, когда приговор предрешен и ничто не в силах повлиять на него.

На службе я не новичок. До приезда в часть начальника штаба майора Черникова роты, которой я команду (еще?), значилась в передовых, а я был в чести. И вдруг в мгновение ока стал «никчемным, неумным и безмозглым» (это еще не самые грубые определения Черникова в мой адрес). Короче, не видя иного выхода, я обратился в военную прокуратуру с просьбой принять дело к производству.

А может, подскажите, как я, офицер, состоящий на службе не у старшего начальника, а у государства, должен бороться за честь и достоинство, как я могу реально отстаивать свои права? Да и какие они, мои права?

Капитан В. НЕКРАСОВ.

УВВ по Дальнему Востоку
и Восточной Сибири.

А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ...

«Обращаемся к вам за помощью, потому что больше нам ее просить не у кого. Приезжали к нам и полковники, и генералы. А изменений—ноль.

Интересуют же нас проблемы самые элементарные...»

И далее в солдатском письме в редакцию следовал их перечень. Чрезмерная служебная нагрузка. Почему в роте запрещены увольнения, не ведется учет оценок за боевую службу, не поощряются отличившиеся? Почему не оборудованы постовые вышки, изношены чуть ли не до дыр полушубки, плохое дополнительное питание (остатки с обеда — в караул). Нет в подразделении и «мелочевки» — пуговиц, погон, шевронов, мыла и т. д.

«...И старшина роты старший прапорщик А. Афонин, и командир роты капитан С. Карпетов не хотят и не стараются их решать. Сами же требуют, чтобы порядок был, службу несли бдительно...»

Сообщаем вам еще о том, что живет у нас в роте бесконвойник. Кушает вместе с солдатами. Пьет чай в каптерке со старшиной и командиром как с наилучшими друзьями...»

И в конце письма просьба к редакции — прислать корреспондента, помочь изменить атмосферу, сложившуюся в подразделении.

От Москвы до подразделения капитана Карпетова всего сутки дороги. Командира подразделения застал в каптерке за чаепитием. Вместе с офицерами, старшиной роты сидел за столом тот самый бесконвойник, о котором писали солдаты. Увы, нарушение было, что называется, налицо, полностью подтвердились и другие изложенные в письме факты.

Рота капитана Карпетова — одно из самых отдаленных и сложных подразделений части. Личного состава едва хватает на обеспечение охраны объекта при работе в одну смену. Однако администрация колонии ратует за трехсменку, а пока систематически организует работу осужденных в выходные дни. Все это отражается на личном составе подразделения чрезмерной служебной нагрузкой. Достаточно сказать, что подавляющее большинство постов в караулах — двухсменные, а сменившиеся с постов часовые в отведенное для отдыха время привлекаются к конвоированию осужденных, бодрствуют в резервных группах. Три часа сна в карауле в

течение суток — обычное явление в этом подразделении. Ну а в те редкие дни отдыха, что выпадают солдатам, как правило, проводятся хозяйственные работы.

Отдельно следует сказать о том, что дополнительные трудности в солдатскую службу привносят плачевное состояние инженерных средств охраны. Постовые вышки продуваются всеми ветрами, целые пролеты ограждений лежат на земле, другие держатся лишь благодаря подпоркам. Неотложного ремонта требуют и караульные помещения.

Казалось бы, что в столь сложной обстановке командиру и всем офицерам роты следовало проявить максимум заботы о личном составе, о его быте, обеспечении полноценного отдыха, но...

На дополнительное питание в караулы действительно привозят остатки от обеда. Нет там и положенного чая. Обоснованы жалобы солдат и на отсутствие мыла.

В роте днем с огнем не сыскать ведра и обыкновенной тряпки для уборки помещений. Взамен их уборщики используют урны и губку, т. е. то, что в изобилии имеется в зоне.

Есть в подразделении и стиральная машина. Только вот служит она ящиком для хранения облицовочной плитки. Попытки найти кого-нибудь из солдат, кто ею пользовался, не удалась. В бытовке не было ниток, пуговиц, шевронов, не говоря уже о машинке для стрижки волос или обыкновенных ножницах.

Их покривили душой солдаты, сообщив в своем письме о неблагоприятном положении с увольнениями. Их просто не разрешают. На каком основании? «На основании рекомендаций сверху», — объясняет ситуацию заместитель командира роты по политической части старший лейтенант Е. Кулев. — В поселке много бывших осужденных. Отношение к нашим солдатам, сами понимаете... Да и пойти у нас особенно некуда».

Увольнений в роте капитана Карпетова практически нет. Зато бывают, и нередко, самовольные отлучки. Так, старший сержант А. Искандеров, младший сержант С. Куликовский и рядовой Я. Алиев, оставив расположение части, решили поразвлечься, для чего «одожили» у жителя поселка машину и разбили ее. По этому случаю прокуратурой было возбуждено уголовное дело. Но владелец «Москвича»

оказался человеком незапоминаемым: простил солдатам грех, правда, за кругленькую сумму, которую уплатили ему родители самовольщиков.

Аналогичное нарушение совершили старший сержант Ф. Сырчак, рядовые Р. Джафаров, Г. Галечян. Список самовольщиков можно было бы и продолжить.

Не все благополучно в подразделении с поощрениями. Здесь редко встретишь воинов со знаками солдатской доблести на груди. Нет достойных? Да есть! Так почему же награды не находят своих героев? В основном из-за халатности и неразберихи, бездушия должностных лиц. Майор М. Салпагаров жалуется на капитана Каралетова, что тот нерегулярно присылает списки на поощрение личного состава, ему приходится выбивать необходимые сведения по телефону. Капитан Каралетов в свою очередь сетует на майора Салпагарова: мол, списки посылает вовремя, а они теряются в штабе. Правда, знакомая картина: Иван кивает на Петра, а Петр — на Ивана? Кто прав, кто виноват — разобраться сложно, но точно известно одно: нет рапортов на поощрение у майора Салпагарова, как и нет ведомостей с оценками за боевую службу у капитана Каралетова.

После увольнения в запас начальника физической подготовки и спорта остается неизвестной и судьба знаков спортивной доблести.

В одной из бесед капитан Каралетов с горечью и обидой посетовал на то, что к нему редко обращаются подчиненные за помощью и советом, обычно излагают их проверяющим, а тут вот и в журнал написали. А как же поступать им иначе, если из месяца в месяц не решаются бытовые вопросы, не замечает командир изношенных полушубков, не заботится об улучшении питания личного состава, не видит многих других «мелочей», отрицательно влияющих на жизнь, быт и службу солдат. Впрочем, иногда все же к нему обращаются. Однажды, например, задумали комсомольцы провести в солдатском клубе дискотеку, пригласить на вечер отдыха ребят и девочек из соседней школы. Готовились, старались все устроить как можно лучше. Но когда приглашенные собрались у ворот КПП, поступила команда «Отставить!». Дискотека не состоялась. С обидой уехали гости, ну, а о настроении, о том, какие чувства испытали воины, догадаться нетрудно. Так оборвалась еще одна ниточка, связывающая командира с подчиненными, пошатнулся его авторитет.

Волевые решения, «репрессивные» меры, которые применяет капитан Каралетов, все чаще встречают непонимание, не находят поддержки и у офицеров роты. Из союзников командира роты, надежной опоры во всех его начинаниях они превращаются в безынициативных, пассивных исполнителей. Так что во всем происходящем в роте, в том, что послужило поводом для написания письма в редакцию, вина капитана Каралетова бесспорна.

Майор А. ПЕТРОВ, наш спецкор.
*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.*

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ

О выполнении плана увольнения офицеров Главного управления внутренних войск МВД СССР в первом полугодии 1990 года; о порядке подбора и назначения офицеров для прохождения службы в главке, перспективах его обновления на ближайшие пять лет; организации индивидуальных собеседований с вновь назначенными на должности товарищами (выявить их нужды и запросы и выработать предложения по их устранению); об участии представителей совета Офицерского собрания в работе общественных комиссий и групп, созданных приказом начальника внутренних войск (комиссия общественного контроля за работой предприятий военной торговли, распределения жилья, путевок в санатории и дома отдыха и т. д.). Эти и другие вопросы вызвали самое заинтересованное обсуждение присутствовавших на очередном собрании офицерского состава ГУВВ.

Много предложений поступило при рассмотрении вопроса о создании добровольного денежного фонда Офицерского собрания. Большинство голосов было одобрено решение совета, возглавляемого полковником Л. И. Паниным, о взносе по 10 рублей раз в полугодие. Эти деньги планируется расходовать в дальнейшем для оказания материальной помощи нуждающимся офицерам, проведения различного рода мероприятий.

Рассмотрены и в основном одобрены предложения управлений и отделов по представлению к награждению государственными наградами и присвоению очередных воинских званий офицерам ГУВВ.

...Офицерские собрания, созданные в частях и соединениях войск, делают первые шаги. По крупицам собирается опыт. Конечно, много еще неясного, есть сбои в организационных и практических вопросах. Но несомненно одно: забытые традиции возрождаются, и Офицерские собрания со временем станут надежной опорой командиров и начальников в воспитании у офицерского состава чести и достоинства, высокой ответственности перед советским народом за выполнение всех поставленных перед войсками задач.

диалог с «памятью»

«...Сейчас столько развелось всевозможных неформальных объединений и организаций — просто ужас! Даже профашистского толка есть. В каждой республике — свой Народный фронт. В России — это «Память». Но, странное дело, во многих органах печати почти всех неформалов поддерживают и только «Память» подвергается постоянным нападкам. Узнать что-либо о ее программе невозможно, а если пишут о ней, то обязательно с такими эпитетами, как «черносотенцы», «шовинисты», «националисты».

Почему органы печати не предоставляют свои страницы ее лидерам? Как-то не совсем честно получается: кроют, как хотят, а оправдаться не дают. Расскажите об этой организации: нам, военным внутренним войск, приходится нередко непосредственно сталкиваться с неформалами, поэтому мы должны знать, кто есть кто».

С подобной просьбой — рассказать на страницах нашего журнала о неформальных организациях («Щит», «Милосердие», «Мемориал», «Апрель») обратились в редакцию майор Н. Блазнин из Таджикистана, капитан А. Федоров из Горького, прапорщик И. Балаяна из Сыктывкара и другие.

Выполняя ваше, дорогие читатели, пожелание, сегодня мы публикуем беседу с одним из лидеров народно-патриотического движения, руководителем Русского народного фронта «Движение Память» (РНФДП) И. Сычевым.

Оговоримся сразу, позиции неформалов далеко не бесспорны, а нередко — диаметрально противоположны друг другу. Считаю, будет справедливо, если каждая сторона получит возможность рассказать о своей деятельности.

ШТАБ-КВАРТИРА «Памяти», вернее, один из ее штабов (ниже вы поймете, почему он не один), располагается в жилом доме, в квартире члена Союза художников СССР Игоря Сергеевича Сычева. Надо сказать, что того «отвратительного впечатления», которое испытал член палаты лордов парламента Великобритании Николас Бетелл от посещения штаба общества «Память» Васильева (Книжное обозрение, 1989, № 45), мы не почувствовали.

И не удивительно. Потому что это две совершенно разные организации. Но никто почему-то — и лорд Бетелл в том числе — не делает оговорки, и все грехи валятся на Русский народный фронт.

В отличие от квартиры Васильева здесь на стенах висят не «большие мясницкие топоры», как сообщает лорд Бетелл, а портреты великих русских военачальников всех эпох и времен, плакаты с надписями: «Память народа священна», «Наша борьба за Память о великом прошлом — это борьба за наше великое будущее», «Пока жив дух русского народа, жива Россия». У стены на полу — транспаранты, но не «Бей жидов — спасай Россию!» или «Долой КПСС!», а «Движение «Память» победит», «Да здравствует социалистическая народно-патриотическая перестройка!», «Да здравствует русское национальное возрождение!» и т. д.

Далее лорд Бетелл пишет: «Многие руководители Запада считают, что «Память» должна быть запрещена. Если бы эта организация существовала у нас, мы бы так и поступили».

Не будем говорить о том, что лорд Бетелл поступил несколько бестактно — все же в гостях находился, но опять вольно или невольно требование запретить «Память» можно отнести и к запрету Русского народного фронта.

Откуда же такая ненависть к русской «Памяти», в то время как представители таких явно антисоветских сил, как Демократический Союз (ДС), которые открыто

200

призывают к борьбе с «советской империей», как националисты Грузии, Прибалтики, Молдавии, публично сжигающие государственный флаг СССР, не только не осуждаются за антигосударственную деятельность, но даже кое-кем и поощряются. В чем тут дело?

С этих вопросов и началась наша беседа с Игорем Сергеевичем Сычевым.

— Позвольте уж и мне, — сказал он, — обратиться к члену палаты лордов парламента Великобритании Николасу Бетеллу. Вот он пишет, например: «...Беспокоимся и мы в Великобритании и других странах Запада. Как мне сказали, недавнее увеличение заявлений на эмиграцию из Советского Союза евреев частично объясняется угрозами «Памяти...»

Напрасно вы, однако, лорд Бетелл, и вы, там на Западе, сетуете на то, что с евреями в Советском Союзе плохо обращаются. Не так уж плохо им живется у нас. Пожалуй, даже намного лучше, чем другим народам. Газета «Правда» за 2 декабря 1985 года опубликовала ответ Горбачева французскому телевидению, где он заявил, что евреи, составляя 0,69% от общей численности населения СССР, представлены в культурной и политической жизни страны в масштабах не меньше 10—20%. Ну, а что касается угроз в их адрес со стороны «Памяти»... Знаете, как это делается?

По Москве, например, уже несколько раз настойчиво кто-то распространял слухи: мол, «Память» готовит еврейские погромы, что на поверку оказывалось чистой ложью. Или вспомните хотя бы историю с публикацией в одном из солидных журналов подметного письма, в котором «бсевичи» («Памяти») (так и было это письмо подписано — «боевики «Памяти») главному редактору журнала Бакланову угрожали физической расправой.

Но Бакланов тогда явно поспешил с публикацией того письма, потому что вскоре в Ленинграде был задержан некто Норинский, кстати, еврейского происхождения, вот он-то и оказался его автором. На суде он признался, что написал и отправил много подобных писем в различные учреждения и организации, для того, чтобы скомпрометировать, опорочить «Память». Вы думаете, они испытали хотя бы угрызение совести, чувство стыда? Как бы не так. После того, как Норинский попался, как говорится, с поличным на грубой фальсификации и лжи, журнал «Огонек» публикует статью «Интервью с антигероем» и... берет «проворовавшегося» под свою защиту, опять обвиняя «Память», потому что, мол, она уже самым своим существованием спровоцировала его — бедного мальчика — на такие неблагоприятные, но «праведные» дела.

Да, вор, как правило, всегда больше всех кричит «держи вора!»

Или совсем уж возмутительно, когда тот же «Огонек» некоего Бузанова, совершившего тяжчайшее преступление (убил в пьяном угаре любовницу и двух ее детей), тоже попытался выдать за «боевика «Па-

мяти». Из опубликованного материала можно даже сделать вывод, будто «Память» специально готовит убийц-садистов. А ведь речь идет о человеке — это автор не мог не знать, — который в народно-патриотическом Движении «Память» никогда не состоял. Этот человек вел переписку с Кимом Андреевым из общества «Память» Васильева, которое было отторгнуто и вышвырнуто из рядов народно-патриотического Движения «Память» за провокационную, раскольническую и антисоциалистическую деятельность.

— Игорь Сергеевич, давайте, однако, вернемся к истокам: что же такое «Память»? Когда и как она возникла? Кого объединила? Во имя чего? И какова, наконец, ее программа!

— Я скажу, что лично меня привело в «Память»: мертвые деревни, забвение прошлого, разрушение семьи как ячейки общества, планомерное тотальное уничтожение нашей национальной культуры, эпидемия равнодушия и бездуховности. Сегодня русские отброшены на последнее место по таким основным показателям, как рождаемость, продолжительность жизни, материальный уровень населения. Именно у русских наблюдается наибольший упадок национальной культуры. Это, кстати, происходит с нашими братьями — украинцами и белорусами.

— Ну, наверное, не так страшен черт, как его малюют...

— Не страшен? Ох уж эта наша безмятежность, недаром же говорят: «пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится». Знаем ли мы, сколько миллионов людей полегло в братоубийственной гражданской войне? Чего нам стоили «акции» (а я думаю, это не отдельные акции — проводилась планомерная жестокая политика геноцида в отношении славянских и других коренных народов России) Л. Троцкого и многих его «соратников», когда при «красном терроре», «расказачивании», «раскулачивании», при подавлении крестьянских восстаний погибли сотни тысяч ни в чем не повинных людей? Только сейчас мы начинаем узнавать, какую цену заплатил наш народ за идею «мировой революции» и что вообще скрывалось за этим лозунгом. Не прикрывались ли им те самые силы, которые, въехав на хребте рабочей пролетарской революции на олимп власти, мечтали осуществить идеи мирового господства? Сионизм, как известно, стремится именно к этому, как стремился к этому и фашизм. И не столкновение ли этих империалистических сил в борьбе за передел мира послужило причиной второй мировой войны?

Сейчас некие силы пытаются все поставить с ног на голову — свалить всю вину на Сталина и... русский народ. Нас называют оккупантами, а то и фашистами в Прибалтике и Узбекистане, в Молдавии и на Кавказе, даже с белорусами и украинцами хотят нас рассорить.

Опять происходит какая-то «дьявольская игра», в которой вновь могут погибнуть миллионы наших людей. Истинное положение, однако, по-прежнему тщательно скрывается от народа.

Ну, в самом деле, называя по традиции РСФСР первой среди равных, а русский народ — старшим братом, стараются не замечать, что в действительности все обстоит иначе.

Вспомним, молодое социалистическое государство создали народы, которые по своему социальному, экономическому и политическому уровню развития отстояли друг от друга на целые исторические эпохи. Для того, чтобы они в Союзе достигли фактического равенства, им нужно было оказать колоссальную помощь.

Сегодня нелишне кое-кому напомнить, что в свое время, чтобы поднять отсталые национальные регионы (Средняя Азия, Кавказ и другие), Россия, Белоруссия, Украина передавали туда целые фабрики и заводы, посылали квалифицированные кадры — рабочих, учителей, врачей, ученых. Это был пример действительно бескорыстной помощи, какого не знала история. Приведу здесь лишь некоторые факты. В годы первых пятилеток рост капиталовложений в хозяйство республик Средней Азии был в 5—6 раз выше, чем в РСФСР; население Закавказья, Средней Азии, а также автономий РСФСР в течение многих лет освобождалось от сельскохозяйственных и общегражданских налогов; в крупнейших вузах страны была установлена так называемая «национальная бронь», пользуясь которой лица коренной национальности из отсталых республик получали существенные преимущества при зачислении в вузы; в 1945 году сельхозналог в Белоруссии, например, был в несколько раз выше, чем в Грузии, и это при том, что Белоруссия была буквально разрушена и выжжена оккупантами. В течение многих лет крестьяне славянских республик трудились только за «палочки» (трудодни), питались только за счет приусадебных участков, да еще платили с этих участков большие натуральные налоги. Мои сверстники, родившиеся в селах, помнят, какой каторжной была тогда жизнь у наших крестьян. Наверное, не стоило об этом вспоминать, если бы все это кануло в Лету. Как бы не так: уровень жизни в России и ныне самый низкий в Союзе, по-прежнему из российского госбюджета изымаются огромные средства и направляются туда, где не работают, а митингуют и бастуют, обвиняя многострадальный русский народ во всех тяжких грехах. Россия должна стать действительно равной в ряду других республикой. А пока гибель русских сел и деревень продолжается — уму непостижимо, но уже в наше время в РСФСР, например, с благословения Заславской и других погибли 500 тысяч так называемых неперспективных сел и деревень. И этот процесс продолжается. Его необходимо остановить.

...«Память» как движение за возрождение русской культуры зародилась в середине 70-х годов, к активным действиям мы перешли в восьмидесятые — с празднования 600-летия Куликовской битвы. Активизация «Памяти» началась вместе с перестройкой. Изменилась обстановка в стране, изменились и наши задачи. Если мы на первом этапе поставили перед собой целью восстановить исторические памятники, выступали за возрождение русской культуры вообще, то теперь главная наша задача — возрождение России.

— И за это вас называют шовинистами и черносотенцами!.. Трудно поверить, ведь сейчас в каждой республике ставят такую задачу.

— Да, и все-таки, стоит заикнуться о национальном русском возрождении, нам тут же приклеивают ярлыки шовинистов, черносотенцев, антисемитов. Видно, таким вот образом противникам нашего возрождения легче с нами бороться — обвинив нас голословно во всех смертных грехах, используя для этого провокаторов типа Васильева и других.

Дополнительно хочу пояснить, что обществу «Память» Васильева на словах тоже, например, выступает за восстановление русской деревни, русской культуры, а на деле ратует за реставрацию монархии и капитализма в нашей стране. Мы считаем, что при реставрации монархии и капиталистических отношений опорой трона, новыми помещиками и капиталистами станут мафиози, часть нынешней коррумпированной бюрократии, финансовые дельцы теневой экономики, миллионеры-кооператоры, воротилы мафиозной организованной преступности и прочие, и прочие. Именно эти силы, награбив за последние 20—30 лет сотни миллиардов рублей и других ценностей из кармана государства и трудового народа, ратуют за «западный образ жизни», за скрытую реставрацию капитализма с целью полной легализации наворованных средств. Не следует верить тем, кто обещает народу сладкую жизнь при восстановлении частной собственности и реставрации капитализма. Развитые капиталистические государства живут за счет тотального ограбления народов стран третьего мира — Азии, Африки, Южной и Центральной Америки. Вспомним капиталистические страны с фашистской диктатурой, где кукурузный початок и миска бульона в день для угнетаемого коренного населения считается за счастье. Может, как раз такую участь нашему трудовому народу готовят деятели типа Васильева и Новодворской — лидера Демократического Союза. Не ожидает ли наш народ в случае реставрации капитализма диктатуру финансового капитала и прочей бандократии? Опорой любого, в том числе и фашистского, режима является буржуазия. Не интересы ли новой — советской буржуазии (не надо закрывать глаза, она есть у нас

201

и живет, надо сказать, припеваючи) защищает Васильев и его чернорубашечники, прикрываясь знаменем монархизма и возрождения России! Ведь именно из этой — «чернорубашечной стихии» (особенно мелкобуржуазной) может родиться фашизм или сионизм. Но, пожалуй, хватит о Васильеве. Между нами нет ничего общего.

— Игорь Сергеевич, но почему вы не пытаетесь размежеваться, принимаете на свою душу чужие грехи! Мы, по крайней мере, об этом нигде не читали...

— А разве органы печати предоставляют нам такую возможность? Наоборот, «Огонек» и другие издания, как вы сами убедились, всячески пытаются нас «объединить», выдать за одну «Память». Цель очевидна, и она направлена против русского народа. Мне порой приходит мысль, что та, другая, «Память» и создана только для того, чтобы дискредитировать русское народно-патриотическое движение. Ведь даже небезызвестных Левина и Евсеева почему-то причислили к Движению «Память», хотя они, насколько мне известно, являются членами антисюнистского комитета. Да и январский инцидент в ЦДЛ свидетельствует тому.

— Итак, программа вашей «Памяти»...

— Русский народный фронт «Движение Память» твердо стоит на марксистско-ленинских классовых позициях подлинного социализма и защищает прежде всего интересы трудового народа. Мы боремся за русское национальное возрождение, за национальное возрождение всех народов нашей страны на базе социализма. Мы поддерживаем те силы КПСС, которые твердо стоят на защите завоеваний социализма и интересов трудового народа. Русский народный фронт решительно борется против попыток демонтажа социализма в СССР и выступает против политической и экономической мафии, коррумпированной бюрократии, организованной преступности, сионизма и масонства.

Познакомьтесь, пожалуйста, вот с этим документом.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ К РУССКИМ ПАТРИОТАМ

В связи с тем, что русский народ не имеет организации, четко ориентированной в своей деятельности на русские национальные вопросы, защищающие интересы именно русского народа, под знаменем Движения «Память», на базе патриотического союза «Россия», по инициативе русских членов политико-экономического дискуссионного клуба «Память», общества гражданской инициативы содействия восстановлению Храма Христа Спасителя «Храм», отделения «Память» г. Зарайска, объединения «Память» г. Новосибирска и Комитета за свое памятник Свердлову в Москве создан «Русский народный фронт». РНФ отныне, исполь-

зую пример и опыт Народных фронтов Прибалтики и отбросив мишуру, размытую фон деятельности патриотических сил, желает целиком посвятить себя заботе о русском национальном. Настал час во всеуслышание заявить: Мы — русские! Мы — великий русский народ! И мы не желаем мириться с тем, что после десятилетий физического, духовного, культурного, алкогольного геноцида наша нация, по всем показателям отброшенная назад по отношению к другим народам СССР, через 25 лет может сократиться вдвое и через 50 лет, при существующих тенденциях, перестанет существовать как великая нация. Да здравствует русское национальное возрождение! Великий народ или гибель великого народа! Третьего не дано! И пусть в этой великой борьбе за торжество русских жизненных интересов нас вдохновляет образ великих людей земли русской, положивших свои силы на алтарь родного Отечества, чтобы мы могли с полным правом именоваться великим русским народом. Память народа священна!

Мы — не националисты, но мы — за свое святое, национальное. Мы — верные сыны и дочери Отечества, и кроме нас самих о нас, о нашем Отечестве никто не позаботится. Не любящий свой дом — не может уважать и дом соседа. Мы — за единение патриотических национальных сил, и прежде всего славянских народов...

Да здравствует единение национальных славянских сил! Но сегодня, сейчас наши усилия сосредоточены на русском — национальном, и мы поэтому будем бороться за пробуждение русского народа, отстаивая его национальные требования. Понимаем, что разговорами, заявлениями и петициями делу не поможешь. Поэтому мы придаем особое значение активизации массовых действий — только они могут заставить коррумпированные космополитические ведомства изменить отношение к русскому национальному вопросу, патриотизму и народной инициативе... Движение «Память».

Москва, 16 июля 1989 года.

— Игорь Сергеевич, позвольте быть откровенными. Не кажется ли вам, что в обращении слишком много той самой «политической трескотни», от которой предостерегал нас еще Владимир Ильич Ленин! Это — первое. А второе — ваше обращение, хотите вы этого или не хотите, может содействовать дестабилизации обстановки в стране. И вы в этом ничем не отличаетесь от тех, кто допустил погромы в Фергана, Абхазии, Нагорном Карабахе, Кишиневе, кто сеет смуту в стране. Но мы ведь знаем, что для успеха перестройки, для национального возрождения русского, украинского, белорусского и всех других народов самое опасное — дестабилизация обстановки. И мы знаем, есть силы, кото-

рые всячески этого добиваются. Так на чью мельницу вольно или невольно льете вы зоду!

— Ну, это вы уж слишком. Ведь ни одна инициатива Движения «Память» не поддерживается бюрократическими ведомствами. Это заставляет нас действовать вопреки их позициям. Примеры? Установка волей народа памятника Сергию Радонежскому, камня «Героям первой мировой войны», памятного знака герою крейсера «Варяг», командующему морскими силами республики Е. А. Беренсу на месте уничтоженного захоронения. Что же касается национальных конфликтов в отдельных республиках, то мы относимся к ним резко отрицательно. Народ в этих республиках повел борьбу за национальное возрождение, но кому-то понадобилось справедливое движение повернуть в русло оголенного национализма. Мы считаем, тут кроется серьезная опасность для самостоятельности как государства в целом, так и отдельных народов. Наша сила в единстве государства, а не в его расчленении.

Перестройка немислима без народного единства. Все прошлые великие победы России одерживала тогда, когда была объединена в крепкий союз. Так было при Дмитрие Донском, Минине и Пожарском, а Отечественной 1812-го и, наконец, в Великой Отечественной войне. И наоборот, княжеская междоусобица позволила установить на Руси 300-летие татаро-монгольского ига. Вот почему нашего единства враги боятся как огня и делают все, чтобы стравить нас, поднять брата на брата, как это случилось, например, в гражданскую. История еще не дала нам четкого ответа, почему гражданская война была такой кровавой и так долго продолжалась. Но мы уже знаем точно, какую преступную роль в этом сыграл Лев Троцкий и его «соратники». Они сделали все, что могли, чтобы в братоубийственной войне погибло как можно больше людей. В такое трудно поверить, но вы прочтите замечательную книгу Анатолия Знаменского «Красные дни», и вам многое станет понятным.

— Вас, членов «Памяти», называют черносотенцами и шовинистами еще и потому, что вы будто возродили черносотенный лозунг: «Бей жидов — спасай Россию!»

— Ну, это дешевка. Против лиц еврейской национальности мы ничего не имеем, как, впрочем, и против любой другой. Речь идет о сионизме, а это совсем другое дело. Весь мир знает и говорит о сионизме, как о наиболее опасной разновидности фашизма. Сионизм осужден в 1975 году официальной резолюцией ООН № 3379 как «форма расизма и расовой дискриминации», а у нас попробуй только заикнуться об этом, на тебя сразу навешиваются всевозможные ярлыки. И это происходит именно сейчас, когда в Советском Союзе создаются сионистские организации, такие, как «Иргун Ционе», «Бейтар». Хочу напо-

нить, что геноцид коренного арабского народа Палестины сионистскими захватчиками начался с создания в Палестине боевой сионистской организации «Хагана», которая в свое время тесно сотрудничала с фашистской Германией и режимом Муссолини.

Но давайте почитаем, что сионисты говорят сами о себе, о своем «мировом предназначении». Популярный поэт-сионист Хаим Наум Бялик в поэме «Свиток о пламени» призывает, например, мстить народам всего мира (за что?) следующим образом:

Из бездн Авадонна взнесите песнь
о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыпется в народах,
и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам
их семья распада,
Если тенью коснется чистойшей
из лилий их сада —
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадет
на мрамор из статуй —
Треснут, разбиты надвое:
И смех захватите с собою,
горький, проклятый,
Чтоб умерщвлять все живое.

В. Жаботинский — один из основателей политического сионизма — в предисловии к этой книге написал, что «читатели русского перевода поймут его «песнь ненависти» с призывом мстить народам мира, шныряя между ними и сея разложение...»

В журнале «Иностранная литература» № 3 за 1983 год помещена статья Л. Замойского «Каменщик империализма», в которой приводятся слова масонского писателя Пьера Карпи: «Действия США направлены на поддержку НАТО и остракизм в отношении СССР и других стран реального социализма. Определяющими в этих действиях являются позиции многонациональных компаний, руководители которых по большей части принадлежат к масонским обществам. Под влиянием англосаксонской части масонства выработан проект будущего обустройства мира... Он означает исчезновение национальных границ... Фундаментальным законом этого проекта является просто-напросто закон прибыли и установление всемирного «экономического» правительства. Американские многонациональные компании при этом стремятся поставить экономику социалистических стран в зависимость от себя».

В книге «Подлинные властители мира», которая вышла в 1979 году в Париже, автор пишет: «...В наши дни, я убежден, вполне возможно получить подтверждение того, что в капиталистическом мире существует и действует настоящее «суперправительство», вырабатывающее директивы для руководителей отдельных буржуазных стран».

Политическую линию всему буржуазному миру диктуют могущественные центры не-

202

видимой власти — так называемая «Трехсторонняя комиссия» и Бильдербергский клуб, прикрывающиеся вывесками безобидных частных дискуссионных клубов, а также тесно связанные с ними масонские ложи». Автор приходит к выводу, что «масоны, секретные службы и политические лидеры, мафия, фашизм, по-видимому, перемешались и слились в одну сеть антикоммунистических организаций в Западной Европе, патронируемых ЦРУ». Вышеприведенные цитаты из официально изданной литературы говорят о том, что Движению «Память», которое третирует «Огонек» и некоторые другие издания, обвиняя нас в шовинизме, не было надобности идею международного империалистического сионистско-масонского заговора брать у Гитлера, Пуришкевича или из «Протоколов сионских мудрецов».

— Игорь Сергеевич, бог с ними, с «Протоколами», а то, боюсь, нас, да и внутренние войска гоже обвинят в шовинизме и черносотенстве...

— Нам к этому не привыкать. Только хотел бы сказать, что без подлинных знаний обо всем этом не справиться со спрутом, который нас душит. А то, что сейчас выдается за восстановление исторической правды, не более, как фарс с переодеванием и стремлением обелить истинных виновников содеянных злодеяний, таких, как Каменев и Зиновьев, Радек и Бухарин, Якир и Тухачевский и т. д. Именно эти люди положили начало кровавому массовому террору, переросшему в геноцид против народов нашего государства. Почему Льва Троцкого, буквально утопашего в крови Россию, Украину, Белоруссию, вновь пытаются не только «реабилитировать», но и взгромоздить на пьедестал великого вождя? Вопросов много, но мы должны найти на них ответы, пока еще не поздно, пока нас вновь не звергли в братоубийственную гражданскую войну.

— Перейдем все же, Игорь Сергеевич, от теории к конкретным вопросам. Ну хотя бы скажите об отношении «Памяти» к КПСС и армии.

— Государство жизнеспособно только тогда, когда у народа не утрачена вера в идеалы и когда оно располагает сильной армией. Мы считаем, в настоящее время у нас в стране есть две реальные силы, способные сохранить стабильность, — это армия и здоровые силы в партии, стоящие на позициях социализма. Но вот вопрос: надолго ли они смогут сохранить способность влиять на обстановку?

Вопрос далеко не праздный. На наших глазах они подвергаются яростным атакам, делается все, чтобы подорвать их авторитет у народа. Беда в том, что перестройка яено пробуксовывает, предпринимаемые меры не срабатывают, жизнь простого люда не улучшается, а ухудшается, черный рынок набирает силу — как поганки после дождя, появляются новоиспеченные мил-

лионеры, растет не по дням, а по часам преступность. Теневой бизнес сегодня обладает капиталом в 500—700 миллиардов рублей. Разрушается административно-командная система, еще до недавнего времени хоть как-то противостоявшая разрушительным силам организованной преступности. И это происходит в то время, когда теневая экономика и ее воротилы берут на вооружение именно те административно-командные методы, от каких отказывается ныне государство. Неужели нам не хватит мудрости и решимости противостоять тем силам, которые стремятся вновь сбросить нас в пучину гибели и разрушений? Неужели нашу страну снова ожидают тяжелейшие испытания!

— Лорд Николас Бетелл — мы возвращаемся к нему — выразил недоумение, что он не смог обнаружить никаких признаков вашей реальной деятельности на ниве культуры. Да и «Огонек», по существу, обвинил вас в том же. Что вы можете сказать по этому поводу!

— Да это и не мудрено! Ведь лорд смотрел на дела «Памяти» через призму его сложившегося впечатления о Д. Васильеве и его чернорубашечниках. Что же касается деятельности мною возглавляемого Движения «Память», то мы только с мая 1987 года провели больше ста патриотических мероприятий, посвященных защите святынь и архитектурных памятников России и памятных исторических дат. Мы — одни из инициаторов национального празднования в Радонеже дня победы объединенных сил Руси над поработителями в Куликовской битве, инициаторы традиционного национального празднования «Освобождение Москвы в 1612 году Мининым и Пожарским».

Мы боремся за восстановление святыни народной — Поклонной горы в Москве. В Ленинграде проводим работу, чтобы перевести музей атеизма из Казанского собора, где покоятся останки М. И. Кутузова, и создать в нем Пантеон воинской доблести. На бывших Спасских казармах в Москве пытаемся установить мемориальную доску героям крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», соборы Московского Кремля передать в ведение Русской Православной церкви. И многое, многое другое.

Что хотелось бы пожелать воинам внутренних войск и армии в целом? Будьте подлинно народными защитниками! Оберегайте интересы народа и социалистического государства!

...Мы покидали штаб-квартиру Русского народного фронта Движения «Память» вечером. Нет, не большими мясницкими топорами увешаны ее стены.

Полковник П. СТУДЕНИКИН.

Молодо, Весело, Талантливо!



Есть чем заполнить свой досуг военнослужащим и членам их семей в части, где начальником клуба старший лейтенант В. Шадрин. Хотите заниматься в кружке театральных миниатюр? Пожалуйста. Увлекаетесь фотоделом? К вашим услугам фотокиностудия. А любителей современной эстрадной музыки всегда готов порадовать новыми произведениями советских и зарубежных авторов дискотек-клуб «Спектр». Создан в части и свой солдатский вокально-инструментальный ансамбль.

Доброй традицией стали здесь концерты художественной самодеятельности в праздничные дни, вечера отдыха, проводимые совместно с подшефным педагогическим училищем. И, что характерно, на всех организуемых в клубе мероприятиях лежит печать молодости, задора, талантливости.

Хорошо известны в части имена активистов самодеятельности — сержанта Надежды Емельяновой, старшего сержанта Ирины Терещенко, рядовых Александра Хачатурова, Олега Полонского и многих других — тех, кто под руководством старшего лейтенанта Владимира Шадрина дарит сослуживцам бодрость, хорошее настроение.

203



На снимках:

■ Антерского мастерства у сержанта Ольги Лебедько не отнимешь.

■ Сегодня — концерт!

■ Младший сержант Татьяна Мальцева и старший лейтенант Владимир Шадрин на репетиции.

■ Выступает ВИА «Вариант».

Фото В. СЕМЕНОВА.



Отчаяние

РОМАН

Юлиан СЕМЕНОВ

Спецлайки давали, начиная со штандартенфюрера СС, вспомнил Исаев, да и то далеко не всем. Эйхман был ниже меня званием, хотя руководил отделом по уничтожению евреев. Валленберг прав, жрать хотели все...

— И что же случилось, когда вы дали ему в зятку? — подтолкнул Исаев. — Как он себя повел?

— Он напился, крепко напился, — сразу же успокоился Валленберг, обрадованный, видно, тем, что ему поверили наконец. — И сказал, что я ему нравлюсь... А потом изогнулся надо мною как строительный кран, я чувствовал его запах, запах гнилых зубов, плохо стиранного белья, плесени, и произнес: «Я так хорошо отношусь к вам, милый Валленберг, что готов помочь... Это бесценная помощь, ее будут ставить вам в заслугу те евреи, которые чудом уцелеют от правого суда фюрера... Если вы переведете на мой счет сто пятьдесят тысяч золотых швейцарских франков, я позволю вам вывезти отсюда маленький эшелончик евреев с вашими валленберговскими паспортами... А там — поглядим... Как? Ничего, а?»

С того дня меня повсюду сопровождал офицер тайной полиции Салаша — «для обеспечения безопасности»: «Венгры вас ненавидят за помощь евреям, могут пристрелить ненароком». Я встретился с Эйхманом еще раз, во время разгрома салашистского кошмара, когда работать мне становилось все страшнее и страшнее: гитлеровцы и салашисты, будучи не в силах сдерживать натиск русских, обрушивали свою ненависть на несчастных евреев, словно те были виноваты в их поражении... Вот тогда-то Эйхман и сказал мне: «Согласитесь, что лишь один я помогал вам спасти евреев... Был бы кто другой на моем месте, вам бы ничего не удалось сделать... Если вы честный человек, то скажете будущим

Окончание. Начало в № 1, 2, 3.



поколениям: «Евреев спасал Эйхман...» А на следующий день началась резня в гетто... По его приказу... Ну, а потом... Потом, когда вошли русские, я хватал мерзавцев Салаша, которые учинили расстрел в гетто, встречал красноармейцев. Был допрошен офицером НКВД,—он усмехнулся,—евреем... Очень, кстати, старался, звал к чистосердечному признанию... Какому, я до сих пор не пойму... Но меня освободили наутро... Отвезли к какому-то комиссару, сказали, что он во главе армии, то ли Вризнефф, то ли Бризнефф, тот расспрашивал меня о ситуации, сказал, что надо ехать к маршалу Малиновскому, в штаб фронта, в Дебрецен... Я ответил, что сначала надо посетить гетто, помочь тем, кто остался в живых после расправы... Убили сто тысяч, эзсовцы и салашисты старались как могли. Осталось в живых семьдесят тысяч—люди без глаз, без лиц, парализованные страхом... Это те, кого мне удалось спасти... Я вновь вернулся в штаб русских и сказал, что сейчас объеду друзей, которые остались в живых, и после этого передам все деньги «Борд» в фонд немедленного восстановления Будапешта... Города ведь не было—стены, руины, пожарища. Я назвал мою

организацию «Институтом Валленберга по восстановлению»... С этим я отправился в штаб, передав все деньги для начала восстановительных работ... А меня схватили... Сначала обвиняли в том, что я немецкий шпион, потом—английский, а сейчас требуют признания, что я агент этого самого «Джойнта», а я с их людьми и не встречался ни разу... Нет, вру... Встречался...

— Погодите-ка,—перебил его Исаев; но Валленберг словно и не слышал его.

— Я встречался,—с какой-то злобой, думая о своем, чеканил он,—с Альбертом Эйнштейном, Фейхтвангером и Йегуди Менухином, они были почетными членами «распределительного комитета» «Джойнта»... Когда я учился в Мичигане на архитектора, я слушал Менухина... Три раза... Баснословно дорожие билеты на его концерты, но я покупал...

Исаев облегченно вздохнул: Валленберга не понесло.

— Что, у банкирского сына туго с деньгами?

— Банкирские родители самые что ни на есть скупердяи,—ответил Валленберг,—я рассчитывал каждый цент на месяц вперед, чтобы не одалживать у друзей...



АЛЕКСАНДР

Максимович Исаев, которого по правде-то должны были записать в мет-

риках Александром Всеволодовичем Владимировым (не знала Сашенька истинного имени любимого, тот, выполняя приказ, жил по легенде), после того как услышал голос отца (шаловой случай свел их лицом к лицу в Кракове, в сорок четвертом, до этого он только грезил о нем, разглядывая единственную сохранившуюся у матери фотографию), когда доктор уговаривал его кричать все громче и громче: «Сейчас твой отец придет, ты ж слышал его? Он ведь звал тебя, правда!», после того как действительно он услышал голос отца, усиленный динамиками, в ответ на свои бесконечные «папа, папочка, папа, ты слышишь меня, папочка?!», медперсонал зафиксировал странное изменение в поведении больного зека.

Долгие годы он пребывал в полнейшей апатии, по зарешеченной палате двигался робот. Теперь же глаза Александра Исаева обрели некоторую подвижность: он, например, стал реагировать на яркие закаты. Более того, впервые за все годы заключения сам, без чьей-либо просьбы произнес слово «солнышко».

Узнав об этом, доктор Ливин вызвал к себе пациента, считавшегося безнадежным, сел напротив него, положил тоненькую, девичью ладонь на колено бывшего капитана армейской разведки РККА, а ныне зека, приговоренного к двадцати пяти годам лагерей, зека 187—98/пн, и, приблизившись к нему, впился в зрачки больного своими базедовыми глазами, увеличенными толстыми линзами очков.

— Санечка, а зыркалки-то у тебя получали,—заговорил он ласково, чуть недоумевающе, но одновременно с какой-то долей радости.—Они ведь, зрачоченьки твои, Санечка, стали реагировать на... Хм, вот что значит с родителем поговорить, а?! Ну-ка, скажи, что ты вчера вечером в окне видел?

Зрачки Александра Исаева расширились, лицо свело резкой, странной гримасой то ли смеха, то ли ужаса,—и он тихо ответил:

— Одуван...

Доктор Ливин, не снимая ладони с его колена и не отрывая взгляд от зрачка, придвинулся еще ближе:

— Что, что? Я не понял, Сашуля, повтори-ка еще раз...

— Фу-фу,—показал зек губами, а потом выпалил:—И детишки полетели, полетели, беленькие, с ножонками, легонькие...

Доктор резко откинулся на спинку стула. Александр, выработавший во время пыток рефлекс страха на быстрые и неожиданные движения, схватившись за голову, вскочил. Однако на этот раз он испугался не того, что его могут ударить, а потому, что явственно увидел фразу, которую произнес. Она жила не отдельно от него, не в таинственной его глубине, забываемая сотнями других странных, бессильных, ищущих друг друга разноинтонационных звучаний, как это было последние годы, а вполне реально: вот он, одуванчик, дунь на него весною, и, как говорила мама, одуванчиковы детишки полетят по лесу.

Доктор Ливин подошел к Александру, обняв его, вернул к столу, мягко усадил, погладил по голове, привычно ощутив глубокие шрамы и мягкие податливости черепа; заговорщически подмигнул:

— А как же звали папу детишек?

Александр Исаев долго молчал, страхась чего-то, а потом прошептал:

— Не скажу.

— Почему? — обиженно удивился доктор Ливин.

— А все равно детишки уж разлетелись на парашютиках, — Александр Исаев тихо улыбнулся. — Не поймать...

— Какие детишки? — по-прежнему мягко поинтересовался Ливин. — Разве у тебя братья были? Сестры?

— Были...

— Ну-ка, позови их, — предложил доктор, — я их сейчас к тебе привезу.

— Улетели... Не догнать теперь...

— Да кто улетел?! — Ливин начал терять терпение: «Старое, раньше мог беседовать с несчастными идиотами, стараясь понять ломаную, но тем не менее таинственно-логичную линию трагической аномалии».

— Детишки, — повторил Александр. — Мягонькие, пушистенькие, никого не обидят, зла не принесут...

— А дуешь ты почему?! Разве на детишек дуют?

— На одуванных — да...

Ливин наконец понял:

— Так это ты про одуванчик?

Тот покачал головой:

— Вы ж про солнце спрашивали... А я про одуванчик сам думал... Без вас... Один...

С того дня Ливин перевел Александра Исаева в отдельную тихую палату, прописал ему курс новой терапии и сегментальные массажи, добился у начальства двухчасовой прогулки — зек ложился в его докторскую диссертацию «Роль шока в психике больного, перенесшего тяжелую травму черепа».

Он работал каждый день, часа по три; Александр постепенно начал хмуриться — явный симптом возвращения памяти или обостренной реакции на вопрос.

Речь его становилась менее загадочной — поначалу была потаенной; тройной смысл в каждой фразе.

...Ливин помолодел, научное счастье само шло в руки.

И в тот как раз день, когда он намеревался начать заключительные программы, его вызвал начальник спецтюрьмы для психически больных:

— Как Исаев? Вы с ним, говорят, много возитесь?

Поскольку начальник был обыкновенным тюремщиком, к науке не имел никакого отношения, на ученых смотрел с открытым юмором, не лишенным, впрочем, доброжелательства, Ливин рассказал ему про работу.

— Ну и хорошо, — ответил тот, внимательно выслушав доктора. — Завтра комиссия приезжает... Ему, оказывается, вышку дали, а полных придурков не шлепают... Так что вы уж порадейте, чтоб он оказался нашим гостям более или менее нормальным.

— Я умоляю вас, — Ливин прижал свои девичьи руки к старческой груди, — я вас умоляю, Роман Евгеньевич! Этого зека нужно спасти! Я работаю с ним во имя науки! Нашей, русской науки! Он может опрокинуть всю диагностику, которая была раньше! Молю вас, Роман Евгеньевич!

— Товарищ военврач, — сухо отрезал начальник, — вы мое приказание слышали? Слышали. Извольте исполнять... Советский народ, понимаете, строитель коммунизма, терпит нужду, еще не всюду живут так, как мы того хотим, а нам, понимаете, с придурочными контриками цацкаться, которые пицу рабочего класса жрут?!

...Дождавшись, когда персонал ушел по домам и остались одни лишь надзиратели, Ливин заглянул в камеру Александра Исаева:

— Санечка, завтра к тебе приедут разные люди, — прошептал он. — Будут спрашивать тебя... Так ты молчи, Санечка, ладно? Ты молчи! Молчи, как раньше! К тебе плохие люди придут, ты им не верь, на вопросы не отвечай, понял меня, сынок?

— Я не твой сынок, — так же тихо ответил Александр Исаев, — у меня папочка есть, он красивый и очков не носит...

Доктора Ливина арестовали на рассвете — камера Исаева-младшего прослушивалась.

...Члены комиссии, прибывшие утром, внимательно ознакомились с историей болезни зека 187—98/пн, затем вызвали Александра Исаева в комнату, занитую светом, предложили сесть: он, глядя на них непонимающим взглядом, стоял молча.

— Санечка, вы ведь уж и говорить начали, — копируя манеру арестованного Ливина, ласково начал старший комиссии. — Ну-ка, расскажите и нам что-нибудь интересное...

Александр Исаев неподвижно, стараясь удержать в себе не столько шепот Ливина, сколько его молящие глаза, в которых ему почудились капельки, — кап-кап, кап-кап, дождик лей, грибочки, растите скорей... Лизанька... Это в пионерлагере пела Лизанька...

— Ну, Санечка, мы ждем, — по-прежнему ласково и неторопливо продолжал председатель комиссии. — Мы ведь хотим выписать

тебя... Отпустить домой... К родителям, если твое дело действительно пошло на поправку... Доктор Ливин считает, что ты уже совсем поправился...

Александр Исаев по-прежнему стоял неподвижно, смотрел сквозь этих людей, ворошивших какие-то бумаги, и не произносил ни единого слова.

Тогда председатель комиссии, довольно молодой военврач, осторожно, с долей безразличия, повернул черный рычажок под столом — терпеть не мог отечественной техники, непременно подведет в самый важный момент.

В комнате послышалось завывание ветра, далекий треск морзянки, чьи-то размытые слова, набегавшие друг на друга.

А потом, прорываясь сквозь эту далекую пургу, явственно прозвучал голос Максима Максимовича Исаева:

— Сыночек, ты слышишь меня?!

И Александр Исаев, сделав шаг навстречу, закричал:

— Папочка, миленький, слышу! Слышу тебя, родной! Мне уже совсем хорошо! Я почти все вспомнил, папочка! Где ты? Папочка?! Отвечай же! Хочешь, я еще громче закричу? Ты слышишь меня?!

Военврач выключил магнитофон и кивнул надзирателям: «Можете увести».

— А папа?—по-детски пронзительно закричал Саня.—Папочка! Я же здесь! Почему ты замолчал?! Я здоров, папочка! Я помню! Я вспоминаю, папа!

...Александра Исаева признали вменяемым и увезли в тюрьму.

Когда трем исполнителям показали его — один из них должен был во время конвоирования по коридору выстрелить осужденному в затылок,—самый рослый из них сделался вдруг белым как полотно:

— Так это ж наш капитан! Это Коля! Он нам в Праге жизнь спас! Товарищи, он наш! Это ошибка, товарищи!

— Ты на одуванчик подуй,—тихо сказал Исаев-младший,—детишки по миру разлетятся.—А потом улынулся загадочно:—Мне в спину нельзя... Мне в голову надо, она у меня болит, а спина здоровенькая...

...Исполнитель Гаврюшкин был расстрелян через семь дней; провел пять суток без сна на конвейере: «Кто рекомендовал пролезть в органы? С кем снюхался в Праге в мае сорок пятого?!»

...Начальник команды получил строгача с занесением.

Заместитель начальника отдела кадров отделался выговором без занесения в учетную карточку.

Начальнику тюрьмы было поставлено на вид.



ВЛОДИМИРСКИЙ чувствовал, что наверху происходит нечто странное, непонятное ему, какое-то дерганье и суэта, начинавшаяся вдруг и столь же неожиданно кончавшаяся.

Разгадывать политические ребусы — работа, непосильная обычному человеку, хоть и с полковничьими погонами, да еще при полнейшем расположении начальства: как абакумовского, так и комуровского (считай бериевского). Именно это последнее,—благорасположение с двух сторон —держало его в состоянии постоянной напряженности, не оставляя времени исследовать то, что так беззвучно и незаметно, но давно и грозно ворочалось в Кремле: мимо него не проходили ни разговоры о семье Молотова—странные разговоры, тревожные; ни намеки на то, что Сталин перестал принимать члена Политбюро Андрея Андреевича Андреева, который в свое время тесно сотрудничал с Дзержинским; преврал отношения с Ворошиловым; постоянно —так было в тридцать шестом, рассказы-

вали старожилы,—вызывает Вышинского; явно приблизил Абакумова; Берия принимает реже, чем Виктор; маршал по этому поводу сухо заметил: «Зарвался».

Он несколько растерялся после недавнего разговора с Комуровым потому еще, что тот поинтересовался: «Ты твердо убежден, что Исаев не гонит липу по поводу его рукописи, хранящейся в банке?»

Значит, и это навесили на него: если Исаев не лжет, удар придется именно по Лаврентию Павловичу—бить есть по чему: именно тот приказал Шандору Радо после заключения договора о дружбе с Гитлером не проявлять активности: именно он запретил Шандору привлекать к работе Реслера, человека, имевшего прямую связь со штаб-квартирой фюрера,—«провокаатор и английский шпион». Именно он же, Берия, в панике, в шесть утра двадцать второго июня, когда началась война, подписал шифровку Радо: «Платите Реслеру любые деньги, только б работал!» И презрительный ответ Шандора: «Реслер работает не из-за денег, он не освомедител, а борец против нацизма». А расстрел всех наших нелегалов, внедренных в Германию? Прекращение разведработы против гитлеровцев? Неважно,

что приказал Сталин,—подписал-то Берия... А дело Кривницкого? Исаев вполне мог с ним встречаться, а тот знал все о процессах тридцатых годов... В Испании он виделся с Орловым—исчез, голубь, а работал в Центре, для него тайн нет... С Сыроежкинским дружил, с Антоновым-Овсенко... На кой черт Берия уступил свое кресло Абакумову?! Сам ведь ушел, никто не принуждал... Ах люди, люди, порождение крокодилов... Неужели нельзя жить дружбой? Открыто? Нараспашку?! Одно ведь делаем дело!

Дело? Дела, усмехнулся Владимирский; ставим спектакли в угоду директору театра...

Хорошо, допустим, я ввожу в комбинацию с Валленбергом и Исаевым моего Рата, сую ему вторую звезду на погон и боевой орден... Но ведь Сталин дал честное слово Каменеву и Зиновьеву, что их не расстреляют, и дал его в присутствии Ворошилова, Ежова, Ягоды, Миронова... Ведь именно после этого у чекистов гора с плеч свалилась: никаких расстрелов не будет, речь идет лишь о политическом уничтожении троцкизма, кровь ветеранов большевистской партии не прольется... А ветеранов партии расстреляли через полчаса после того, как они кончили писать прошения о помиловании,—на рассвете; день, говорят, был на редкость солнечный. И это узнали старики Дзержинского и взроптали: «Сталин—лгун, ни одному его слову нельзя верить», и их стали косить из пулеметов... Тысячами... Десятками тысяч... «Ты это о чем?»—грозно спросил он себя, как-то съевшись,—такое слышал в себе впервые. И ответил: «Это я о Владимирском, о тебе, дурак!»

...Он дважды прослушал запись разговора Исаева с Валленбергом и до конца убедился в том, что исповедь обоих—предельно искренна, их надо немедленно освободить, нет за ними никакой вины... Но кто же колот Валленберга на этот самый «Джойнт»? Почему мне никто не докладывал об этом? Одно время с ним работал Рюмин, потом Рат... Рат—мой, но он мне про это не говорил. Почему? Рюмин, судя по словам Комурова, теперь тоже будет нашим. Но и он молчит... Сталин расстреливал тех следователей, кто не мог справиться с людьми, арестованными по его приказу.

Ну, хорошо, допустим, я вывожу на процесс Валленберга и его обличают Риббе, Штирлиц, Рат—веду его в комбинацию как «связника» из Лондона.

Процесс против Каменева проводили в Октябрьском зале, ни одного пропуска по приказу Сталина не дали ни единому члену ЦК или ВЦИКа. Зал был забит работниками НКВД: согнали стенографисток, уборщиц, курьеров, надзирателей.

А Пятакова судили при иностранцах. Почему пошли на такой риск? Где гарантии, что обвиняемые не начали бы орать в зал правду? Кто знает, как этого добился Ежов? Придется просить у Берии санкцию на ознакомление со спецпаккой... Даст

ли? Ответы подсудимым писал Сталин, это известно, захочет ли Берия, чтобы я воочию в этом убедился?

А что, если я проведу процесс, а меня после этого уберут, как убрали всех в НКВД, когда пришел Ежов, а потом Берия? Ведь тех, кто поставил гениальные спектакли, каких не было в истории человечества, перестреляли!

Так и не ответив ни на один из этих вопросов, Владимирский вызвал машину и отправился в Театр оперетты на площадь Маяковского.

Сначала он никак не мог сосредоточиться на шуточках старика Ярона, потом увлекся тем, как себя подавала Юнаковская; закрыл глаза, слушая арию, исполнявшуюся Михаилом Качаловым, постепенно спектакль захватил его, растворил в себе, успокоил.

Выходя из подъезда, подумал: «Все же оперетта—очень доброе искусство, дает надежду на выход из самых трудных положений, когда, кажется, трагическая развязка неминуема... Говорят, «легкий жанр»... Ну и замечательно, что легкий! В операх или тодятся, или помирают, чего ж в этом хорошего? Вот бы и назвать оперу—«тяжелый жанр»...

Приехал домой, решив не возвращаться в контору, однако жена сказала, что дважды звонил помощник, разыскивал.

Владимирский набрал номер, сухо поинтересовался:

— В чем дело?

— Майор Гнедов ждет вас с чрезвычайным сообщением.

Гнедовым был следователь Сергей Сергеевич; прижимал к себе папку, в которой лежал лишь один конверт—только что нашел на Центральном почтамте: письмо из Лос-Анджелеса некоему Максу Брунну от Грегори Спарка; обратный адрес, марки, все честь по чести.

Владимирский прочитал русский перевод: «Я пытался найти Вас и Пола повсюду. Я пишу туда, где, быть может, вы сейчас находитесь. После гибели моих детей и жены хочу передать Вам и Полу мое проклятие. Я пишу это за несколько минут до того, как нажму спусковой крючок пистолета. Я проклинаю Вас не как Брунна, а как носителя идеи добра и справедливости. Такой идеи нет, не было и не будет на этой земле. Я прошу Вам лично то зло, которое Вы мне причинили. Но Вам никогда не будет прощения Божьего. Человек да соразмеряет силы свои!

Грегори Спарк».

Владимирский походил по кабинету, потом позвонил к Комурову: тот обычно сидел до той поры, пока из Кремля не уезжал Сталин.

— Заходи, — отозвался тот. — Что-нибудь экстренное?

— Да. Очень.

...Комуров отложил в сторону письмо:

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Ничего не понимаю,—признался Владимирский.—Ясно только одно: Исаев не блефовал.

— В его отчете, что он гнал на даче, есть два опасных имени: Пол Роумен и Грегори Спарк. Других контактов из Штатов у него не было, верно?

— А черт его знает,—угрюмо отозвался Владимирский.—Особый случай... Я его не понимаю, совершенно не понимаю... Пол-то этот самый тоже исчез, а ведь Исаев все первые часы кричал про Пола и Мюллера...

— Не паникуй... Что это ты вдруг? Я прослушал его беседы с Валленбергом... Разделаемся с этим чертовым шведом, а Исаева потрясешь, не такие кололись. В конце концов получишь адреса, если такие остались в Америке... Ничего, мы рукастые, достанем... Да и потом у Лаврентия Павловича, мне кажется, появились какие-то особые виды на этого Исаева...

— Но ведь Валленберг отказывается брать на себя «Джойнт»... Он вполне популярно объяснил, что это такое, нельзя выставлять себя на посмешище.

— А мы сейчас и не будем жать на «Джойнт»,—ответил Комуров.—Сосредоточь внимание на его переговорах с гестапо, Эйхманом, он же этого не отрицает... И с Салаша... И, возможно, с товарищем Ласло Райком,—медленно добавил Комуров.—Да, да, с нашим коллегой из Венгрии...

— Что, плохо с ним?—осторожно заинтересовался Владимирский.

— И не только с ним одним... Его настоящая фамилия, кстати, Райх, он такой же венгр, как я эстонец...

— Тогда надо вводить еще одного человека в комбинацию...

— Вводи, дело закреплено за тобой.

— Я хочу посадить к Валленбергу нашего Рата.

— Резон?

— Хочу попробовать через него узнать, что Исаев написал Валленбергу, а тот сжевал...

— Думаешь, сможет?

— Попытка не пытка.

Комуров засмеялся:

— Э, нет, милый! Пытка—это попытка, а не наоборот!

— Товарищ генерал,—осторожно спросил Владимирский,—а если Лаврентий Павлович имеет виды на Исаева, может, не выводить его на процесс?

Комуров после паузы повторил задумчиво:

— Твое дело, дорогой, тебе и решать...

В тот же день Исаева перевели в просторную камеру с душем: его место занял Рат—окровавленный, в изорванной рубашке, в туфлях на босу ногу, в полубессознательном состоянии. Два дня Валленберг выхаживал «англичанина», потом тот рассказал, что от него требуют признания, что он ехал в Будапешт в январе сорок пятого на встречу с неким Райком и шведом Валленбергом, вез доллары.

Сидел он в камере Валленберга два месяца и расположил его настолько, что тот сказал: «Я соглашусь на процесс только в том случае, если получу свидание с матерью, шведскими дипломатами и адвокатами. И если они будут присутствовать в суде».

А на следующий день добавил фразу, которая сделала ясным, что Исаев написал ему:

— Иначе обвинение не получит свидетелей. Пусть тогда плетут что угодно, фарс и есть фарс.

...Аркадий Аркадьевич поздравил Рата с успехом, обнял, сказал, чтоб отдыхал неделю.

...Арестовали Рата в приемной Владимирского, отправили в одиночку; через месяц зашел Сергей Сергеевич:

— Рат, у вас одно спасение: рассказать на процессе все то, что вы говорили в камере. Впрочем, это спасение не только ваше, но и всей семьи: мы их сегодня забрали—связь с еврейскими буржуазными националистами...

...Валленберга вызвали на допрос через полчаса после того, как Владимирский предложил Исаеву переодеться в свой полковничий китель: «Едем встречать сына».

Заказал ему стакан кофе и сушки, сказал, что вернется через десять минут, и покинул кабинет.

Следователь, сопровождавший Валленберга, шепнул:

— Сейчас наконец вы встретитесь с тем, кто все эти годы курировал ваше дело. Постарайтесь договориться с ним миром, он человек крутой, но справедливый.

Следователь открыл дверь кабинета Владимирского, обменявшись стремительным взглядом с помощником, поднявшимся из-за своего бюро, пропустил Валленберга, встал у двери.

Валленберг увидел седого полковника, который медленно обернулся к нему, узнал Исаева, глаза его округлились, наполнились ужасом, он тонко закричал и, наклонив голову, бросился к окну.

Следователь и ворвавшийся помощник схватили Валленберга и, повалив его, начали крутить руки.

Исаев поднялся, схватил стул и со всего маху ударил им ложенного помощника по голове. Тот отвалился, Исаев взмахнул стулом еще раз, чтобы обрушить его на голову второго, но руку его вывернули, кабинет заполнился людьми, Аркадий Аркадьевич орал что-то, брызгая белой пеной, а потом Исаев потерял сознание от боли...

...Через три года в одиночку Исаева пришел высокий человек, явно загримированный и, тщательно скрывая акцент, спросил:

— Хотите знать, кто виновен в вашей трагедии?

Исаев безразлично молчал.

Человек в темных очках и с неестественно лыняной шевелюрой—парик, ясное дело,—протянул ему постановление ОСО на расстрел жены и сына с резолюцией Сталина.

Реакция Исаева была странной: он согласно кивнул.

— Конечно же, хотели бы отомстить?— усмехнулся человек.

— История отомстит,—ответил Исаев.— Человек бессилен.

Посетитель еще глубже сунул кулаки в карманы плаща и мягко заметил:

— Я попрошу, чтобы вам дали прочесть Горького. Найдете нужную фразу: «Человек—звучит гордо». Особенно советский человек. А не вы ли пример для советских граждан, полковник?

И, не дожидаясь ответа Исаева, вышел из одиночки...

...В салоне «ЗИСа», стащив с себя льняной парик и очки, Берия задумчиво сказал Комурову:

— Переведите его в хороший лагерь, где есть отдельные домики... Отхаживайте, как любимую... Если Рюмин или еще кто будут интересоваться, где он, а я это вполне допускаю, ответите, что вытребовали в мою «шарашку»... Познакомьте его с процессами над Трайчо Костовым, Ласло Райком и Яношем Кадаром... Подготовьте материалы о процессе над Сланским и Артуром Лондоном—с этим он был знаком лично, я не поленился потратить еще два дня на его личное дело... Вот и все. Приведите его в форму... Пусть говорит все, что хочет,—не записывайте ни одного его слова... Ла-

герь должен быть на расстоянии не более двух часов лета от Москвы: Исаев может понадобиться мне в любой день.

...Первые дни Исаев вообще не мог спать, снотворного не давали, только массировали.

Читал. Сначала не очень-то входил в текст, перед глазами стояли лица Сашеньки, Саньки, Валленберга, Пола, Никандро-ва, Ванюшина — они все время были с ним, в нем, перед ним...

Потом, однако, стал вчитываться: газеты давали все. И постепенно, перейдя от первых двух полос—фанфарных, торжественных, чуждых Началу,—к третьей и четвертой, он все больше и больше ощущал, что его, прежнего, нет уже; пуст; если что и осталось, то лишь одно—отчаяние. Оно было безмерным и величавым, как огромный океан в минуты полного штиля. Он запрещал себе нарушать этот океан отчаяния вопросами и ответами, он знал, что не сможет ответить ни на один вопрос; он не чувствовал в себе сил, воли и гнева, хотя именно гнев сокрыт в подоплеке отчаяния—затаенный, холодный, лишенный логики и чувства, чреватый таким взрывом, который непредсказуем так же, как и неотвратим...



ЗАБИВШИЙ в угол «паккарда», окруженного пятью «линкольнами» и «ЗИСами» охрану,

Сталин любил проноситься по узенькой горловине ночного Арбата, вырваться на Смоленскую и оттуда, на огромной скорости, словно танковая атака, занимать всю Можайку, отправляясь отдыхать на Ближнюю дачу.

Иногда, впрочем, он говорил начальнику охраны: «Хочу посмотреть людей».

Тот, как и все окружавшие генералиссимуса, обязан был понимать не слово даже, а намек, интонацию, паузу; генерал успевал дать команду по трассе—помимо батальона охраны, расквартированного в казарме, оборудованной в бывшем ресторане «Прага», на Арбат мгновенно перебрасывалось еще одно подразделение: люди в коричневых и синих драповых пальто стояли на расстоянии ста метров друг от друга, в поле взаимной видимости; снайперы занимали все отдушины на чердаках, генералиссимус мог ехать со скоростью сорока километров, улыбаясь обнимая своими желто-рысьими глазами прохожих, их лица, одежду, сумки в руках...

Однажды Георгий Федорович Александров, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК, предложил Сталину ознакомиться с совершенно секретными переводами дневников «колченогого»—так, с легкой руки Деканозова, в близком окружении Сталина звали рейхсминистра пропаганды Геббельса.

Сталин равнодушно кивнул на стол: мол, оставьте, будет время—погляжу, но не обещаю, занят...

Читал всю ночь, с трудом удерживая себя от того, чтобы не делать карандашных пометок (на «Майн кампф» наследил, не мог себе этого простить, тем более что экземпляр был не его, а Ворошилова, выпустил еще Зиновьев в 1927-м, для членов ЦК—«угроза № 1»; просить, чтоб вернул, нельзя, не преминет полистать, простован-то простован, а дока). Порою, хуже того, увлекшись, он делал отчеркивания ногтем, тюремная привычка; отучил, кстати, сокамерник Вышинский: «Коба, у вас крепкая рука, давите большим пальцем, очень заметно, охранка умеет работать с книгами арестантов (сидели в Баку), могут набрать на вас материалов, будьте осторожны».

Особенно интересовался церемониями встреч фюрера с нацией—Геббельс организовывал это артистически, особенно с деть-

ми и старушками, непременно в небольших городках; истинная легенда, которая останется в веках, рождается в сельской местности, город мгновенно поглощает все новости, растворяет их в себе; беспочвенность интернационального «асфальта» чревата потерей национальной памяти. Молодец Геббельс, смотрел в корень; если Петр учился у шведов, отчего нам не поучиться у немцев?

...Сталина заинтересовала эта глава потому особенно, что он в отличие от Гитлера, любившего зрелища, предпочитал держаться в тени; с одной стороны, он слишком хорошо знал русских, их сдержанность, в чем-то даже зажатость, а с другой—страшился разрушить ореол, созданный пропагандой: вместо высокого, широкоплечего русского военачальника и ученого—только поэтому Вождя—люди увидят рябого, плешивого, маленького человека с прокуреными зубами, седого и малоподвижного, страшась, что его может окружить тесная и душная толпа незнакомых ему людей.

Назавтра Александров заметил свою папку точно на том же месте; решил, что Сталин не прочитал; тот, увидев взгляд академика, усмехнулся:

— Как-нибудь в другой раз прогляжу... Спасибо... Можете взять, не было времени...

...По прошествии четырех лет Александров убедился, что Сталин эту папку с рецептами «как делать фюрера» прочитал. Поскольку его последние встречи с народом состоялись в конце двадцать девятого, когда он выехал в Сибирь во время трагедии с хлебозаготовками, пришлось время дать новую пищу для разговоров: для этого поэту Долматовскому позволили напечатать поэму о поездке Вождя на фронт, к солдатам,—рассчитано на интеллигенцию; в Поньях и Орле, предварительно нашигованных охраной, Сталин прошелся по улице возле станции, где работали строители: назавтра об этом знала вся Курская железная дорога; на шоссе из Сочи в Гаггу шофер его машины остановился возле мальчика (отдел охраны заранее подобрал русского, Кольо Саврасова; грузина, абхаза или армянина—их возле Адлера много—решительно отвели); в тот же день ликовало все Черноморское побережье.

Во время отдыха на своей скромной маленькой дачке возле Сухуми (всего семь комнат, кинопросмотровый зал и бильярдная) Сталин зашел в один из трехэтажных домов, где жила охрана, и, не обращая внимания на вытянувшихся по стойке «смирно» майоров и полковников, спустился в подвал, вспомнив, что туда покидали всю библиотеку, после того как сначала Троцкий, а потом Бухарин были выведены из Политбюро.

Провел он там часа два, не меньше; сидел на краешке какого-то скрипучего ящика, перечитывая Троцкого; испытывал при

этом непонятное самому ему чувство снисходительно-сострадающего восхищения стилем «врага-брата». Нашел бухаринский томик, написанный в двадцатом, «Экономика переходного периода»; тогда Врангель и Славев бросили клич: «Красных в плен не брать—земли нет! Вешать вдоль дорог без суда!» Именно он, Сталин, первым позволил Бухарину: «Великолепная работа». Ленин чуть покритиковал, но в общем-то одобрил работу «красного академика»; Троцкий усмехнулся: «Играем в якобинство? Ну-ну! Пора б думать о металле и железных дорогах, кои наши революционные «троглодиты» предлагают разрушить, поскольку их строили буржуи...»

...Вернувшись к обеду, сделал замечание начальнику охраны Власику: «Стоит ли держать мусор в доме? Молодые офицеры не знают истории нашей борьбы, начитаются без подготовки—черт знает что может в голову прийти...»

Той же ночью библиотеку погрузили на полуторки, вывезли в лес, облили бензином и сожгли.

Имени тогда он и подумал впервые: «Скоро стукнет семьдесят, а где мои теоретические работы? У Троцкого пятьдесят томов, у Бухарина было чуть ли не двадцать, а что у меня? Подоспело время готовить цикл теоретических трудов, где будут расставлены все точки над i».

Он любил думать впрок, не терпел спешки, своего любимца Мехлиса осаживал прилюдно: «Это ты в своем кагале кипятить и отдавая команды, мы, русские, любим неторопливую, солидную обстоятельность, запомни».

На торжествах, когда весь мир гулял его день рождения и Москва была иллюминирована ярче, чем на Первомай, он, слушая бесконечные речи о великом вожде, гениальном стратеге, лучшем друге, выдающемся ученом, брате и соратнике Ленина, поднимавшем на невиданную высоту его учение, несколько рассеянно оглядывая многочисленных гостей из-за рубежа, что привезли ему множество подарков, на какое-то мгновение отключился; надоела аллилуйщина; как чисто и высоко было в нашем храме в Тбилиси, как прекрасен был хор, когда мы возносили слова господу и купол вбирал в себя, давал им новое, иное звучание, отдельное от нас, сопрячаемое с вечностью, а не с брэнной плотью...

Глядя на затылок очередного оратора, бритый под скобку (чистый охотворядец, читал, не отрываясь от бумажки, написанной в Агитпропе и трижды утвержденной на Оргбюро, Секретариате и Политбюро, наверняка какой-нибудь дрессированный мужик из колхоза), Сталин вдруг явственно услышал голос отца Георгия, который говорил им, замеревшим в зыбком восторге семинаристам, литые, значимые Слова, а не дребедень, что болтают в этом зале: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть...»

Неожиданно для всех Сталин поднялся—как всегда норовил устроиться один где-нибудь в четвертом углу президиума, поближе к выходу,—и, балансируя, на цыпочках, стараясь не мешать оратору, покинул зал.

Он вошел в комнату, где были накрыты столы с бутербродами, водкой, минеральными водами, вином и коньяком, не обратив внимания на выткнувшихся официантов и нескольких членов президиума, вышедших перекурить,—сидели уже третий час, а конца-краю чествованию не видно.

Ни к кому не обращаясь, Сталин спросил, где телефон; официант и подбежавшие офицеры личной охраны повели его к маленькому столику; он снял трубку, набрал три цифры, но услышал гудок и одновременно голос помощника начальника личной гвардии:

— Товарищ Сталин, это не «вертушка»... Это городской телефон.

— Зачем же меня сюда вели?—Сталин был раздражен и нетерпелив.

Он, видимо, хотел спросить, где правительственный телефон, но потом досадливо махнул рукой и вернулся на сцену, встреченный бурной овацией, что окончательно вывело его из себя; заставив себя улыбнуться, огладил усы и, подняв руки, попросил всех садиться; легко отключился, когда возникла пугающая тишина,—остался сам с собою, отрешился от суеты, именно в этот момент и понял, что первая фраза, которую напишет в своем теоретическом труде, будет перчаткой, вызовом Троцкому, да и тем читателям, которые хоть что-то помнят: «Ко мне обратилась группа читателей из молодежи с просьбой высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания...»

Сталин ничего не слышал, кроме своего глуховатого голоса.

Фразу, родившуюся столь стремительно (такого раньше не бывало, он по десять, двадцать раз правил тексты речей во время борьбы за власть), обматривал со всех сторон, выверял интонационно, разглядывал со стороны, любовался ею, словно мать новорожденным.

«Отлито; лучшего быть не может,—сказал он себе.—Слово—начало начал Бытия: именно Слово, Язык, существовавший всегда; и Маркс, и Ленин бежали этого парадокса, они норовили все подмять под производство, станки, науку, то есть Базис. Что ж, мне придется вернуть Слово его изначальный основополагающий смысл... Реальных благ в ближайшем обозримом будущем мы русским не дадим. Что ж, вернем высший смысл Слова—Проповедь... Никого так просто не уговоришь, как русских, им я и передам примат Слова—отныне, присно и во веки веков... Кто только воспользуется моим Откровением?—горестно подумал он, пробежав невидящим взглядом по затылкам и плешинам своих соратников.—Из тех, кто здесь, — никто. Надежда. Ничего. Подождем... И начнем готовить реальную смену—вот что главное...»

...Через несколько дней Академия наук внезапно глухо зашевелилась; была создана секретная группа подготовки; Митин нажимал на президента: «Срочно!»; институт,

отданный филологу Виноградову, делал «языкознательские заготовки»—все это шло на стол Сталину.

Приученный жизнью к нетерпеливости, к тщательной подготовке удара, от которого противнику не подняться—иначе не стоит бить, рискованно,—Сталин, расклевывая академические заготовки, которые должны стать фундаментом его теоретического труда «Марксизм и вопросы языкознания», после десятого, по крайней мере, прочтения внезапно почувствовал какое-то неудобство, словно новый башмак жал (Майский рассказывал, что британские аристократы дают своим слугам носить новую обувь; появляться в новых туфлях — дурной тон: истинный аристократ подчеркивает, что носит старые вещи,—чем человек богаче и могущественней, тем меньше он обращает внимания на одежду; рассказ-намеки своего посла Сталин запомнил; следовало во всем, хоть и дал санкцию на арест).

Он отложил работу, уехал на дачу, много гулял, смотрел фильмы, вырезал цветные фотографии из «Огонька», устроил стол, пригласил Берия, Маленкова и Булганина, был по-прежнему рассеян, анекдоты слушал невнимательно и лишь назавтра понял, что жало.

Три раза в академических заготовках его будущего текста прямо-таки грохотало: «Октябрьская революция...»

«В Октябре была не революция»,—медленно выдавливая слова, сказал он себе, внезапно испугавшись закончить фразу, которая подспудно, безязычно, но образно, зримо жила в нем многие годы, разрывая душу; как же мучительно было бороться с собою самим, запрещая услышать те слова, которые, оказывается, давно жгли сердце. «Революция—реальна; в Октябре хаос,—произнес он.—В Октябре был переворот! Истинная революция, уничтожившая дремучесть русского мужика, поставив его под контроль соседа, сына, бабки, Павлика Морозова, панферовских героев, комиссаров Багрицкого—то есть власти, вернувшая его в привычное состояние общинной круговой поруки,—поди не поработай!—была проведена им, Сталиным, в тридцатом году, когда он, Сталин, осуществил реальную Революцию Сверху!»

...Он вычеркнул во всех заготовках учених «Октябрьская революция», заменив «Октябрьским переворотом».

Ленин был взрывной силой нации, организатором разрушения, он же, Сталин, свершил Революцию Созидания—уникальную, единственную в своем роде.

Ленин считал основоположением марксизма Базис и Надстройку.

Он ошибался. Он был идеалистом, никогда до конца не понимавшим русский народ.

Сейчас, после войны, когда поднялось национальное самосознание, не Базисы нужны русским и не Надстройки, а признание величавости и неизбежности их Духа — то есть Языка.

И Сталин, ощущая значимость каждого своего жеста, поступка и слова, вписал: «Сфера действия языка гораздо шире, чем сфера деятельности надстройки...»

По прошествии недель сделал еще одну правку: вспомнив Вознесенского, Кузнецова и всю эту ленинградскую группировку, он решил раз и навсегда теоретически отрезать Север России от ее «исконной» сущности: «Некоторые местные диалекты могут лежать в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курсско-орловская «речь») русского языка, который лег в основу русского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них...»

Поскольку, считал Сталин, этим пассажем он подводил черту под возможностью появления какой бы то ни было «русской автаркии» вознесенско-кузнецовского плана (отныне лишь курско-орловская речь будет истинно русской, а она триста лет под игом страдала,— с нею легче, с такими просто управляться; даже Иван Грозный не истребил до конца северный новгородский дух, а сколько веков прошло), он дал указание секретариату предусмотреть включение этого пассажа в его ответ на письмо какого-нибудь национала.

Просмотрев письма тех филологов, что были заранее утверждены Агитпропом, Сталин не без раздражения заметил:

— Что вы мне сплошную аллилуйщину подсовываете? Неужели дискуссия по ключевому идеологическому вопросу о сути и смысле слова проходит так скучно и серо, что нет любопытных писем?

Поскольку Маленков тщательно муштровал аппарат в том плане, чтобы наверх поступало как можно меньше «негативной информации» (определил пятнадцать процентов как максимум), отдел писем тщательно фильтровал поступающую корреспонденцию.

Однако когда от Хозяина поступил запрос на «острые отклики», вездущий академик Митин (Сталин как-то пошутил: «Говорят, у Гитлера были «экономически полезные евреи»—тех не жгли, до времени использовали: надо бы и нам поставить штамп в паспорте Митина «идеологически полезный еврей»... В случае маленького погромчика это будет служить ему надежной защитой, особенно если подпишут Шкирятов с Суловым, их прямо-таки распирает от пролетарского интернационализма») сразу же передал письмо от Белкина и Фурера—явно задиристое, на таком Сталин выпится, он большой мастер до-бывать...

Получилось, однако, не совсем так.

Белкин и Фурер, восхищаясь (так положено) гениальной работой великого Вождя, поставили вопрос: а как быть с глухонемыми? Поскольку великий Сталин разъяснил советскому народу и всему прогрессивному человечеству все, относящееся к грамматике, словарному фонду и семантике, вывел гениальный закон о том, что мысли возникают лишь на базе языкового материала, опрокинув таким образом низкопоклонного аракеевского идеалиста, псевдофилолога Марра, остался нерешенным лишь

один маленький вопрос, связанный с глухонемыми. Ведь они не имеют языка?! На какой же базе возникают их мысли? Всегда, во все века, в любые общественные формации, как явствует из указания товарища Сталина, сначала было слово и лишь на его базе появлялись мысли. Вне слова нет мысли. Как спроецировать это гениальное открытие великого Сталина на убогих? А ведь их миллионы! Может ли самое демократическое общество на земле игнорировать этих несчастных?

Сначала Сталин взъярился, швырнул письмо Поскребышеву: «У меня нет времени заниматься психологией идиотов!»; потом, однако, вспомнил, что сам просил чего-то острого, без аллилуйщины и надоевших славословий.

Недели полторы Сталин обдумывал сокрушительный ответ, составленный из рубленых, разящих фраз, а потом написал своим четким, безукоризненным почерком: «Вы интересуетесь глухонемыми, а потом уж вопросами языкознания. Видимо, это и заставило вас обратиться ко мне с рядом вопросов. Что ж, я не прочь удовлетворить вашу просьбу. Итак, как обстоит дело с глухонемыми? Работает ли у них мышление, возникают ли у них мысли? Да, работает у них мышление, возникают у них мысли. Ясно, что, коль скоро глухонемые лишены языка, их мысли не могут возникать на базе языкового материала...»

Когда Сталин показал этот ответ на заседании ПБ, все восторгались, подчеркивая при этом поразительную, разящую логику Иосифа Виссарионовича.

Тот рассеянно ходил по кабинету, не очень-то слушая членов Политбюро; в голове, однако, все время вертелось возражение самому же себе: «Но если я допускаю Мысль вне Слова, то, значит, прав Марр? А пусть,—вдруг озорно подумал он.—Пусть. Я подчинюсь Политбюро, их хвалебным отзывам, начекаю ответ; посмотрим: кто в стране посмеет возразить или хотя бы отметить несоответствие, противоречивость моего ответа... Не посмеют ведь... А с тем, кто решится, следует встретиться, послушать; я совершенно отучился видеть людей, которые хоть в чем-то перечат мне, а это плохо, лишает мысль необходимой активности в защите. В этом кабинете меня все хвалят, газеты хвалят—хотят, чтобы я расслабился?! Им всем мое кресло не дает покоя...»

Поразмышляв об этом, Сталин решил не торопиться с тем, чтобы отправлять рукописи членам Политбюро; пусть пока читают отрывки, полностью отправлю позже, когда получу информацию, что они говорят о моем труде дома... «Что они говорят дома?—он переспросил себя раздраженно.— Гений и мудрый вождь, вот что они говорят дома! А мне надо знать, что они думают! А мне не дано, потому что, когда на скамью подсудимых сядут Молотов, Микоян и Ворошилов, их показания снова, как и Пятакову с Радеком, придется писать мне— в камере все совершенно теряют чувство достоинства и здравого смысла...»

Поскольку Сталин еще во время войны решил отменить самое понятие «большевизм» (оно слишком уж связывало партию с Лениным, лишало ее державной заземленности, которая куда как надежней синагогальных дразг лондонского и иных съездов, особенно сейчас после победы, когда встали задачи по реальному включению всей Европы в орбиту новой социальной структуры, основоположением которой является Русь), он акkuratно вписал пассаж о том, что империи Александра Великого, Кира и Цезаря не могли иметь общего языка, однако есть «те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки»...

Прикидку собранной рукописи Сталин, как это было заведено с ленинских времен, пустил «по кругу», разослав членам Политбюро; снова ожидал хоть одного воспитательного знака на полях: «Какая империя имеется в виду? Британская? Но ее нет более. Значит, Российская?..», «Почему «Октябрьский переворот»? Так о нас писали белогвардейцы».

Никто, однако, не сделал ни одного замечания, лишь восторженные отклики!

Писали членам ПБ их помощники, сами не могут, а какой помощник рискнет подставлять своего шефа?! Вот он, механизм, которому отданы годы труда, вот она, Система, которая гарантирует единство равных при беспрекословности Суда Первого!

...Когда книга вышла, была переведена на все языки мира и введена в курсы всех университетов, Сталин, полистывая свой труд (уже привык к тому, что писал он, тех, кто готовил, попросту вычеркнул из памяти), вдруг наткнулся на фразу: «Язык умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка».

Как обычно, Сталин позволил себе услышать эту фразу, полюбоваться ее безапелляционной чеканностью, а потом вдруг резко поднялся с тахты: «А латынь?! Или древнерусский?! Это же бред какой-то! Языки живы вне общества!»

Он сразу достал папку с «нарезками» — был убежден, что этот идиотизм вписал в текст какой-то враг; со внезапной усталостью увидел свой карандаш; сам писал; «Ни один из академиков не посмел сказать, что это абракадабра... А кто виноват? Я, что ли? Их рабский характер виноват, их врожденный страх виноват, не я!»

Позвонил министру государственной безопасности и попросил подготовить к утру (было уже около четырех, скоро рассвет) документы с негативными отзывами наиболее ярых антисоветчиков по поводу брошюры «Языкознание».

...Министр тут же поехал к себе, поднял на ноги заместителей, но, ознакомившись с отзывами, понял, что Сталину, во всяком случае лично он, их не понесет. Как он может положить на стол генералиссимуса, например, такое: «В условиях сталинской темницы, при невиданной в истории человечества личной диктатуре, когда люди вынуждены со слезами показного счастья называть «день» «ночью», а «зло» «добром», как может «коммунистический император»,

истребивший цвет страны, терпеть высказывания академика Марра о том, что «язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом... Будущий язык—мышление...». Как может терпеть подобное Сталину, который запрещает самое мысль, расстреливает выдающихся ученых России, провозглашает бионику «мракобесием», кибернетику—«происками еврейских космополитов», а генетику—«заговором мирового снонизма»?! В принципе мы можем радоваться этому, ибо Сталин зримо доказал, что коммунизм лишен какого бы то ни было здравого смысла, если запрещает разрабатывать первооснову военной науки—кибернетику, однако мы не можем не сострадать великому Народу, попавшему в лапы тирана...»

Дальше министр читать не стал, сказав себе, что он не в силах видеть гадость завистливых интриганов, купленных американской разведкой; приказал подобрать отзывы из леворадикальной прессы — коммунистические газеты Сталина бы не устроили, он потребовал абсолютно «нелицеприятную информацию». Кое-как настригли.

Сталин приехал на работу раньше обычного, не к часу, а в двенадцать; кивнул министру, взял у него из рук папку и бросил:

— Ждите указаний.

Тот ждал указаний до пяти вечера, когда Сталин решил перекусить; вышел сосредоточенный; удивился:

— А вы тут что делаете? Я же сказал—спасибо, вы свободны...

...Более всего Сталина умиротворили слова в статье итальянского журналиста, который, приводя его, Сталина, пассаж о том, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», подчеркивал, что генералиссимус показал ученым в России, чересчур перегибавшим палку в плане критики Менделя и Моргана при явном попустительстве Жданова, претендовавшего на роль идеолога, кто на самом деле является истинным мыслителем России. Именно Сталин не просто не глушит критику, как это делал Жданов, а, наоборот, бесстрашно зовет к ней—вот образец мудрой государственности, преподанный тому же Белому дому, погрязшему в охоте на ведьм; «один—ноль в пользу Джузеппе Сталина; коммунистический выпускник семинарии дает фору политикам со светским образованием...».

...А действительно, подумал Сталин, наше, семинарское, истинно теологическое образование было значительно глубже и в чем-то практичней гуманитарного, хотя нас приучали к таинству общения с вечными постулатами, а светская школа давала достаточно широкий разброс знаний, но без той одержимой систематичной сосредоточенности, которой от нас требовали.

...Никогда ни в одном из своих выступлений Сталин не задира л зло ни веру,

ни религию, позволяя себе порою чуть тронуть «боженьку», да и то в фольклорном смысле, понятном народу, которым он безраздельно правил. (Тем не менее священников, истинных подвижников Веры, бросал в тюрьмы, безжалостно гноил в лагерях, расстреливал.)

Если бы я сел на скамью исторического или юридического факультета, признался он себе как-то, не видать мне как своих ушей ни победы над оппонентами, ни, как следствие этого, партийно-государственного лидерства. Мне противостояли все—все без исключения члены Политбюро Ленина и большинство его ЦК, с изумлением думал он, порою не веря себе самому, а сейчас они стали шпионами, диверсантами, врагами народа, осведомителями гестапо; такими и останутся на века в памяти русских.

Что дало мне силу молчать, когда блистал Троцкий? Таиться, пока в Кремле правили Каменев с Зиновьевым? Как я понял, что настало мгновение готовить Каменева и Зиновьева к удару против Троцкого, пугая их тем, что он, герой Октября, председатель Петросвета и Военно-Революционного Комитета, рано или поздно свалит их, ленинцев, чтобы стать во главе партийной пирамиды и подменить учение Старика своим, вполне оформившимся; троцкизм был весьма популярен в Италии, Германии, Франции, Мексике—особенно после введения нэпа: «шаг назад от революции»...

Мне были видения, думал Сталин; мне был голос божий, иначе моя победа необъяснима; всем этим крикам о моей гениальности—грош цена, посади на мое место остолопа, и его будут славословить. Да, было Откровение.

Он никогда не мог забыть, с каким блеском Каменев и Зиновьев раздавили Троцкого на тринадцатом съезде партии—первом, который проходил без Старика. Троцкий тогда предупреждал, что РКП(б) на грани кризиса, рождается партийная бюрократия, цифры и отчеты подменяют жизнь, тасуется колода одних и тех же бюрократов, в то время как главной ставкой партии должна сделаться молодежь, особенно студенческая, то есть та, что, кончив гражданскую войну, по ленинскому призыву решила учиться, учиться и еще раз учиться.

Сталин вспомнил, как он тогда легко подшлифовал антитроцкистский погром, учиненный «его еврейями», заявив себя при этом мастером «товарищеских компромиссов». В угоду Каменеву и Зиновьеву, которые требовали привлечения в ЦК как можно больше рабочих и «упрочения» Политбюро за счет именно русских товарищей, знающих деревню не понаслышке, он поднял Бухарина и Рыкова: «вот монолитное единство истинных ленинцев». В то же время Троцкого попросил сосредоточиться не только на армии, но и на металлургии и концессионной политике—сделал это уважительно, по-товарищески, обращаясь не как к равному, но как к признанному лидеру.

А сразу же после этого провел тайное совещание с Бухариным и Рыковым: «Каменев и Зиновьев никогда не смоют с себя октябрьского пятна, к тому же они внутренне страшатся справногo мужика и нэпа, не пора ли вам, интеллектуалам и практикам ленинизма, брать на себя тяжкое бремя власти?»

И снова мне было видение, подумал Сталин. Сам бы я не смог так точно рассчитать время. Это был голос свыше. Теперь можно признаться себе в этом... Я нашел самые нужные слова: «берите на себя бремя власти». Я? Ничего я не нашел... Я лишь произнес то, что было угодно тому, кто вел меня тогда и ведет поныне...

Через год Бухарин обрушился на Каменева и Зиновьева; Сталин и Троцкий заняли выжидательную позицию: «два выдающихся вождя современного ЦК» сидели в президиуме рядом, пару раз перебросились записками, пару раз обменялись вполне корректными репликами; в это же время Бухарин, Рыков, Ярославский и Каганович за капывали Каменева, Евдокимова и Зиновьева при молчании Троцкого и беззащитной попытке Надежды Константиновны спасти старых друзей Ильича...

На следующем съезде Троцкий вошел в блок с Каменевым и Зиновьевым, но было поздно уже—торжество Бухарина, отстаивающего справногo мужика и нэп от нападков «леваков», было абсолютным, линия Бухарина—Рыкова—Сталина победила.

И сразу же после этого тайные эмиссары Сталина—после того, как Троцкий был выслан в Турцию (пусть мусульмане поживятся горячей еврейской кровушкой)—встретились с Каменевым и Зиновьевым: «Да, товарищи, в чем-то вы были правы, выступая против мужичкогo уклона, однако никто не мог предположить, что Бухарин и Рыков так открыто отклонятся вправо, время действовать; Сталин один бессилен, начинайте атаку в партийной прессе».

...Когда Бухарин и Рыков были ошельмованы и выведены из ПБ, Сталин почувствовал себя наконец на Олимпе—слава богу, один! Все, кто окружал его теперь в Политбюро—Молотов, Ворошилов, Калинин, Каганович,—были послушным большинством; с Серго и Микояном можно было ладить, поскольку их перевели на хозяйственную работу; пусть себе, это не аппарат... Один, слава богу, один, руки развязаны наконец... И он начал Революцию Сверху—«сплошную коллективизацию», вложив в нее все то презрение к народу, который подчинился ему, как грубо изнасилованная женщина—садисту.

...Именно в тот день, когда Сталин вспомнил ненавистно любимую им семинарию, по спискам, утвержденным им, было расстреляно еще двести сорок человек, среди них двенадцать докторов наук.

Трое умерли с истерическим криком:
— Да здравствует товарищ Сталин!

По существовавшим тогда порядкам залп можно было давать лишь после того, как приговоренный к смерти закончит здравницу в честь Вождя.



ВОЗНЕСЕНСКО-ГО пытали изощренно, днем и ночью; порою попросту отдавали молодым стажерам, чтобы те отработывали на бывшем члене Политбюро, портреты которого они еще год назад проносили в дни всенародных празднеств по Красной площади, приемы самозащиты без оружия.

Он тем не менее все обвинения категорически отрицал.

Абакумов наконец вызвал его к себе — после пяти дней, проведенных Вознесенским в госпитале; приводили в порядок лицо и массажировали распухшие пальцы.

— Послушайте, Вознесенский, — заговорил он устало, с болью. — Я не знаю, для кого большая пытка разговаривать сейчас: для вас или для меня, ранее перед вами преклонявшегося. Улики неопровержимы, вот вам дело, саднитесь и читайте, там показания членов Ленинградского бюро, допросы председателя Российского правительства Родионова. Первые подтверждают, что они фальсифицировали результаты партконференции по прямому указанию Кузнецова, который согласовал это с вами. Факт подтасовки бюллетеней бесспорен, все это есть в деле, — Абакумов кивнул на гору папок. — Я нарушаю закон, знакомя вас с делом, которое еще не закончено... Процесс начнется не раньше, чем через полгода, слишком много фигурантов — разветвленный заговор великорусской группы...

— Не было никакого заговора, — сухо ответил Вознесенский. — Не было никакой фальсификации на выборах: либо это работа ваших провокаторов (работали провокаторы Комурова, Абакумов об этом не знал), либо желание следовать политике «показухи», которой поражена вся страна, как раковой опухоли. Смотри, Виктор, это дело может оказаться твоим последним — тебя после него уберут, как убрали Ягоду и Ежова... Подумай... У тебя в руках сила...

Абакумов, сделавшись серым от ужаса и ярости, грохнул кулаками по столу:

— Скотина паршивая! Ты меня агитировать вздумал, контра! Я тебе поагитирую...

Через час Вознесенского вывели из тюрьмы — в легком костюме, шелковой сорочке, разрезав повязать галстук, — и посадили в «ЗИС». Рядом с ним сидели охранники в тулупах: мороз был восемнадцать градусов, деревья покрыты голубоватым инеем, небо бездонное, голубое.

Вознесенского привезли на Красную Пресню, на ту ветку, что шла к пересылке, и пересадили на открытую дрезину; по бокам устроились охранники; у одного на коленях лежал тулуп и меховая шапка; второй держал валенки, в которые были всунуты две бутылки водки, обернутые чистыми бланками допроса.

Полковник, ожидавший Вознесенского возле дрезины, сказал:

— Покажитесь, поглядите, как хорошеет столица... Когда почувствуете, что превращаетесь в ледышку, подпишите бланк допроса. Вас немедленно напоят водкой, оденут в тулуп и валенки, отвезут в госпиталь. Не подпишете — ваше дело...

Кузнецову, бывшему секретарю ЦК, избитому, окровавленному, высохшему, устроили встречу с женой в кабинете Маленкова.

Есть ситуации, которые неподвластны слову, их нельзя описать — это удел скульптуры или музыки: выразить неопишемый ужас происходившего.

Когда встреча кончилась, Маленков сказал:

— От вас зависит все: признаетесь — спасу! Нет — не взыщите. Условия не мои, а товарища Сталина.

Через несколько месяцев Абакумов был арестован по обвинению в потворстве «великорусской оппозиции» во главе со злейшим врагом народа Вознесенским и его подручным Кузнецовым. Следователи выбивали из Абакумова показания про то, когда впервые секретарь ЦК Кузнецов потребовал у него дела, связанные с расследованием обстоятельств убийства Кирова, и отчего готовил свой план повторного изучения «загадочной», как он говорил, «трагедии».

Второе обвинение заключалось в том, что Абакумов, получив устные показания от «агента еврейской шпионской группы «Джойнт» доктора Гелиовича» о главном враче Боткинской больницы профессоре Шимелиовиче и консультанте Лечебно-санитарного управления Кремля профессоре Эттингере, расстрелял их, чтобы оборвать нити следствия, которые должны были привести к выяснению истинных обстоятельств гибели товарищей Шербакова и Жданова, умерщвленных еврейскими националистами, которые не могли простить великому сыну советского народа товарищу Жданову героической борьбы против еврейских космополитов.

Абакумов, подвергнутый пыткам, держался стойко, кричал в ярости:

210

— Про Кузнецова не знаю! А «Джойнт» — по-английски «объединенный»! У них даже в компартии написано «джойнт сентрал комити»! Я ж Валленберга по стене из-за этого размазывал, он мне все объяснил! Я и велел «джойнт» убрать, чтоб не засмеяли! Наши-то всему поверят, а американцы от хохота перемрут! Я жидовню проклятую больше вас ненавижу, но ведь их по-умному надо уничтожать, а не топором! Гитлера забыли, да? Урок не пошел впрок?!

Сразу после окончания Девятнадцатого съезда партия перестала называть себя большевистской, интернациональной, а стала государственной. Молотов и Микоян не были введены в Бюро Президиума ЦК. Новый министр госбезопасности Игнатьев начал готовить дело на Ворошилова — «английского шпиона». Сталин, как всегда, ничего не называл своими именами; в беседе с Игнатьевым вспоминал Троцкого и Склянского, с юмором рассказывал о стычках с Серебряковым — они вместе защищали Москву в девятнадцатом году, два представителя ЦК: один, Серебряков, был тогда секретарем ЦК, второй — наркомнацем, но оба являлись членами Военного совета фронта, — дивился тому, как Троцкий («Надо отдать ему должное, армию держал в руках, хоть и драконовскими репрессиями») оказался завербованным гитлеровцами. «Парадокс истории»; впрочем, история нескончаема; «наш Клим, например, и сейчас взахлеб говорит о том, как блистательно работают англичане в Израиле, как умело закрепляются в Бирме, сколь сильны их позиции в Канаде и Кении... Прямо как член их парламента говорит, а не как русский».

Зная от сталинской охраны, что Сталин неоднократно называл Ворошилова «английским агентом», давно не принимал его, Игнатьев понял, что угодно Вождю; начал работу.

Проанализировав все эти факты, особо сосредоточившись на том, что на съезде было только шесть процентов делегатов от колхозного крестьянства (в основном руководители совхозов и колхозов) и восемь процентов от рабочего класса (Герои труда, обкатанные на предыдущих совещаниях сталевары, ткачихи, имена которых были на слуху у народа), Берия понял, что Сталин совершенно потерял основополагающие ориентиры: если восемьдесят шесть процентов делегатов представляли новый класс — партийно-государственную бюрократию, то как можно в дальнейшем говорить о «партии рабочего класса и трудового крестьянства»? Фикция! Русские хоть и терпеливы, но глухой протест теперь фиксировался органами не только в деревнях, но и повсеместно (в Донецке на монумент — на голову Вождя — надели ведро с мазутом; в Москве, Киеве и Ленинграде в парадных и на стенах домов — во дворах, к счастью, — расклеивались листовки, призывавшие к борьбе за ленинизм, против «кровавого тирана», предающего идеи демократического социализма); не сколько раз в Салехардские концлагеря, в Тайшетлаг, Джезказган, Молотовский каторжный комплекс, в Комилаг приходилось

десантировать дивизии: восстания зеков приобретали все более организованный характер, чувствовалась рука арестованного генералитета и высшего офицерства.

Когда Абакумов (за три дня перед арестом) доложил, что производительность труда в концлагерях резко падает, заключенные по-прежнему мрут от голода, Сталин, опросив мнение членов Политбюро и не получив удовлетворившего его ответа, обратился к Абакумову:

— Ваше предложение?

Тот ответил:

— Товарищ Сталин, если мы уберем десять процентов заключенных, тогда норма питания автоматически увеличится, работа пойдет успешнее.

— Что значит «уберем»? — Сталин остановился посреди кабинета, упершись взглядом в лицо Молотова. — Отправите по домам, что ли?

— Нет, — ответил Абакумов, — я должен получить санкцию на ликвидацию больных и наиболее истощенных.

— Не ликвидацию, — по-прежнему не отрывая взгляда от Молотова, жена которого сидела в концлагере как «еврейская националистка», — а расстрел. Нет смысла танцевать на паркет, здесь не бал, а Политбюро... Приучитесь называть вещи своими именами, пора бы... И не больных надо расстреливать, а наиболее злостных врагов народа, диверсантов и шпионов... Больные и сами помрут... Десять процентов многовато, а пять процентов достаточно. Как, товарищ Молотов? Согласны?

— Да, товарищ Сталин, с-согласен, — ответил тот, занекаясь больше обычного.

Берия понимал, что после предстоящего ареста Молотова и Ворошилова из тех вполне могут выбить показания и на него с Маленковым.

Поэтому через неделю после ареста Абакумова он отправился к Сулову. Затем, посоветовавшись с Хрущевым, которого Старец перевел в Москву первым секретарем горкома, — чего мужика бояться, не конкурент, образование не позволяет, но в раскладе сил необходим, врубит, если надо, от всего сердца — Берия поехал к Маленкову.

— Егор, я поглядел абакумовские дела с врачами, которых он прикрывал, и пришел в ужас: а если еврейские демоны решат мстить нам и обратят свой удар против товарища Сталина? Ты представляешь себе, что постигнет нас, родину, мир, наконец?

Маленков поднялся из-за стола:

— Неужели они могут пойти на такое?!

— Ты считаешь невозможным? Тогда я снимаю вопрос. Просто я не мог с тобой не поделиться... Все-таки Иосифу Виссарионовичу за семьдесят, мы должны беречь его, как отца...

— Нет, нет, хорошо, что ты поднял этот вопрос... Что надо предпринять?

Берия, готовясь к этому разговору, заранее просмотрел все материалы, связанные с болезнью Ленина, когда Политбюро поручило генеральному секретарю Сталину лично и чью ответственность за лечение Ильича.

Наученный читать не только строки, но и типичные византийские междустрочья, Берия многое понял, лишний раз испугавшись вседозволенного коварства Старца...

— Предпринять можно одно: провести на Политбюро решение о твоем назначении на пост ответственного за состояние здоровья товарища Сталина.

Маленков долго смотрел в бесстрастное лицо Берии, выражения глаз маршала понять не мог, бликовали стекла пенсне, потом ответил:

— Я завтра же внесу на Политбюро предложение о придании тебе функции лично отвечающего за состояние здоровья Иосифа Виссарионовича...

...Что и требовалось доказать!

Когда решение состоялось (все проголосовали «за» при одном воздержавшемся — Сталине: «Я себя отлично чувствую, зря вы это затеяли», но при этом смотрел на Маленкова с добротой), Берия встретился с Комуровым и сказал во время прогулки по аллеям Серебряного бора:

— Включай в работу того самого следователя... Как его? Забыл фамилию... Ну, ты его взял «на подслухе», ои Гитлера хвалил...

— Рюмин, — сказал Комуров, — подполковник Рюмин.

— Ты от него отодвинься, — заметил Берия, — чтоб никто и никогда не прочитал никаких твоих с ним связей... Передай кому-то из новых игнатьевских ребят... Не сам, а через третьи руки...

— А в какую работу его включить? — спросил Комуров.

Берия ответил не сразу, сунул кулаки еще глубже в карманы пиджака, несколько минут шел молча, в трудном раздумье, потом спросил:

— Кто у тебя есть из надежной агентуры в Кремлевке? Из врачей, работающих там постоянно?

Комуров начал неторопливо перечислять, загибая короткие пальцы.

— Евреи не годятся, — внимательно выслушав его, заметил Берия. Попросил рассказать о каждом подробнее; слушал вбирающе, замерев. — А вот эта твоя Тимашук... Она кардиолог?

— По-моему, сидит на электрокардиограммах.

— Годится... Кто ее вербовал?

— Абакумовцы.

— Прекрасно. Подведи к ней кого-нибудь из не посаженных еще абакумовских парней, и пусть они поработают с ней, пусть подскажут, как написать письмо в МГБ, что в Кремлевке действует банда врачей-убийц, еврейский заговор против членов Политбюро, а в основном против товарища Сталина.

Берия заметил, как Комуров, обычно краснолицый, побледнел, понизил голос:

— Кого называть? Поименно? Или вообще?

— Кто тебя в Кремлевке лечит?

— Постоянно Коган... Горло ведет Преображенский... Егоров консультирует...

Берия поморщился:

— Нужны евреи. Коган, его брат, мой доктор — Фельдман, брат Михоэлса профессор Вовси, профессор Зеленин, тоже ев-

рей, кстати... Но — тебя нет во всем этом. Ты — человек-невидимка. Недреманное всевидящее око. Донесение этой самой Тимашук должно попасть в руки Рюмина... Твои люди, имеющие на него влияние, помогут ему сочинить письмо Сталину... Мне — ни в коем случае. Только копия... Срок даю минимальный. Как себя ведет министр Игнатьев в последние дни?

Комуров усмехнулся:

— Пообещал научить всех нас работать без белых перчаток...

— Это в связи с чем?

— Лозовский, Перец Маркиш, Бергельсон, Фефер, словом, Еврейский антифашистский комитет...

— Верно, — Берия кивнул, — хозяин топтит, да и костоломам не терпится вкушать дымными кровушками...

Через неделю все члены Антифашистского комитета во главе с членом ЦК Лозовским были расстреляны без суда; стихотворение Квитко «Анна Ванна, наш отряд хочет видеть поросат», напечатанное во всех школьных хрестоматиях, было предписано заклеймить куском белой бумаги, зачеркнув предварительно строки тушью.

Через три дня Сталин согласился принять врачей из Санупра Кремля; профессор Виноградов (Вовси более к вождю не подпускали) сказал то, что ему порекомендовал «старый друг», личный агент Берии (из его «золотого фонда»): «Товарищ Сталин, я не вижу особых отклонений от нормы, но вам необходим длительный отдых, по крайней мере два-три месяца».

Сталин прореагировал на эту рекомендацию спокойно (в кругу друзей называл Виноградова «куци-куц» — у профессора была такая постоянная присказка), сказал об этом Берии, заметив, что, видимо, поживет на Рише; начал собираться в дорогу. Однако через два дня позвонил в четыре утра: Берия не спал, сидел у аппарата, звонка этого ждал, ибо получил информацию, что письмо Рюмина о врачах-убийцах передано Поскребышеву.

— Немедленно приезжайте ко мне, — сухо, с трудно сдерживаемой яростью сказал Сталин.

Берия знал, что деспот в Кремле; когда вошел в кабинет, тот — пожелтевший, осунувшийся за день — заинтересовался, подчеркнуто выделяя местоимение «вы»:

— Откуда вы знали, что я здесь? В это время я обычно бываю на Ближней!

Берия похолодел: если сказать, что звонил на дачу, Сталин спросит, с кем разговаривал, конец, провал; ответил поэтому полуправдой:

— Мне бы позвонили, товарищ Сталин... Мне звонят, когда вы уезжаете...

Сталин кивнул на две странички, лежавшие на совершенно пустом огромном столе для заседаний:

— Прочтите.

Берия внимательно прочитал текст, который знал наизусть, ибо Рюмину помогли сочинить его «верные люди».

Сыграл ярость, ударил кулаками по столу, вскочил со стула:

— Я их завтра же поставлю к стенке!

— Э, нет, — очень тихо, злобно, стараясь не сорваться, проговорил Сталин. — Сна-

211

чала эта сволочь будет арестована, пройдет круги ада, скажет всю правду, а потом уж выведем на процесс... Все. Идите. Не вы, а патриот России Рюмин раскрыл заговор... Рюмин, простой следователь, а не вы,—Сталин брезгливо заключил, — отвечающий за здоровье лучшего друга всех народов товарища Сталина...

Берия поблдедел:
— Товарищ Сталин, Рюмин выпестован мною, нашими людьми, мы его сориентировали на поиск...

В дверях Берия столкнулся с серым от волнения новым министром госбезопасности Игнатьевым.

Тому Сталин сказал лишь несколько фраз:

— Всех врачей — в карцеры. Заковать в кандалы. Применять пытки. Дело поручаю генералу Рюмину, вашему заместителю. Завтра приму его в пять часов. Все. Идите.

Оставшись один, с внезапным ужасом вспомнил двадцать второй год, когда он, используя врачей, пригласенных из Германии, отправил Ленина в Горки, запретив ему (решением Политбюро) текущую партийную и государственную работу...

Услышал вдруг: «Мне отмщение и аз воздам».

Позвонил Маленкову, шел уже пятый час утра:

— Решение Политбюро о моем отпуске отменяется. Все заседания Политбюро и Секретариата буду проводить лично я. Бюро Совета Министров — тоже.

Новых врачей генералиссимус не принимал три недели; через секретариат нашел своего старого друга — еще по Царицыну, тот был военфельдшером, вызвал на дачу, дал себя обфлудать и обстучать; старик махиул рукой:

— Ты здоров, Коба... Здоров, как бык... А новым врачам покажись, только пусть я буду при этом... Не в белом халате, конечно, а в сталинке, вроде бы твой денщик...

...После ареста Виноградова, который сразу же согласился сотрудничать со следствием, Сталин, получив от Рюмина первые собственноручные признания Виноградова и Вовси: «работали на англичан, филиал американской разведки и еврейский «Джойнт», собрал Политбюро:

— Врачей-убийц будем вешать на Лобном месте. Прилюдно. Погромы, которые начнутся следом за этим, не пресекать. Подготовить обращение еврейства к правительству: «Просим спасти нашу нацию и выселить нас в отдаленные районы страны». Кагановичу проследить за тем, чтобы были подготовлены бараки для депортируемых. Молотов отвечает за редакцию текста обращения.

Вечером позвонил Берии:
— Пусть твои грызуны (так пренебрежительно звал грузин) приготовят ужин, привезешь на дачу, я приглашаю Хрущева и Булганина, посидим вчетвером.

...Разлив из большой супницы харчо, обрattился к Берии:

— Пробуй первым. Если невкусно — выплуню.

Не отрывал прищуренных глаз от лица Берии, который начал жадно поедать харчо.

Все следующие блюда пробовал только после того, как заканчивали Берия и Булганин с Хрущевым.

К концу вечера подобрел:
— Одному скучно, будем теперь вместе ужинать...

На прощание сказал:
— Завтра присылайте новых эскулапов, пусть осмотрят...

Дождавшись, когда машины Хрущева и Булганина отъехали, Берия сказал с горечью:

— Товарищ Сталин, ведь мерзавца Абакумова не я назначал, а Жданов... Поднимите архивы — его резолюция стоит... Разве я тогда мог противиться? Я ж в кандидатах ходил... Абакумова наши люди разоблачили, Комулов его разоблачил, товарищ Сталин...

Сталин долго, неотрывно бегающе смотрел на Берию, потом, повернувшись, бросил:

— Случись что со мной, тебя первого вздернут... Как паршивого кинто... Рюмин — талант, береги его... Он ненавидит Сион, и верно делает... Все враги народа — жидовня, начиная с Троцкого, я им всегда попереж глотки стоял...

Собравшись, сдерживая нервный озноб, Берия ответил:

— Не только им, товарищ Сталин... У меня есть один нелегал, может быть, помните, он разгадал переговоры американцев с нацистами в Берне... Юстас, он же Штирлиц... Если бы я вам его привез, он бы такое рассказал про корни, про союз евреев и американцев с гестапо...

— Не буду я никого принимать,—отрезал Сталин.— Пусть напишет и даст показания на процессе... Если знал — отчего молчал? Еврей, конечно?

— Русский.
— Штирлиц — не русское имя... Пройдет на процессе как еврей, вздернем на Лобном рядом с изуверами...

Берия решил разыграть эту свою последнюю карту, потому что подивился крепкой собранности Старца, хорошему цвету его лица и вновь обретенному спокойствию.

«Если он продержится еще год, — сказал себе Берия, — всем нам конец, всем без исключения, разве что Шверника пощадит и Сулова, времени у меня больше нет...»

Поэтому его личная агентура действовала на профессора Гареева, нового руководителя бригады врачей, в том смысле, что необходимо отменить все лекарства, которые ранее были предписаны Сталину «еврейскими убийцам в белых халатах». Более того, поскольку арестованные доктора прежде всего опасались инсульта Вождя (выходили его после инфаркта и двух предынсультных кризов), сейчас надо сосредоточиться на профилактике желудка, активной витаминотерапии (Сталин знал, что Гитлера держали витаминами), а все сосудорасширяющие препараты отменить...

Военфельдшер—Сталин звал его Николу— новые назначения одобрил, посоветовав при этом:

— А вообще-то кальцекс надо пить, Ко-ба... Безвредно и профилакирует.

Поскольку курс лечения, предписанный «убийцами» из «Джойнта», был отменен (следуй он ему, неизвестно еще, сколько б прожил), состояние здоровья Сталина ухудшалось с каждым днем; он запрещал себе признаваться в этом; более того, рабочий день теперь начинал не в двенадцать, а на час раньше и спать ложился на рассвете; много читал, стараясь этим заглушить темную ярость, которая душила его, стоило лишь вспомнить Вовси, Виноградова или братьев Коганов. Порою чувствовал, как давит кадык и кружит голову;пил кальцекс.

Готовил еду сам на маленькой электроплитке.

Когда его разбил инсульт и он не отпер дверь своих покоев, охрана позвонила Берии, тот велел взломать замок. Увидев Сталина, лежавшего в странной позе, одетого, глядевшего на него с мольбой, гневно посмотрел на охрану:

— Вы что, не понимаете?! Товарищ Сталин хочет уснуть! Не смей мешать ему!

...Профессор Тареев, вызванный лишь на следующий день, трясся, не владел руками, плакал; применять те препараты, которыми Виноградов и Вовси спасли Сталина семь лет назад, не имел права; министр Игнатьев дал устную рекомендацию следователям провести с «врачами-убийцами» консилиум по поводу состояния здоровья «неназываемого пациента».

После смерти Сталина первый заместитель Председателя Совета Министров и министр внутренних дел Берия (МГБ ликвидировали в одночасье), «человек номер два», вызвал к себе Абакумова, беседовал с глазу на глаз пять часов; в карцер Абакумова был посажен бывший генерал Рюмин.

Вскорости «врачи-убийцы» были реабилитированы: сообщение в «Правде» было дано от имени МВД СССР. Берия начал тур борьбы за лидерство, его имя сразу же сделалось популярным в среде советской интеллигенции.

Хрущев, понимая, что такого спускать нельзя, опубликовал в «Правде» статью о нарушениях законности в бывшем МГБ.

Берия решил ответить ударом на удар: внес предложение на ПБ о нормализации отношений с Тито («это дело — фикция и дутое провокаторство; интрига»), выходе на международный рынок и налаживании политического диалога с Западом («мы отстали в технологии на десятилетия»), предложил снять с поста первого секретаря ЦК Компартии Украины Мельникова, заменив его истинным украинцем (прекратив таким образом насильственную русификацию республик, вернувшись «к нормам ленинского социалистического интернационализма», выраженного в Завещании). Не забыл он и об эмоциональном аспекте борьбы за лидерство: приказал найти в лагерях и тюрьмах бывших нелегалов, подкормить их, подлечить и дать о них серию материалов в газетах: «В МГБ были не только садисты типа Рюмина, ставленники тирана, но и истинные герои в борьбе с нацизмом».

Исаева нашли во Владимирском политическом изоляторе: полуслепший, беззубый, с перебитыми ногами, он был помещен в тюремный госпиталь.

Шандора Радо выпускать нельзя: работа в «шарашке» продолжается, этот пусть сидит, благо Родины прежде всего...

Лишь после этого Берия вспомнил о Валленберге: не помер ли где в одиночке или на каторге?

По счастью, был жив.

Перед тем как пригласить его к себе, Берия поинтересовался:

— Не псих?

— Вполне нормален, — ответил Комуров.

— Постригите, оденьте как следует, накормите обедом из «Националя», а потом ведите ко мне.

Комуров покачал головой:

— Лаврентий Павлович, рискованно... Иностранец...

Берия, словно бы не услышав этих слов, посмотрел на часы:

— К семи вечера... Послезавтра...

...Навстречу Валленбергу вышел из-за стола, пожал руку:

— Те, кто мучил вас в течение всех этих лет, трагичных для нашей страны, по моему приказу арестованы. Начало следствие. Мерзавцев ждет смертная казнь, они позорили Сталинскую Конституцию...

— Господин Рюмин? — сухо осведомился Валленберг. — Какова его судьба?

— Этот черносотенец взят первым.

Переводчик не решился корректировать Лаврентия Павловича: слово «взят» перевел дословно.

Валленберг не понял:

— Что значит взят?

— Это значит — арестовали...

— Я могу выступить свидетелем на его процессе?

— Конечно, господин Валленберг. — Берия мягко улыбнулся. — Мы дадим вам постоянную визу в Москву, вы это заслужили годами нечеловеческих мук... Хочу надеяться, что вы, несмотря ни на что, не станете игрушкой в руках тех сил, которые по-прежнему норовят разжечь ненависть к Советскому Союзу... Они не хотят понять: начался новый период нашей истории, новое время, мы нуждаемся в друзьях... Вы же видели, что в камерах вместе с вами мучились невинные советские граждане и никто из них не ругал свою родину, ругали тех мерзавцев, которые обрели их на муки...

— Я был, есть и останусь другом тех советских людей, которые делили со мною горе... Это были прекрасные люди... И вообще, я не намерен заниматься общественной деятельностью... Я — если вы действительно освобождаете меня — уйду в лоно Церкви.

— Благодарю вас, господин Валленберг. — Глаза Берии повлажнили, он снял пенсне и вытер слезы. — Какие у вас еще пожелания?

— Я бы хотел также выступить на процессе против изувера Абакумова, который проводил со мной первые... допросы...

(Берия держал Абакумова в резерве)

77
212

когда он переместит Маленкова в секретари ЦК, а сам возглавит Совмин, Виктор вернется в прежнее кресло, кроме него некому, разве что Меркулов, но опять-таки армянин: Сталин разжег национальную рознь, с чечни и татар начал, еврейя кончил, нужно время на успокоение).

— Вы что-то путаете, господин Валленберг... Абакумов к вашему делу не имел никакого отношения,— ответил Берия.— Он сам был жертвой клеветы, его пытали в этом же здании...

— И аз воздам,— Валленберг был тверд. — Первые недели мной занялся Абакумов. Да, именно он. Поэтому я оставляю за собой право прислать моих адвокатов для вызова его в суд.

— Если настаиваете — не смею возражать, — ответил Берия, сердечно распрощался с Валленбергом, пожелав ему благополучного возвращения к родным, проводил до двери.

Сразу после этого вызвал Комурова:

— Ты был прав, Богдан. Увы, ты был прав... Подготовь справку, датированную сорок шестым или сорок седьмым годом: «Валленберг умер от разрыва сердца». И запири в сейф. До поры до времени: я намерен свой первый официальный визит нанести в Скандинавию: через них возможен прорыв в технологию; из них можно получить заем... Справку пусть сделают по форме, подпишется начальник тюремного госпиталя, протокол и все такое прочее, чтоб в Стокгольме никто не подточил нос...

...Арест Берии, необходимый и в высшей мере своевременный, был, однако, оформлен для печати по рецептам Сталина и того же Берии: «югославский и английский шпион»; через полтора года после расстрела «югославского шпиона», убившего Сталина, в Белград к «товарищу Тито, верному коммунисту-ленинцу», отправилась советская делегация во главе с Хрущевым.

Маленкова, который произнес слова, кивнув на Берия во время того памятного кремлевского заседания: «Арестуйте его, это враг народа!» — среди членов делегации не было.

В секретном архиве Берии было обнаружено множество фактов о пытках, которые применялись к участникам процессов тридцать шестого — тридцать восьмого годов; часть этих фактов была приведена Хрущевым на XX съезде партии, который означал начало конца Сталина, мучительное и кровавое.

Двадцать третьего декабря пятьдесят третьего года советские газеты опубликовали сообщение Верховного суда Союза ССР, в котором сообщалось, что приговор Специального Военного Присутствия Верховного суда СССР в отношении присужденных к высшей мере наказания — расстрелу — Берии, Гоглидзе, Деканозова и других приведен в исполнение.

Казнь проходила в присутствии и под контролем маршала Ивана Конева.

Дело бывшего заместителя министра бывшего МГБ Рюмина было выделено в отдельное производство.

Рюмин был осужден и расстрелян. Следом были осуждены и расстреляны Комуров и Владимирский.

Абакумов, обвиненный (после захвата Берии в сталинском кремлевском кабинете) в фальсификации «ленинградского дела» и садистских зверствах, содержался в Лефортовской тюрьме; от дачи каких-либо показаний отказывался наотрез; следователю дал отвод.

Когда к нему в камеру пришел генерал, работник ЦК в прошлом, назначенный (после ареста Берии) заместителем Главного военного прокурора, проводивший реабилитацию всех необоснованно репрессированных, Абакумов хмуро поинтересовался:

— В чем дело? Я ж сказал — никаких показаний не будет. Точка и ша. И вообще — вы кто такой? Я вас раньше не видел.

— Я заместитель военного прокурора.

Абакумов расхохотался: в этом его веселом, дерзком хотее не было ничего наигранного или, более того, истеричного:

— Ты мне баки не заколачивай, «прокурор»! Ни на Лубянке, ни в Лефортове ноги прокурора не было и не будет! Это наша вотчина! И не хрена со мной комбинации строить, я их все наизусть знаю!

Генерал достал удостоверение, подписанное Прокурором СССР, протянул Абакумову:

— Вот, ознакомьтесь...

Тот взял красную книжку, раскрыл, читал долго, шевеля губами, раз пять, не меньше, потом книжку аккуратно закрыл, вернул ее генералу, обхватил голову руками и начал медленно раскачиваться из стороны в сторону, повторяя:

— Все... Все... Все... Все кончено... Конеч... Конеч Державе... Конеч родине, конец святому делу, конец, конец, конец...

...Назавтра начал давать показания, вьскабливался.

Держался с полнейшим безразличием; только один раз разбушевался: «Я санкции на расстрел докторов Шимелиовича и Этингера не давал! В бумагах генералиссимуса ищите!»

Был приговорен к расстрелу.

Расстреляли.

...«Золотую Звезду» Героя Советского Союза Всеволод Владимирович Владимиров (Исаев) получил из рук Ворошилова, который вместе со Сталиным и Молотовым шестнадцать лет назад подписал список на расстрел учителей и друзей Исаева, товарищей Уборевича, Антонова-Овсеенко, Постышева, Блюхера, Пиляра, Сыроежкина — несть числа этому списку.

Обменявшись рукопожатием с «народным президентом», Исаев обязательного в таких случаях благодарственного слова не произнес, возвратился на свое место за столом заседаний, а перед началом коллективного фотографирования ушел, сославшись на недомогание.

Через месяц он начал работать в Институте истории по теме «Национал-социализм, неофашизм; модификации тоталитаризма».

Ознакомившись с текстом диссертации, секретарь ЦК Сулов порекомендовал присвоить товарищу Владимирову звание доктора наук без защиты, а рукопись изъять, передав в спецхран...

ТРЕЩИНА

РЕМОНТ в роте шел полным ходом. Уж и не зная, почему привлекли мое внимание эти два солдата. То ли потому, что работали как-то непрофессионально спокойно, без излишней суеты, с головой выдающей дилетантов, то ли еще почему. Взобравшись на козлы, они шпаклевали трещины на потолке. И так это ловко у них получалось, что, не удержавшись, подошел и спросил, когда успели они пройти рабочие университеты.

Сам собой завязался разговор. Один из умельцев, небольшого роста, оказался довольно словоохотливым. Другой — высокий, плотно сбитый, с крепкими мозолистыми руками, напротив, больше отмалчивался. Да и держался как-то настороженно. Подумалось тогда: наверно, служит недавно, вот и тушуете пока. Спросил: сколько?

Солдат бросил из-под надагнутой на глаза газетной пилотки тяжелый взгляд и не столько сказал, сколько выдохнул:

— Четвертый год.

— Шутите? — растерялся я.

— Какие уж тут шутки — после дисбата я, — нехотя пояснил он, пряча глаза.

Почти год прослужил Фахриев верой и правдой помощником начальника караула по службе собак. Дело уже шло к отпуску. Однако жизнь распорядилась иначе.

...Шоферы, как известно, народ разгортчивый. Пока машине стоит на контрольной площадке, успевают взволновать позубоскалить, не забывая подгонять солдат: чего, мол, одно и то же по сто раз осматривать, когда план горит и премия опять же под угрозой. Особенно старался один, рубаха-парень, вежливый такой, обходительный — обязательно поинтересуется настроением, о своей службе вспомнит.

В тот злополучный день все было как обычно. Скрипя тормозами, у КПП остановилась машина.

— Как служба, солдат? — с подножки соскочил «свой парень».

— Нормально, — пожал плечами Ильгиз, — еще бы ваш брат поменьше ездил — совсем было бы здорово.

В кузове стесалась бочка. Приподняв крышку, солдат убедился, что в ней масло, и



выпустил автомобиль за территорию объекта.

А при съеме с работ недосчитались осужденного. Вскоре докопались до истины: «ушел» он через КПП, бочка с маслом оказалась с двойным дном. Дальше — следствие, суд, приговор — три года дисциплинарного батальона...

— Несладко пришлось, — опустив голову, тихо говорит Ильгиз. — Повкалывал на стройке будь здоров. Но самое страшное — одиночество и стыд.

— Неужели и друзей не было?

— Какая там дружба, так, поболтать о том о сем, покурить. Обычно говорят, что беда сблизжает людей. Да, видно, не та это беда...

А ремонт продолжался. Рядовой Фахриев, ловко орудуя мастерком, замазывал трещину на потолке. И делал это на совесть, словно заделывал трещину в своей молодой жизни. А может, так оно и было?

Капитан В. КРУГЛЯНИН.

«ИСТИНА» БЕЗ ПОДПИСИ

В № 6 «Огонька» опубликован снимок неизвестного автора, запечатлевший трупы на улице города. Текстовка предельно лаконична: «Баку. Утро 20 января 1990 года после ввода войск».

Эта анонимка — новый жанр советской журналистики: фотопасквиль. Кто помнит о военнослужащих, погибших в Баку ради спасения тысяч людей, постыдится увязывать сюжет снимка с присутствием войск.

Сегодня непопулярно ругать войска в открытую: слишком многие знают, как развивались события в Баку. Но у «Огонька» своя, «принципиальная» позиция. Она весьма наглядно изложена в материале А. Головкина «Проникающее ранение», а фотопасквиль, наверное, должен помочь читателю разглядеть умело замаскированные за эмоциями мысли. Своеобразный кукиш в кармане: неважно, что вызволенные из беды благодарят солдат. «Огоньку» другое интересно: «Советская Армия и граждане СССР стреляли друг в друга». Избави Боже Советскую Армию от таких друзей! Обратите внимание, как ненавязчиво, но настойчиво проводится мысль о равной ответственности сторон. И даже более того. Если верить А. Головкину, не бандиты и убийцы, не их идейные вдохновители и богатые покровители, а Политбюро ЦК КПСС и правительство виноваты в погромах: «располагали исчерпывающей информацией о надвигающейся угрозе, но радикальных мер не приняли».

Интересно, какие «радикальные меры» удовлетворили бы А. Головкина? Или ему нужен повод негодовать, что «новая федерация не создана, а старую пытаются удержать силой оружия ради сохранения прежних порядков»? Так он и без повода негодует...

Если под «старой федерацией» «Огонек» понимает взаимоотношения между республиками, при которых в Баку не резали армян, а в НКАО — азербайджанцев, то войска, действительно, пытались их сохранить. Какому демократу или гуманисту это не по душе? Восстановление реального суверенитета, разграничение прав союзных республик и центра — то немногое, что удалось сделать для обновления федерации, и привело к безвластию: местные правоохранительные органы не пресекли действия «молодчиков, выдававших себя за Народный фронт». А Верховный Совет Азербайджанской ССР не использовал свои полномочия, хотя обладает правом пригласить войска и ввести комендантский час.

Но такая правда «Огоньку» не нужна. Вот и заказывает новость что, подписав под фотоснимком ставить совестно...

Отдел войсковой жизни.

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР НА ПЕРВЫЙ КУРС

Калининградское высшее инженерное ордена Ленина Краснознаменное училище инженерных войск

Училище готовит для внутренних войск офицеров с высшим военно-специальным образованием — специалистов инженерно-технического обеспечения. Срок обучения — 5 лет.

Правила и условия приема на учебу в училище аналогичны с Правилами приема в военно-учебные заведения, введенными в действие приказом МВД СССР.

Вступительные экзамены проводятся в период с 4 по 28 июля по следующим предметам: русскому языку и литературе (письменно), математике (письменно), физике (устно) и истории СССР (устно).

Подробную информацию можно получить в штабе воинской части или в военном комиссариате по месту жительства.

236022, Калининград-22,
Калининградское ВУИВ,
приемная комиссия.

ПОИСКИ НОВЫХ ФОРМ

В нашей части многое делается по интернациональному воспитанию. Проблемы межнационального общения обсуждаются на семинарах по марксистско-ленинской и политической подготовке, на читательских конференциях.

Члены агитпропгруппы подготовили и провели «круглый стол» совместно с республиканской организацией общества «Знание». Итогом этого явилась брошюра «Воспитывать патриотов-интернационалистов, надежных защитников Родины». Она раскрывает историю образования автономной республики, обычаи и традиции ее народов, их взаимоотношения, а также содержит краткий чечено-ингушский разговорник.

Подполковник С. ЧЕРНИЧКИН.

212
213



УРОКИ ДАЕТ ВЫПУСКНИК ВСЕКИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ УШУ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ.

Мы начинаем публикацию ряда методических материалов, посвященных прикладному применению некоторых принципов и приемов ушу. Уроки будут построены с учетом специфики службы внутренних войск.

Как и предполагают правила построения занятия по любому виду спорта, вначале — разминка.

Упражнение № 1. Исходное положение — стоя, ноги на ширине плеч, руки на бедрах.

Выполнять поочередно наклоны головы вперед-назад, вправо-влево, повороты головы вправо-влево, круговые движения головой по и против часовой стрелки. Каждое движение повторить по 5—10 раз в каждую сторону.

Упражнение № 2. Стоя, ноги на ширине плеч, руки вытянуты вперед на уровне плеч.

Сгибая руки в лучезапястных суставах, выполнять круговые движения кистями снаружи вовнутрь и обратно по 10—15 раз.

Упражнение № 3. Стоя, одна нога опорная, другая на носке, кисти в «замок» на уровне груди.

Выполнять круговые движения кистями и стопой, меняя в ходе выполнения упражнения положение ног.

Упражнение № 4. Стоя, ноги на ширине плеч, руки вытянуты в стороны на уровне плеч.

Выполнять круговые движения предплечьями изнутри наружу и снаружи вовнутрь по 7—10 раз в каждую сторону. Следить за тем, чтобы локти не опускались ниже уровня плеч.

Упражнение № 5. Стоя, ноги на ширине плеч, руки свободно опущены вдоль бедер.

Напрягая руки, выполнять круговые движения плечами назад и вперед по 7—10 раз в каждую сторону.

Упражнение № 6. Стоя, ноги на ширине

плеч, руки выпрямлены в локтях и подняты вверх.

Выполнять круговые движения руками вперед и назад в вертикальной плоскости по 10—15 раз в каждую сторону.

Упражнение № 7. Стоя, ноги на ширине плеч, одна рука поднята вверх, другая опущена вниз, угол между руками 180 градусов.

Выполнять круговые движения прямыми руками вперед и назад по 10—15 раз в каждую сторону.

Упражнение № 8. Стоя, ноги на ширине плеч, руки свободно опущены вдоль бедер.

Выполнять повороты туловища со скручиванием поочередно по и против часовой стрелки. В ходе выполнения упражнения руки должны быть полностью расслаблены.

Упражнение № 9. Стоя, ноги на ширине плеч, руки на поясе.

Выполнять круговые движения бедрами по 7—10 раз в каждую сторону.

Упражнение № 10. Стоя, ноги чуть шире плеч, руки на поясе.

Выполнять круговые движения туловищем по и против часовой стрелки по 5—7 раз в каждую сторону. Прогибаясь назад, сильно запрокинуть голову, наклоняясь вперед, следить за тем, чтобы позвоночник был выпрямлен.

Упражнение № 11. Стоя, ноги на ширине плеч, руки на поясе.

Прогнуться назад и, слегка покачиваясь, сильно запрокинуть голову.

Упражнение № 12. Стоя, ноги на ширине плеч, руки на поясе.

Наклониться вперед и, слегка покачиваясь, выпрямить спину и поднять голову, смотреть прямо перед собой.

Упражнение № 13. Опорная нога слегка согнута в колене, другая отставлена несколько вперед, стопа плотно прижата к полу. Обими руками упереться в колено впереди стоящей ноги.

Выполнять наклоны туловища к впереди стоящей ноге, слегка покачиваясь. Следить за тем, чтобы спина была выпрямлена, голова поднята (рис. 1).

Упражнение № 14. Выполняется, как и предыдущее, но впереди стоящую ногу следует поставить на пятку, потянув носок двумя руками на себя. Тянуться головой к носку. Следить за тем, чтобы впереди стоящая нога была выпрямлена в колене (рис. 2).

Упражнение № 15. Стоя лицом к опоре, положить на нее ногу, выпрямить ее в колене и потянуть стопу на себя. Опорную ногу также выпрямить в колене, повернув носок вовнутрь.

Взявшись двумя руками за носок, потянуться к нему подбородком, слегка покачиваясь. Следить за тем, чтобы спина была выпрямлена, голова поднята (рис. 3).

Упражнение № 16. Стоя боком к опоре, положить на нее ногу, выпрямить ее в колене и потянуть стопу на себя носком вверх, опорная нога выпрямлена, носок повернут наружу. Ближняя к опоре рука согнута в локте на уровне груди, другая поднята вверх.

Выполнять наклоны туловища к ноге через сторону, стараясь достать носок головой (рис. 4).

Упражнение № 17. Стоя спиной к опоре, положить на нее ногу, носок оттянут. Опорная нога выпрямлена в колене. Руки на поясе.

Слегка покачиваясь и прогибаясь в пояснице, запрокинуть голову назад (рис. 5).

Упражнение № 18. Присесть на опорной ноге, стопа полностью прижата к полу. Другую ногу выпрямить в сторону, поста-

вить ее на пятку носком вверх. Руку, одноименную опорной ноге, упереть в пол, локтем отвести колено в сторону; другую руку упереть в колено выпрямленной ноги.

Выполнять покачивания вверх-вниз. Следить за тем, чтобы туловище было перпендикулярно полу (рис. 6).

Упражнение № 19. Одна нога сильно отставлена вперед, руки на колене впереди стоящей ноги, спина выпрямлена.

Выполнить глубокий выпад на впереди стоящую ногу, стопа полностью прижата к полу. Сзади стоящая нога выпрямлена в колене, носок на полу, пятка поднята. Туловище перпендикулярно полу. Выполнять покачивания вверх-вниз (рис. 7).

Упражнение № 20. То же, что и для предыдущего упражнения.

Выполнить глубокий выпад на впереди стоящую ногу. Стопу сзади стоящей ноги повернуть подъемом к полу. Сильно прогнуться назад в пояснице и запрокинуть голову (рис. 8).

Упражнение № 21. Стоя, одна нога сильно отставлена вперед. Руки свободно опущены.

Упираясь руками в пол, опуститься в продольный шпагат. Стопу впереди стоящей ноги потянуть на себя, сзади стоящую повернуть подъемом к полу (рис. 9). Двумя руками взяться за носок впереди стоящей ноги и потянуться к нему головой.

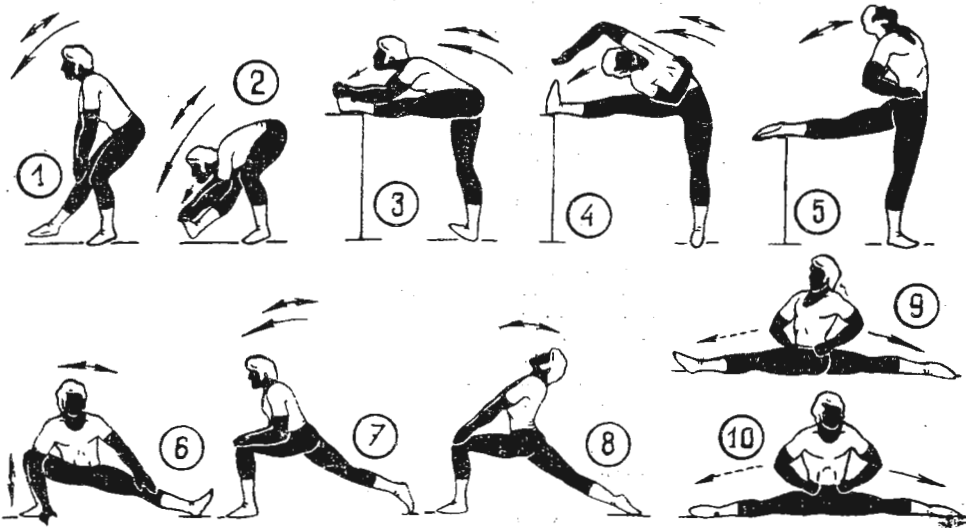
Упражнение № 22. Чоги широко расставлены в стороны, руки свободно опущены.

Упираясь руками в пол перед собой, развести ноги и опуститься в поперечный шпагат. Следить за тем, чтобы таз находился на одной линии со стопами, а спина была выпрямлена (рис. 10).

Выполнять наклоны через сторону поочередно к правой и левой ноге, а затем вперед. Попытаться коснуться грудью пола. Голова поднята.

Рисунки к упражнениям даются в необходимых случаях.

Рис. Е. Гладкова.



погода и САМО- ЧУВСТВИЕ

Наиболее чувствительны к изменению погодных условий, и это доказывает практика, больные, страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями, такими, как нейроциркуляторная дистония, ишемическая болезнь сердца, гипертония и другие. Впрочем, за медицинской помощью обращаются и здоровые люди, имеющие избыточный вес и ведущие малоподвижный образ жизни, а также с повышенной служебной нагрузкой, связанной с психоэмоциональными перенапряжениями.

Типичные жалобы — слабость, недомогание, сонливость, головные боли в лобно-затылочной области, головокружение, эпизодически возникающие колюще-ноющие сердечные боли. Как правило, чтобы облегчить свое состояние, пациенты принимают анальгин, пиркофен, цитрамон, пенталгин, валокордин, корвалол, однако значительного улучшения не добиваются.

Что же, на наш взгляд, следует предпринять во избежание пагубного влияния погодных условий на самочувствие человека?

Для начала нужно усвоить, что неблагоприятные дни строго индивидуальны для каждого. Проследить эту закономерность можно в течение двух-трех месяцев, сравнивая ваши данные с публикуемыми в газетах.

Больные, которые страдают заболеваниями сердечно-сосудистой системы и принимают препараты, поддерживающие работоспособность, должны накануне неблагоприятных дней увеличить дозу на 0,5—1 таблетку. К примеру, у вас стенокардия напряжения и лечащий врач рекомендовал принимать для предупреждения приступов эринит, сустак или нитронг по таблетке три раза в день. Следовательно, к проводимой схеме лечения необходимо добавить 0,5—1 таблетку. Это касается и гипертоников. А затем, по улучшении самочувствия, вы вернетесь к первоначальной дозе. Но помните: дозу обзидана можно увеличить лишь в том случае, если ваш пульс более 60 ударов в минуту.

Иногда можно слышать жалобы на плохое самочувствие в неблагоприятные дни и от военнослужащих срочной службы. Особенно от тех, кто имел в анамнезе за-

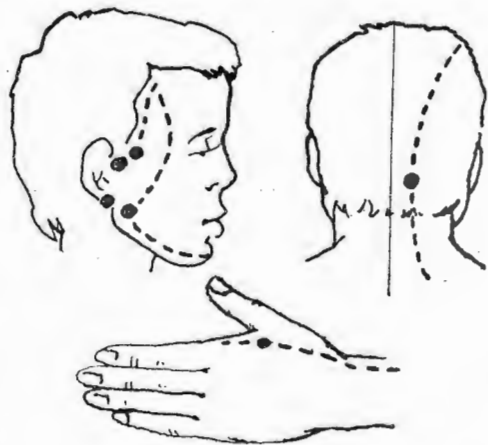
крытые черепно-мозговые травмы и вегетососудистую дистонию. Желательно учитывать это при назначении солдат и сержантов в суточные наряды, сопряженные с вынужденным прерыванием сна.

А как быть людям здоровым, не страдающим хроническими недугами, но реагирующим на изменения погоды? Мы рекомендуем вне зависимости от возраста правильно чередовать режим отдыха и труда, больше бывать на свежем воздухе.

Человеку с «сидячей» работой, находящемуся в состоянии гиподинамии, необходимо с подъема заняться утренней гимнастикой в течение 10—15 минут, акцентируя внимание на работе мышц верхнего плечевого пояса и позвоночника. Не помешает и утренняя пробежка на свежем воздухе.

Благотворное влияние на организм оказывает оздоровительное плавание в течение 20—30 минут в бассейне или открытом водоеме 2—3 раза в неделю.

Уместно напомнить о целебном эффекте бальзама «золотая звезда». Втирать мазь, делая при этом массаж, по силам каждому. Эта процедура снимает боль и напряжение, улучшает проходимость крови. Бальзам втирают в определенные точки (см. рис.) следующим образом: взяв на кончик пальца немного мази, тонким слоем нанести на точку, слегка надавить и затем втирать по часовой стрелке.



И наконец, медикаментозная терапия. При головных болях с повышением артериального давления и головокружениях рекомендуем следующие комбинации препаратов: но-шпа 1 т. + спазмалгон 1 т.; дибазол 1 т. + анальгин 1 т.; папаверин 1 т. + анальгин 1 т.; баралгин 1 т., а также папазол, дивенал, люпаверин и другие.

Майор медицинской службы
И. ПУШКОВ.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ КЛЮНУЛ НА... ЛЬДУ

214
215

В том году во время весенних школьных каникул мы с внуком, учеником четвертого класса, отправились порыбачить на Волгу. Просверлив лунки, начали ловить. На мотыля брал мелкий ерш. Изредка попадались небольшие окуньки.

Погода была скверная. Дул холодный восточный ветер, обильно осыпая нас жесткой снежной крупой. Часам к двум ветер быстро поменялся на южный. Клев усилился, а через час стал таким, каким бывает здесь лишь по последнему льду. Скорее всего, подошла большая стая окуней. Я вытаскивал их одного за другим и бросал перед собой. Вскоре образовалась довольно приличная кучка полосатых красавцев весом до 100 граммов каждый.

Внук на зимней рыбалке был впервые. Но дело у него шло неплохо. На одного мотыля он вытаскивал из лунки по нескольку мелких окунишек и ершей. Когда на крючке уже почти ничего не оставалось от наживки, внук шел ко мне. И я надевал на мормышку свежего мотыля. Что делать, очень уж у парня мерзли руки с непривычки.

И в тот раз он взял в одну руку удочку, в дру-

гую леску и, подняв мормышку на 10—15 сантиметров надо льдом, направился в мою сторону. Я хорошо все это видел, обратил даже внимание, что на его мормышке висел клочок крупного мотыля. Но очередная поклевка на какое-то мгновение отвлекла меня. Вдруг слышу:

— Дедушка, смотри! Вот здорово!—кричал в восторге мальчик.—Я несу мормышку над твоими окунями, а один как подпрыгнет, как схватит и вот опять поймался...

Такого я еще не видел и не слышал. Но тут все произошло буквально на глазах. Значит, решили мы с внуком, ранней весной у окуня бывает такой вот жор.

В. ЖУКОВ.



СДЕЛАЙ САМ... УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

НЕЗАЦЕПЛЯЮЩИЙСЯ ТРОЙНИК

Обыкновенный тройник, которым оснащаются блесны, можно сделать незацепляющимся, что очень важно, если рыбачишь в закоряженном водоеме. Для этого нужно нарезать одинаковые отрезки стальной упругой проволоки диаметром 0,2—0,3 мм, вдвое превышающие длину крючков. Затем согнуть их пополам и припаять к цевью тройника или обмотать красной ниткой, пропитанной клеем БФ-2. Заготовки нарезаются по три на каждый тройник. Остается лишь согнуть ушки проволоки в направлении к острию крючков, по паре на крючок—и снасть готова.

БЛЕСНА ЗА ПЯТЬ МИНУТ

Очень просто сделать хорошую, уловистую блесну из обыкновенной нержавеющей ложки. Для этого достаточно отрезать черенок, слегка обработать края напильником, просверлить отверстия для крепления карабинов и оснастить блесну обычным образом.

Капитан медицинской службы
Е. ГОЛУБЕВ.

СОХРАНЕНИЕ ЛЕСКИ

Леска имеет обыкновенное стареть, то есть со временем терять прочность на разрыв. В силах рыбака замедлить этот неприятный процесс. Известно, что леска, намакая, растягивается. Поэтому надо взять за правило после окончания ловли сматывать леску на что-нибудь мягкое, например подушечку из поролона, чтобы, высыхая, леска могла беспрепятственно вернуться в прежнее состояние. А уж если необходимо оставить на мотовильцах или катушке, то их нужно искусственно удлинить за счет прутика или просто пальца. Смотав леску, прутик выдергивают и у лески остается резерв для возвращения в исходное состояние. Смотанную леску хранят в темном прохладном месте, лучше опущенную в глицерин или натертую им.

Н. ФЕТИНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ К 120-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. И. ЛЕНИНА

ЗУБАНОВ И. Рядом с Ильичем 1

■ К XXVIII СЪЕЗДУ КПСС

ШЕВЧУК И. Есть точка опоры! 5

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 7

■ ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

МЕДВЕДЕВ С. Сделать всех счастливее 11

БОРИСЕНКО В. «Будучи избранным в Верховный Совет...» 13

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

ГЕРАЩЕНКО В. Цена нерешительности 14

БАЗЛОВ А. Подковы на обочине 20

■ К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ЛАПШИН М. Огонь негасимый... 23

КРИВЕЦ В., ШТУТМАН С. Боевые потери войск НКВД 25

■ XXI СЪЕЗД ВЛКСМ: УСЛЫШАТЬ КАЖДОГО 31

■ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

АРТЮХОВ Е. Марш Мендельсона 28

КУЗЬМЕНКО В. Кто остановит беспредел? 33

КОРОТКОВ Л. Айболиту нужна помощь 39

НЕКРАСОВ В. Право на... бесправие 60

ПЕТРОВ А. А воз и ныне там... 62

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

ШЕВЦОВ С. Инозона 35

СТУДЕНИКИН П. Диалог с «Памятью» 64

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КОЗЛОВ И. Алехин (рассказ) 42

МИХАНОВСКИЙ В. Боль возвращения (повесть, начало) 52

СЕМЕНОВ Ю. Отчаяние (роман, окончание) 72

КАРЕВ А. Родство (стихи) 50

* * *

Ушу — искусство и оружие 92

Погода и самочувствие 94

Рыболовам и охотникам 95

«К гуманному, демократическому социализму».

Наши читатели обсуждают проект Платформы ЦК КПСС к предстоящему съезду партии.

Ситуация в Закавказье в начале нынешнего года приобрела столь трагический оборот, что в некоторых районах было введено чрезвычайное положение.

Публикуются материалы наших корреспондентов, побывавших на месте событий.

Еще одно резкое торможение — и правый бок «Жигуленка» заскрежетал о левый бок «Москвича». Посыпались в салон стекла, их осколки обожгли лицо Духана. Машина остановилась...

Б. ЛОССАН.
«Обратная дорога короче» (повесть).

Художественное оформление К. Ф. Рожкова, Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.



Адрес редакции: 111250, Москва, Б-250

Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23 партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.



Сдано в набор 5.02.90 г.
Формат бумаги 70x108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13.

Подписано к печати 19.03.90 г.

Усл. печ. л. 8,4+вкл. ч. п. л.

Зак. № 505.

Г-42302
Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.



малы да удалы

Норные собаки пользуются у охотников большой популярностью. Забралась лисица или барсук в нору — как их оттуда выгнать! Пускают маленького четвероногого помощника, не подведет. Бывает, выпугнет зверя под выстрел хозяина, бывает, вытащит на поверхность полуживого. Для этих целей и выведена порода норных. Она включает гладкошерстных и жесткошерстных фокстерьеров, вельштерьеров, ягдтерьеров и такс. Все они собачки маленькие, но шустрые, крепкие, мускулистые, с молниеносной реакцией и безоглядной храбростью. Разносторонние охотничьи задатки, понятливость, цепкость позволяют использовать норных при облавах на кабана, сохатого, как гонца по зайцу.



Быстро приживается собачка в домашних условиях, становится равноправным и любимым членом семьи. Нет гроблем с ней при дальних псездках — транспортабельна: поместил в сумку, корзину или рюкзак — вот и поехали. Легко поддается воспитанию и обучению. Общие правила поведения можно привить и дома, а охотничью науку лучше постигать в поле.

Военные охотники чаще других норных заводят Фокстерьеров. Их, ко всему прочему, можно научить облаивать белку, разыскивать пернатую дичь, подавать стреляную птицу. Как не назвать такого помощника универсалом!

Полквник в отставке
К. ОГЛОБЛИН.

Вас ждет ЗИЛ

Если вы хотите участвовать в освоении выпуска новых отечественных автомобилей и реконструкции Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева, ЗИЛ ждет вас, воины, за-

канчивающие службу во внутренних войсках!

Предприятию требуются специалисты в области электроники, автоматики, наладчики, операторы автоматических линий ГПС и станков с ЧПУ, электрики, водители, испытатели двигателей, слесари механосборочных работ, водители-испытатели, специалисты инструментального производства и другие специалисты машиностроительного профиля, а также рабочие всех строительных специальностей. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной про-

фессии без отрыва от производства.

Всем принятым на завод одиноким иногородним рабочим предоставляется благоустроенное общежитие квартирного типа с пропиской в г. Москве.

По вопросам приема на работу обращайтесь письменно по адресу: 109068, г. Москва, ул. Автозаводская, 18. Управление рабочих кадров ЗИЛ.

Стравки по телефонам: 277-87-58, 277-93-09, 277-80-27.

Выезд к месту работы по вызову.

